63.4(2)
П 78

ХАРЬКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ХАРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
ХАРЬКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УКРАИНЫ

К 140-летию со дня рождения
академика Дмитрия Ивановича Багалея

Харьков
1997

ХАРКІВСЬКЕ ОБЛАСНЕ ІСТОРИКО-АРХЕОЛОГІЧНЕ ТОВАРИСТВО
ХАРКІВСЬКА ОБЛАСНА ДЕРЖАВНА АДМІНІСТРАЦІЯ
ХАРКІВСЬКИЙ МІСЬКИЙ ВИКОНАВЧИЙ КОМІТЕТ

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

До 140-річчя з дня народження
академіка Дмитра Івановича Багалія

Тези доповідей наукової конференції
16-18 квітня 1997 року

Харків
АО «Бизнес Информ»
1997

Проблеми історії та археології України. До 140-річчя з дня народження академіка Д. І. Багалія: Тези доповідей наукової конференції (Харків, 16-18 квітня 1997 р.).— Харків: АО «Бизнес Информ», 1997.— 96 с.

Оргкомітет конференції «Проблеми історії та археології України» приносить щиру подяку Міжнародному фонду «Відродження» за фінансову допомогу у виданні тез до конференції

Редакційна колегія:

В. І. Кадеєв (відповідальний редактор)
С. І. Берестнєв
Ю. В. Буйнов
С. В. Дячков
В. В. Кравченко
М. В. Любічев
О. П. Мартем'янов
С. Б. Сорочан

ЭПОХА КАМНЯ

Л. Кулаковская (Киев)

МИКОКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ УКРАИНЫ

1. В среднем палеолите Украины известны индустрии, обладающие характерными для центральноевропейского микока чертами. В советских и некоторых зарубежных источниках они известны чаще всего под названием «восточного микока». Следует сразу же отметить, что в одних случаях под этим термином понимается географическое значение, в других — культурное.

2. *Территория распространения*. Памятники известны в Карпатском регионе (Королево, слой IIa), в Полесье (Житомирская стоянка, Рихта), в Донбассе (Антоновка I, II), на Крымском полуострове (ак-кайская культура). Хронологические рамки: начало вюрма I.

3. *Типы памятников*. Известны стоянки под открытым небом в стратиграфических условиях (Королево, слой IIa, Антоновка I, II), стоянки под открытым небом переотложенные (Житомирская, Рихта), в скальных убежищах (Крым).

4. *Техническая характеристика*. Индустрии характеризуются, главным образом, дисковидной и одноплощадочной конвергентной техникой раскалывания с низким уровнем пластинчатости. В Крыму достаточно часто встречается оформление орудий непосредственно на плитках сырья.

5. *Типология*. Преобладающий тип орудий — скребла простые и поперечные выпуклые. Конвергентные и двойные редки (за исключением Рихты). Двусторонние изделия выразительны и часты. В основном это изделия типа Keilmesser, рубила (Рихта), листовидные формы, скребла. Листовидные острия единичны. Выразительными сериями представлены сколы оформления двусторонних изделий (Королево). Своеобразный облик имеют орудия со спинкой (скребла, ножи), отмечены разнообразные способы получения и оформления спинки.

6. *Локальное подразделение*. Каждая из территориальных групп памятников, несмотря на объединяющие их черты, обладает своими специфическими чертами и позволяет выделить отдельные типы индустрии. Наиболее выразительной представляется сегодня группа крымских стоянок, во многом тяготеющая к центральноевропейским микокским комплексам. Достаточно своеобразной выглядит индустрия слоя IIa Королево в Карпатах, в типологическом наборе которой мало законченных двусторонних форм, зато достаточно специфичны подлистовидные скребла, отдаленно напоминающие таковые в Зальцгиттер-Лебенштедт.

7. Таким образом, можно говорить, что памятники с микокскими чертами в Украине, имеющие общее происхождение, в ходе последующего развития разделяются на отдельные типы, а порой и археологические культуры.

Л. Г. Мацкевий (Львів)

ПИТАННЯ НАЙДАВНІШОГО ЗАСЕЛЕННЯ ТЕРИТОРІЇ МІСТА ЛЬВОВА

Уже понад 150 років тому на території Львова було виявлено рештки мамонта, носорога, північного та благородного оленя, інших тварин кінця плейстоцену — початку голоцену. З цим часом пов'язана й відносно густа річкова система, наявність печерно-скельних ансамблів, а також рослинні й сировинні ресурси. Такі складові екологічної ніші дозволяють припускати певні можливості для проживання людини у регіоні в кам'яну добу.

Про перші достовірні джерела щодо перебування людини на території Львова у добу мезоліту стало відомо наприкінці 40-х років XX століття. У 1980 і 1986 рр. було проведено стаціонарні дослідження мезолітичного поселення Брюховичі VI на північно-західній околиці Львова. В 1994–1996 рр. розкопки багатошарової пам'ятки доби палеоліту і мезоліту було здійснено в печерно-скельному навісі Львів VII на східній околиці міста.

У цілому до доби мезоліту віднесено 10 поселень, у тому числі 8 пунктів під відкритим небом на берегах річок (Брюховичі VI–VIII, Рудне III) і озер (Брюховичі IX, Львів I–III). Два пункта простежено

в печерно-скельних порожнинах (Львів VII, VIII). Більшість пам'яток віднесено до мезолітичної культури Вороців-Старуня, для якої характерна наявність свідерських (наконечники) і тарденуазьких (геометричні мікроліти) проявів (6 пунктів). До культури Незвисько-Оселівка, для якої характерні палеолітичні пережитки в кам'яному інвентарі, відносяться лише 3 поселення (Рудне III, Львів VII, VIII), а один пункт — культурно не визначений (Львів III). Відзначимо зафіксовані у культурному шарі численні рештки північного оленя, благородного оленя, дикої свині, лисиці, борсука, які свідчать про значну роль мисливства. Судячи за черепашками молюсків, рештками дрібних тварин, поживними рослинними індикаторами, певну роль у харчовому балансі займало й збиральництво. Не виключається і рибальство. Як житлові споруди використовувалися печерно-скельні порожнини, а також тимчасові житла типу куреня. Для мезолітичного шару на поселенні Львів VII отримано абсолютну дату за C^{14}: Ки 5413, −8500±70 років від наших днів. Загалом пам'ятки віднесено до VII–IV тисячоліть до нашої ери.

Багатошарове палеолітичне поселення типу мисливського табору представлене в навісі Львів VII. Численні специфічно почленовані кістки тварин дають підставу для припущення про загінне полювання на північного оленя в районі цієї пам'ятки, яка дещо нагадує скелю Солютре (Франція). Виявлено також кістки мамонта, коня, благородного оленя, інші рештки. Тут виділено 3 пізньопалеолітичні шари, що мають абсолютне датування за C^{14}: Ки 5415, −27200±170; Ки 5412,−13500±110 і Ки 11800±90 років від наших днів. Серед кам'яних виробів — різноманітні різці, скребки тощо. Наявні кістяні знаряддя. Оброблені кістки та зображення на них свідчать за прояви палеолітичного мистецтва. Аналогами поселень є пам'ятки молодовської пізньопалеолітичної спільноти.

Дослідження (особливо в останні роки) найдавнішого минулого Львова дало відчутну кількість першоджерел. Число пам'яток і насиченість культурного шару свідчить про досить значні можливості для проживання тут людських спільнот уже з кінця плейстоцену і в ранньому голоцені, тобто в добу палеоліту і мезоліту. Необхідні комплексні роботи на території міста. Особливу увагу варто приділити вивченню печерно-скельних ансамблів, яких у регіоні немало. Саме в таких порожнинах фіксується значний і добре збережений культурний шар, що дозволяє отримати принципово нову інформацію про найдавніше минуле. Втім, і пам'ятки під відкритим небом заслуговують певної уваги як складові матеріальної і духовної культури. Поряд із такими пошуками доцільно і продовження розкопок на значних площах, перш за все, на поселеннях Львів VII і Брюховичі VI.

М. П. Оленковський (Херсон)

ПРО ПОХОДЖЕННЯ ГРАВЕТСЬКИХ ЕЛЕМЕНТІВ В АМВРОСІЇВСЬКІЙ ТА НОВОВОЛОДИМИРІВСЬКІЙ КУЛЬТУРАХ

Проблематику граветоїдних культур та граветських елементів в пізньопалеолітичних культурах України досліджено абсолютно недостатньо. До граветських елементів в амвпросіївській культурі можна віднести перш за все невеликі граветські та мікрограветські вістря, дрібні пластинки та мікропластинки з притупленим краєм. Відразу треба зазначити, що в Амвросіївці (як і в Нововолодимирівці II) вістря, мікровістря та пластинки з притупленим краєм складають дуже незначну кількість (останні також не домінують у мікрокомплексі).

Для з'ясування походження граветської складової в амвросіївській та нововолодимирівській (як культурної наступниці першої) культур треба з'ясувати культурну належність пам'яток, що входять до їх складу, та їх генетичну підоснову. Амвросіївський комплекс пам'яток усіма дослідниками відзначався як культурно-специфічне явище. Деякими фахівцями відзначалась близькість лише між мікрокомплексами Амвросіївки та другого шару Тельманської стоянки. Дослідниця Амвросіївки останніх двох десятиліть О. О. Кротова відносить цю стоянку до оріньякоїдних пам'яток та вбачає її спільний генезис з другим шаром Тельманської стоянки. З цим погодитися важко. По-перше, археологічні комплекси і Амвросіївки, і другого шару Тельманської не є оріньякоїдними. По-друге, комплекс Тельманської стоянки настільки відрізняється від комплексу Амвросіївки, що не можна навіть припускати їх спільного генезису. Про це може свідчити й понад 7-тисячолітня різниця у віці пам'яток. Викликає сумнів і віднесення Амвросіївки безпосередньо до східного гравету.

На наш погляд, найближчою аналогією Амвросіївці є стоянка Гагаріно у верхів'ї Дону. Гагаріно — культурне підгрунтя для амвросіївської культури. В Гагаріно є усі категорії і типи інвентарю, що наявні в Амвросіївці. В обох комплексах багато мікропластинок з дрібною ретушшю, які значно переважають над пластинками та мікропластинками з притупленим краєм. Вістря та мікровістря з притупленим краєм складають дуже незначний відсоток. Різці набагато переважають над скребками. Серединні різці абсолютно переважають над іншими типами. Незначною кількістю в обох пам'ятках представле-

но близькі між собою косі вістря на пластинках, скребла, зубчасто-виїмчасті знаряддя. Аналогії є і між скребками та кістяними наконечниками. В Гагаріно є наконечники з бічною виїмкою, «ножі костьонківського типу» та поодинокі долотовидні знаряддя, яких немає в Амвросіївці. Відсутні в Амвросіївці також стаціонарне житлобудування та статуетки з бивня мамонта.

Враховуючи різницю у віці пам'яток (Гагаріно — 21800±300, Амвросіївка — 20620±150) можна з впевненістю зазначити вірогідність пересування, з наближенням піку останнього зледеніння, носіїв культурних традицій вілендорфсько-костьонківської культури з півночі на південь. Поступове втрачання в нових природних умовах деяких елементів матеріальної культури трансформувало цю культуру в амвросіївську. Збільшення рухливості мисливських колективів при переході до полювання на бізонів могло призвести до заміни напівземлянкових жител наземними. Немає абсолютних доказів зникнення виробів мистецтва. Адже в нових умовах, за відсутності зниклих вже на той час на півдні мамонтів, скульптурки могли виготовлятися з деревини або з неопаленого суглинку, які до нашого часу не збереглися.

Стоянка Гагаріно практично усіма дослідниками відноситься до вілендорфсько-костьонківської культури, вірогідно до її пізнього етапу. Ця культура традиційно відноситься до східного гравету, має центральноєвропейське походження. Між тим більшість східноєвропейських пам'яток цієї культури взагалі має мінімум граветських рис, що навіть давало підстави раніше відносити їх до солютре. Гагаріно в цій культурі найбільш граветоїдна пам'ятка.

О. С. Ситник (Львів)

ЛЕВАЛЛУАЗЬКА КУЛЬТУРНА СПІЛЬНІСТЬ СЕРЕДНЬОПАЛЕОЛІТИЧНИХ ПАМ'ЯТОК ЗАХОДУ УКРАЇНИ

До недавнього часу леваллуазькі комплекси в Україні найповніше було представлено матеріалами відомих молодовських стоянок на Дністрі. У питанні походження дністровського леваллуа висувалися різні версії східного, західного і південного шляхів міграції носіїв леваллуазьких традицій. Постійно наголошувалася теза, що генетичні корені мустьєрської молодовської культури невідомі.

Сьогодні ми можемо стверджувати, що формування молодовського леваллуа проходило на місцевій ранньо- і середньопалеолітичній основі. Для цього є вагомі аргументи.

1. На північ від середньої течії Дністра (Поділля) поблизу Тернополя відкрито і частково досліджено 5 мустьєрських стратифікованих горизонтів і більше 20 пам'яток без стратиграфії, що належать до леваллуазького шляху розвитку. Стоянки Пронятин, Великий Глибочок I (шар IIIа), Долішній Івачів I (шар III), Тернопіль I у стратиграфічному аспекті належать до періоду раннього вюрму (надгорохівська соліфлюкційна пачка, що відповідає інтерстадіалу амерсфорт). У техніко-типологічному відношенні ці індустрії виглядають архаїчнішими, ніж класичне молодовське леваллуа.

2. На північний захід від Молодово, на межі Середнього і Верхнього Подністров'я нещодавно було відкрито Галицьку стоянку (Езупіль I), культурний шар якої чітко залягає у горизонті А2 Горохова (Еем, Микулино, Прилуки) і датується кінцем ріс-вюрмського інтергляціалу. Яскрава леваллуазька індустрія цього поселення включає деякі мікокські прояви.

3. На північно-західному Поділлі в останні десятиліття досліджувалися пізньоашельські комплекси: Великий Глибочок I (шар III), Буглів V (розкоп I) та ін. Їх зустрінуто у горизонтах надкоршівської соліфлюкції (ранні інтерстадіали ріссу) масовими колекціями кам'яних матеріалів з поодинокими рубилами, чоперами, двобічними видовженими наконечниками, скреблами і ножами. Обидва ці комплекси мають виразні риси леваллуазької технології на її початковому етапі (протолеваллуа).

4. Стратифіковані стоянки Ігровиці I (шар II) і Буглова V (розкоп III) на Поділлі демонструють залягання культурних шарів також у ранньовюрмських відкладах, але крем'яні матеріали за технічними ознаками первинної та вторинної обробки належать до фінального мустьє з постлеваллуазькими традиціями. Подібні вироби трапляються у підйомній колекції стоянки Бережани V.

Таким чином, на Поділлі простежується масив леваллуазьких пам'яток, які, згідно залягання культурних горизонтів, охоплюють час від пізнього ашелю (300–200 тис. р. тому) до завершальних етапів мустьєрської доби (40–30 тис. р. тому). Помітні прогресивні зміни в бік вдосконалення (граційності) леваллуазької відщепної заготовки і трансформації її у призматичний пластинчатий напівфабрикат.

Враховуючи компактне розміщення пам'яток на Поділлі (включаючи долину Дністра), виразні леваллуазькі традиції у техніці первинного розщеплення протягом майже 200 тис. років, можна ставити питання про виділення на заході України середньопалеолітичної леваллуазької культурної спільності. Молодовські пам'ятки входять у цю спільність як закономірний історичний етап розвитку леваллуа у передфінальний період мустьє. Генетичними коренями молодовської культури могли бути індустрії типу Пронятина, Великого Глибочка I (шар III), Тернопільської стоянки.

В. І. Ткаченко (Київ)

ОРІНЬЯКОЇДНІ КУЛЬТУРИ ЗАКАРПАТТЯ У СИСТЕМІ ПІЗНЬОГО ПАЛЕОЛІТУ ЦЕНТРАЛЬНОЇ ТА СХІДНОЇ ЄВРОПИ

У Центральній Європі відомо безліч пізньопалеолітичних пам'яток, що за своїми техніко-типологічними показниками інтерпретуються як оріньякоїдні. Це явище поширене на досить великій території і характеризується відсутністю великих ретушованих вістер, наявністю виразних коротких та вкорочених скребачок із ретушованими з обох боків краями, подвійних, кільоподібних, «з носиком». Скребачок на вузьких ретушованих пластинах небагато, проте вони тут не випадкові, і як правило — величезна кількість косоретушних, поперечно-ретушних, серединних та кутових різців. Обов'язково присутні скребла-ножі з несталими формами (частіш архаїчні типи виробів). Є велика кількість уламків пластин з ретушшю та мікропластинок з притупленим краєм.

Наприклад, у Чехії це богемська та моравсько-силезька групи оріньякоїдних пам'яток (Вечов, Холедеч, Мутейовіце, Странська Скала IIа-4, IIIа-3, Міловіце, Маломержіце-Борки II, Кржепіце та ін.). У Східній Словаччині існує відома культурна група горнадських оріньякських індустрій (Барца I–II, Кехнец I, Тібава та ін.). У Румунії оріньякоїдні місцезнаходження сконцентровано у північно-східній її частині (Оашське мілкогір'я). Це такі пам'ятки, як Бойнешті, Реметя-Сомош I–II та деякі інші. У Польщі виділено цілу низку оріньякоїдних пам'яток, таких як Краків-Совінець, Краків-Звєржинець, Пекари II та ін. В Угорщині відомо місцезнаходження як відкритого типу, так і печери, наприклад, Ішталлошкьо (верхній горизонт), Пешкьо, Кольюк тощо. У Молдові досліджено пам'ятки з характерними оріньякськими рисами: це Бризени I–II, Корпач-Мис (верхній горизонт), Старі Куконешти IV. У Північному Причорномор'ї, Криму та Нижньому Подніпров'ї, а також у Приазов'ї (Росія) зустрічаються пізньопалеолітичні пам'ятки з певними оріньякськими елементами (Зелений Хутір, Анетівка 13, Сюрень I, Любимівка I, Перемога I, Мураловка).

На Закарпатті також досліджено декілька компактно розташованих пам'яток з характерними оріньякськими рисами (Берегове I–II, Берегове V, Мужієве I, Радванська гора, Горяни, Павлова гора, Заставне, Шаян I та ін.).

Попри все, серед розмаїття оріньякоїдних індустрій Центральної та Східної Європи напевне мали місце істотні відмінності як у використанні тієї чи іншої сировини, так і в техніко-типологічному відношенні: по-перше, у співвідношенні скребачок і різців, по-друге, у наявності мустьєроїдних та селетоїдних елементів.

Отже, на величезній території впродовж тривалого часу існувало безліч археологічних культур, частина яких формувалася під значним впливом аккультурації, інша частина — типово оріньякські культури зі своєрідними локальними особливостями і строкатістю хронологічного спектру. Яскравим прикладом існування подібних культур на території Закарпаття є дві археологічні культури — радванська і берегівська. Перша характеризується селето-оріньякськими рисами, а друга — типово оріньякська. Подібні культури існували й на суміжних з Закарпаттям територіях.

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

С. И. Берестнев (Харьков)

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНОУКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Разработанная В. А. Городцовым в начале XX в. схема последовательной смены культур в северскодонецком регионе (древнеямная — катакомбная — срубная) в 70-е годы была скорректирована выделением культуры многоваликовой керамики (КМК), занявшей хронологический промежуток между катакомбной и срубной. В лесостепи Восточной Украины локализовались памятники среднедонской (по Г. В. Подгаецкому) или харьковско-воронежской (по Т. Б. Поповой) катакомбной культуры, явления, по мнению многих исследователей, синхронного донецкой катакомбной культуре. Имеющиеся в настоящее время данные позволяют пересмотреть и конкретизировать существующие представления о культурно-исторической ситуации в восточноукраинской лесостепи в эпоху бронзы.

Для начала II тыс. до н. э. археологически фиксируется проникновение в лесостепь носителей донецкой катакомбной культуры. Их миграция, вызванная, вероятно, циклическим усыханием степей, имела вполне определенный характер — в равнинные области Донецко-Оскольского междуречья с большими участками разнотравно-типчаково-ковыльных степей, в максимальной степени соответствовавшие интересам скотоводческого хозяйства. Характерно, что на правобережье Донца, характеризующемся развитой овражно-балочной сетью и преобладанием луговых степей, донецких памятников практически нет. Аборигены края — древнеямные племена — отступают частью в северо-восточном направлении, в области Среднего Подонья, частью — на запад, в Донецко-Днепровское междуречье, частью — ассимилируются пришельцами. Лесостепь между Донцом и Днепром становится своеобразной резервацией древнеямных племен; позднее на их основе формируется приднепровский вариант КМК. Нижняя хронологическая граница донецких памятников в лесостепи определяется рубежом III–II тыс.— самым началом II тыс. до н. э. наличием хорошо датированных древнеямных захоронений.

В условиях активных культурно-хозяйственных контактов в первой четверти II тыс. до н. э. в лесостепном Подонье на древнеямной основе формируется среднедонская катакомбная культура, в лесостепи Восточной Украины — близкая, но не тождественная ей, осколо-донецкая катакомбная культура. Последняя представлена на левобережье Донца выразительными комплексами, датирующимися XVIII–серединой XVI вв. до н. э. Финальная стадия существования культуры характеризуется заметными изменениями хозяйственного уклада, на что указывает факт появления целой серии позднекатакомбных поселений (Студенок, Снежковка, Поляны, Ямное и др.).

Картографирование погребальных памятников КМК показывает, что последние тяготеют к степной зоне Украины; в лесостепи они крайне немногочисленны и не образуют сколько-нибудь заметных скоплений. Сосуществование памятников КМК и позднекатакомбных устанавливается по идентичности целого ряда элементов материальной культуры (формы сосудов с ломаным профилем, прочерченная и многоваликовая орнаментация, «выпрямители», наконечники стрел с выемкой в основании, деревянные блюда-чаши и пр.). Представляется, что размежевание катакомбной культуры и КМК должно производиться не по хронологическому, а по территориальному принципу и решаться применительно к условиям конкретного региона.

Для середины II тыс. до н. э. археологически фиксируются две волны миграции племен срубной общности: первая, более ранняя, шла с юго-востока и представлена погребениями бережновского типа (Старомажарово, Калиновка, Покровский и др.). Вторая волна иллюстрируется захоронениями покровского типа (Купянск, Волчанск, Красная Гусаровка-«Б» и др.). Взаимодействие бережновских и покровских популяций между собой и с остатками позднекатакомбных племен и населением КМК определило специфику этнокультурного состава населения лесостепи.

С. И. Воловик (Харьков)

МОГИЛЬНИКИ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МАЛОБУДКОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Погребения дают ценные материалы для характеристики идеологических представлений народа, а погребальный обряд, будучи достаточно консервативным, позволяет (с учетом других элементов культуры) решить вопрос о генезисе населения. На сегодняшний день исследовано 6 памятников, содержащих малобудковские погребения.

Первый исследован И. Ф. Левицким у станции Основа в 1946 г. и осмотрен в начале 50-х годов Б. А. Шрамко. Он состоял из двух могильников (пункты 2 и 12). В пункте 2 исследовано два погребения. Погребение 1 содержало остатки трупосожжения и было прослежено на развеянной поверхности дюны, где остатки кремации лежали кучкой диаметром 0,5 и высотой 0,08 м. Среди костей лежали обломки верхней части горшка, а дно его находилось в конической ямке, которая была прослежена в слое белого песка ниже костей. В этой же ямке оказались крупные обломки пережженных костей, которые не поместились в сосуд. Погребение 2 содержало мелкие кальцинированные кости и фрагменты нескольких сосудов. Оно располагалось в 5 м от погребения 1. В непосредственной близости от могильника обнаружено малобудковское поселение, населением которого он, очевидно, был оставлен.

Могильник в пункте 12 располагался в сходных топографических условиях. Здесь остатки погребений в виде скопления кусков керамики и пережженных костей прослежены на развеянной поверхности дюны, на расстоянии 4-7 м друг от друга.

Следующий могильник исследован Северско-Донецкой археологической экспедицией ХГУ под руководством Ю. В. Буйнова в 1986 г. Он располагался в пункте Студенок VI, у одноименного села, в Изюмском районе Харьковской области. Здесь обнаружено 3 погребения, совершенных по обряду кремации, два из которых — урновые, а одно — безурновое.

Следующее малобудковское погребение по обряду кремации было обнаружено Ю. В. Буйновым у села Червоный Шлях Балаклейского района Харьковской обл.

Остатки еще одного малобудковского грунтового могильника обнаружены в пункте Марки I, в черте Полтавы. Он располагается на первой надпойменной боровой террасе левого берега р. Ворсклы. В непосредственной близости от могильника находится малобудковское поселение. На площади могильника зафиксированы четыре урновые погребения.

Одиночное захоронение исследовано в Полтавской области у с. Авдеевка в 1983 г. ЛЛАЭ под руководством Н. Н. Чередниченко. Здесь в насыпи кургана 2 обнаружено малобудковское погребение 2. Контуры могильной ямы не прослежены. Умерший лежал в сильно скорченном положении, на левом боку, несколько завалившись на живот. Руки согнуты в локтях, кисти — перед грудью. Колени прижаты к грудной клетке, пятки — у таза. Костяк ориентирован головой на юго-запад. У головы погребенного обнаружен развал плоскодонного малобудковского горшка.

Заканчивая анализ погребений, можно указать на наличие у малобудковцев биритуального обряда погребения при ведущей роли кремации, что связано, очевидно, с возрастающей ролью культа огня. Этот культ прослеживается не только в погребальной обрядности, но и в культовых церемониях. Так, на посуде появляются солярные знаки («свастика»), на поселениях устраиваются «домики мертвых» с остатками кремации в них, а при переходе от малобудковского к собственно бондарихинскому времени появляются зольники. При этом как культовые сооружения, так и вещи с них несут на себе следы влияния соседних северных и северо-восточных культур, таких как сосницкая, лебедовская и белогрудовская. В частности, на одном из северо-восточных памятников (могильнике Марки I) обнаружена редкая для малобудковцев, но широко распространенная у соседних племен тюльпановидная форма сосудов, которая малобудковцами у них, очевидно, была заимствована. Наличие у малобудковского населения погребений и культовых сооружений с остатками кремации позволяет с определенной долей вероятности включить созданную ими культуру в ареал распространения культур полей погребений эпохи поздней бронзы Средней и Восточной Европы.

Гораздо сложнее проследить сейчас влияние на малобудковское население срубных племен. Возможно, сохранению обряда трупоположения малобудковцы обязаны влиянию, идущему из среды срубных племен.

В. А. Дмитриев (Харьков)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДРЕВНЕЙШИХ ПОДКУРГАННЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В археологической литературе уже долгое время идет дискуссия о происхождении, периодизации и дальнейшей судьбе племен древнеямной культуры, памятники которой связывают с появлением в Восточной Европе подкурганных захоронений. При этом исследователями допускается в рамках одной культуры наличие курганного и бескурганного погребального сооружения, вытянутое на спине, скорчен-

ное на спине и скорченное на левом или правом боку положение костяков в погребении, игнорируется безынвентарность большого числа захоронений.

Несмотря на существование нескольких точек зрения по данной проблеме, до настоящего времени однозначно решить это не представляется возможным. Попытки выделить в общедревнеямное ядро такие признаки как курганную насыпь, яму с перекрытием, положение костяка скорченно на спине, ориентировку покойников в восточном или западном направлении, на наш взгляд, не совсем обоснованы. Все эти признаки в различном сочетании встречаются как в предшествующих, так и в последующих культурах. Более того, не все они присутствуют в погребальном обряде ямных племен, обитавших на территории от Дуная до Урала, которая признается большинством авторов как ареал распространения древнеямной культуры.

Этническое единство древнеямной культуры всегда ставилось под сомнение. Да и вряд ли попытку объединить в один этнос более 20 тыс. погребений, открытых на такой огромной территории, можно считать правильной. После закономерного выделения Н. Я. Мерпертом 9 географических вариантов древнеямной культурно-исторической области, многие исследователи уже внутри этих вариантов рассматривали отдельные культуры, отличающиеся от ямной по одному или нескольким признакам. Это привело к тому, что только на территории Степи и Лесостепи Днепро-Донского междуречья существует более 30 культур, памятники которых ранее относились к ямным. Носители этих культур отождествляются с отдельными этносами, что усложнило решение вопроса не только этнического состава ямной культуры, но и ее происхождения и периодизации.

По нашему мнению, вопрос о появлении подкурганных захоронений и об этнической принадлежности племен, оставивших их, должен решаться отдельно для каждой географической территории и по хронологическим периодам.

Учитывая все признаки погребального обряда, нами проанализировано более 2500 погребений, найденных на территории Днепро-Донецкого междуречья. Проведенное исследование позволило выделить две группы погребений, которые отличаются друг от друга на всех этапах существования древнеямной культуры. Их своеобразие можно объяснить не различными путями развития, а взаимодействием пришлых скотоводческих племен с местным населением.

А. Е. Кислый (Симферополь)

КАТАКОМБНЫЕ И КАМЕНСКИЕ ПАМЯТНИКИ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУР

1. Одна из интереснейших проблем в изучении эпохи бронзы — взаимоконтакты, миграционные процессы и образование отдельных культурных групп и культурных типов. Территория Восточного Крыма по своим географическим условиям выглядит, с одной стороны, сравнительно «закрытой» даже в пределах Крыма, а с другой — это зона обширных и разносторонних контактов. Катакомбная подоснова размещенных здесь каменских памятников изначально подразумевалась большинством исследователей. Такая возможность допускалась и В. Д. Рыбаловой. Остается невыясненным вопрос о соотношении разных групп населения на территории Крыма в первой пол. II тыс. до н. э., оставивших катакомбные и каменские памятники. Первые, по данным раскопок курганных могильников, наиболее густо сосредоточены в Северном и Северо-Западном Крыму, далее — в Центральном, но на Керченском полуострове они единичны. Небольшие и редкие поселения-стоянки позднекатакомбного времени известны в Северном, Центральном Крыму, отдельные группы позднекатакомбного населения продвинулись в районы Крымских гор. Агломерация каменских поселений занимает диаметрально противоположную территорию — восточное и южное побережье Керченского полуострова и Юго-Восточного Крыма, удобные для проживания места у лиманов и древних степных дорог Керченского полуострова. Часть каменских поселений перекрыто остатками античных городищ. По плотности и характеру распространения исследуемые памятники сравнимы с поселениями Боспора античного времени. В Керченском Приазовье каменских памятников практически нет. Наиболее крупные размещаются у восточного и южного побережий. Все они дают яркие образцы культуры мореплавания, многочисленные находки рыболовных грузил. Известен клад грузил из поселения Алчак-Кая и маяк-кострище у поселения Глейки II.

2. В период выделения культуры многоваликовой керамики как культурного образования исследователи больше внимания уделяли таким особенностям посуды из Каменки, как S-образный излом профиля, валиковая орнаментация. Меньше привлекали сосуды катакомбного облика. Между тем горшки с прямостоящим или почти прямостоящим венчиком, раздутым туловом, а иногда и шнуровым орнаментом характерны как для нижних, так и для верхних горизонтов Каменки и Планерского, поселений Слюсарево, Кирово, Чалка, Меганом, Алчак-Кая и др. В нижних горизонтах отложений каменских поселений также присутствуют сосуды с изломанным профилем, хотя и в меньшем количестве. Последняя особенность раннего этапа каменской культуры, очевидно, является результатом контактов с северокавказской, где

подобная керамика встречается на всем протяжении ее существования. На каменских поселениях распространено несколько типов посуды, не имеющих прямых аналогий в катакомбной культуре Крыма, но имеющих аналогии в Прикубанье. Сосуды, близкие к реповидным, известны в Каменке, Планерском, Алчак-Кае; сосуды с высокими цилиндрическими «стянутыми» шейками — в Глейках и Каменке.

С. Н. Братченко подчеркнул целостность керамического комплекса Ливенцовской крепости и отсутствие в нем взаимопроникающих типов из иных культур, что не схоже с культурой Каменки. Очевидно, и хронология Ливенцовки-Каратаево уже каменских поселений.

3. В результате своего особого положения на этнокультурной карте Крыма население, оставившее памятники типа Каменки, имело традиционные контакты с крымскими степями и не менее тесные контакты с Прикубаньем, Нижним Доном. Подвижные скотоводы степей Крыма и Прикавказья не могли не пользоваться услугами «каменцев» в случае переправы через Керченский пролив, при каботажном плавании вдоль побережья моря и отмелей пролива.

Таким образом, из культурно-хронологического единства схожих памятников закономерно выделение каменских на всех этапах развития, в том числе и в период сосуществования с катакомбной культурой. Территориальная компактность каменских поселений обусловлена особенностями жизнедеятельности населения; специфические контакты с ближними и дальними соседями внесли свои особенности в материальную культуру.

И. Ф. Ковалева (Днепропетровск)

О ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДРЕВНЕЙШИХ ПОГРЕБЕНИЙ В КАТАКОМБАХ ПОДНЕПРОВЬЯ

Вопреки мнению о том, что катакомба как тип погребального сооружения появляется одновременно с распространением так называемых катакомбных культур среднего бронзового века, сегодня известен ряд энеолитических погребений, произведенных в подбойных могилах или катакомбах. Достоверность их отнесения к энеолиту не вызывает сомнений и основывается на анализе инвентаря и стратиграфическом следовании за постмариупольскими и перекрывании ямными погребениями.

Автором в докладе, прочитанном на конференции по проблемам катакомбной культурно-исторической общности (Запорожье, 1990 г.) рассмотрено погр. 12 кургана 23 у с. Богуслав в Присамарье, отнесенное к особой группе, признаками которой являются катакомба и отчетливо прослеживаемая в керамике близость посуде центральноевропейской Культуре Шаровидных Амфор (КША). Хронологическое положение определено, с учетом привлекаемых аналогий, этапом С-II Триполья, ближе к его концу. Тем самым устанавливается синхронность с погребениями животиловского типа, обнаруживающими также несомненную культурную близость энеолитическим погребениям в катакомбах.

К этому же типу относится погр. 34 кургана 1 у с. Усть-Каменка (раскопки В. И. Костенко, 1988 г.). Основным в кургане являлось постмариупольское погр. 11 с сосудом «квитянского» облика. За ним следует также постмариупольское погр. 14. С уровня первичной насыпи вырыта входная шахта, в СЗ стенке которой устроен сегментовидный подбой. Скелет взрослого лежал скорченно на левом боку в СВ ориентации. Погребенного сопровождало два сосуда: горшок с цилиндрической шейкой и тремя коническими налепами на линии выпуклого плеча; одноручная кружка-аск с оттянутым валиком на линии плеча, рассеченным косыми насечками.

Культурно-хронологическое положение погр. 34 определяется сосудами. Аналогии горшку находим в памятниках софиевского типа позднего Триполья; в Софиевском могильнике (п. 7, 32, 44, 65 и др.), Чернинском (п. 45, 53), Красный Хутор, памятниках трояновского типа (Райки). Сходство подтверждает местами сохранившийся на сосуде из Усть-Каменки специфический ангоб, на который обратила наше внимание Т. Г. Мовша.

Второй сосуд близок аскам позднего Лендьела, аску из погр. 11 кургана 2 у с. Глубокое, который рассматривается как импорт из культуры Чернавода II, ранний этап, асковидному сосуду из Оланешт II (курган 1, погр. 28), имеющему аналогии в сосуде из Хьершова. Такой элемент орнамента как рассеченный валик впервые появляется на посуде Эзеро XIII и продолжает существовать в Чернавода III. Валик присутствует на части посуды памятников типа Фолтешть II, относимых к концу Усатово.

Современные датировки для памятников софиевского типа установлены в пределах 3296–2370 гг. до н. э. Учитывая хронологию культур, содержащих аналогии асковидному сосуду, считаем возможным датировать Усть-Каменское погребение серединой — третьей четвертью III тыс. до н. э. Таким же образом датировано погр. 12 кургана 23 у с. Богуслав. Происходящий из него сосуд — круглодонная амфора с мешковидным туловом, цилиндрической шейкой, петлевидными ручками, раковинной примесью к глине и лощением поверхности — имеет близкие по форме и технологии аналогии в амфорах второго этапа развития средней группы КША, куда этот тип переходит из предшествующих культур Карпато-

Балканского региона. Для разработки намеченной линии важно обнаружение в погр. 3 Богуславского кургана амфоры, но плоскодонной, типа найденных в Колодяжных Сумцах и других памятниках восточной группы. Вместе с тем богуславский сосуд является местным изделием; в нем сохраняется желобчатость венчика, присущая энеолитической посуде Степи. В качестве степного аналога приведем амфорку из погр. 4 кургана 2 у с. Виноградное.

Определение культурной принадлежности энеолитических погребений Степи в катакомбах сегодня может рассматриваться в контексте общих представлений об этнокультурной ситуации конца энеолита — начала раннего бронзового века. Предложенное Ю. Я. Рассамакиным объединение их в единый животиловско-волчанский тип считаю ошибочным и продиктованным исключительно желанием создать пусть эфемерный, но собственный термин, хотя процессы, вызвавшие к жизни оба рассматриваемых культурных явления, имели общие истоки и протекали во взаимодействии.

О. В. Курбан (Київ)

КЕРАМІЧНЕ ВИРОБНИЦТВО ПЛЕМЕН КАТАКОМБНОЇ КУЛЬТУРИ

Особливе значення кераміки як одного з джерел археологічного дослідження важко переоцінити. Визначення керамічного комплексу, для будь-якої археологічної культури, як своєрідної візитки чи етнічної ознаки подано в роботах багатьох дослідників. Вивчаючи кераміку тих чи інших культурних угруповань, маємо змогу оглянути особливості економічного та соціального розвитку, а також деякі моменти міжкультурних та міжетнічних стосунків. Дослідження у цій справі має йти у двох напрямках. Перший напрямок стосується ретельного вивчення керамічного комплексу конкретного культурного чи етнічного угруповання та його співставлення з сусідами як у просторі, так і часі. До другого напрямку маємо віднести широкі етнографічні паралелі з культурами та етнічними об'єднаннями, що знаходяться у схожих умовах природного середовища та рівня економічного розвитку. У цьому плані треба визначити досить цікаві розробки, подані В. А. Шнірельманом, щодо вивчення етнографії керамічного виробництва деяких суспільств з архаїчним землеробсько-скотарським господарством Африки, Азії та Америки.

Повертаючись до головної теми — керамічного комплексу катакомбної культури — маємо визначити незадовільний стан її вивчення. Найбільш цікавими спробами дослідження останнього є створення, ще у 70-х рр., С. Н. Братченком класифікаційної системи відділів та спроба типологічного упорядкування особливостей катакомбних чаш С. Ж. Пустоваловим. Нещодавно автором було зроблено спробу попереднього упорядкування керамічного комплексу катакомбної культури розвинутого етапу за принципом поділу на кухонну, столову та культову групи.

Кераміка раннього етапу подана круглодонним та плоскодонним посудом. За формою це переважно горщики з опуклим тулубом та високими плечиками, середніх розмірів та часто приземкуватих пропорцій, є чаші. Орнамент не досить виразний і взагалі керамічний комплекс цього етапу знаходиться ще під значним впливом традицій ямної культури. Тож, базуючись на співставленні відомих нам матеріалів з етнографічними паралелями, маємо подати наступну картину ранньокатакомбного керамічного виробництва. Очевидно, останньому був властивий значний архаїзм. Взагалі виробництво було слабке, можливо сезонне. Обпал відбувався на відкритих вогнищах, гончарного кола не було (але поворотний стіл у вигляді тарілки чи дощечки, можливо, був). Керамічне виробництво ще не посідало окремого місця в системі ремісничої праці. В багатьох культурних та етнічних об'єднаннях, за етнографічними паралелями, для поданого рівня розвитку характерна жіноча праця. Також важливою рисою цього етапу є скудність набору керамічних виробів та невеличкі обсяги виробництва. Але, незважаючи на це, виробництво відповідало потребам суспільства та допускало досить жвавий обмін продукцією та навичками.

Комплекс керамічного посуду розвинутого етапу є яскравим самобутнім явищем. Тут зустрічаються й особливості рис внутрікультурного розмежування (перш за все за орнаментом) і загальні тенденції до трьохчастного технічно-типологічного розподілу. Але відсутність рівномірного обпалу (горн), стрункіх стандартів, а також чіткого виокремлення групи ремісників-керамістів не дозволяють нам вести мову про рівень катакомбного керамічного виробництва як спеціалізованого ремесла. Близькість керамічних комплексів різних варіантів катакомбної спільноти надає можливість подати останню як досить міцне об'єднання родинних племен. З сусідніми культурними угрупованнями, очевидно, були добрі стосунки, на що вказують кавказькі, західні та інші імпорти, а також відповідні катакомбні експорти.

Кераміка пізнього етапу катакомбної культури відчуває своєрідний занепад традиційних рис, з'являється валикова орнаментація та з часом досить широко розповсюджується. Існує кухонна і столова групи, але занепад торкнувся культової групи. Взагалі, на прикладі керамічного комплексу пізнього етапу та деяких культурних рис маємо визначити поступову трансформацію катакомбних традицій в багатопружкові. Це відбувалося, очевидно, під впливом переселенців зі східних районів.

Р. А. Литвиненко (Донецк)

ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ПАМЯТНИКОВ ПОКРОВСКОГО ТИПА (ППТ) В БАССЕЙНЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

К настоящему времени достаточно определенно установлено, что ППТ в бассейне Северского Донца в целом хронологически следуют за культурой многоваликовой керамики (КМК) и предшествуют классической срубной (СК). В последние годы удалось уточнить и конкретизировать это положение, определив время появления ППТ в Подонцовье рубежом среднего — позднего этапов КМК, тем самым синхронизировав их с позднемноговаликовыми, количество которых в регионе значительно уменьшается. Указанный факт, очевидно, следует рассматривать в контексте миграции покровских племен из Подонья и их контакта с местным населением поздней КМК, которое под воздействием волны переселенцев вынуждено было отодвинуться в З и ЮЗ направлении.

В свете вышесказанного несколько странно выглядит недавно появившаяся информация о хронологическом стыке (контактах) населения катакомбной и абашевской общностей, якобы зафиксированном на Проказинском поселении на р. Айдар. При этом наличие в составе позднекатакомбного харьковско-воронежского пласта керамики абашевского типа увязывается с решением проблемы формирования КМК Подонцовья. К сожалению, неопубликованность всех материалов Проказинского поселения удерживает нас от предметного разбора высказанных автором раскопок положений, которые, впрочем, также пока будут оставаться декларативными. Однако принципиальность затронутых вопросов вызывает необходимость высказать ряд общих замечаний, основанных на знакомстве с отчетами и фондами, а также личном участии в раскопках памятника. Во-первых, на Проказино представлена не абашевская, а покровская (раннесрубная) керамика, хронологически увязывающаяся с известной находкой желобчатого псалия. Во-вторых, стратиграфическая ситуация на памятнике (смешанный культурный слой) не позволяет говорить о двухслойности поселения. На основании типологии керамики и тенденции ее распределения по глубинам можно констатировать лишь двухэтапность. В-третьих, известная открытость культурного слоя поселения не дает возможности абсолютизировать наблюдения о взаимовстречаемости разнокультурной керамики в пределах близких глубин залегания. В данном случае более объективными являются многочисленные данные стратифицированных курганных могильников Донеччины, достоверно фиксирующие факт хронологического разрыва позднекатакомбных комплексов с покровскими, между которыми находится мощный пласт памятников раннего и среднего этапов КМК.

Несмотря на имеющиеся среди исследователей разногласия, касающиеся культурно-таксономической атрибуции ППТ, почти ни у кого не вызывает сомнения то, что они явились своеобразным переходным звеном в процессе перерастания древностей «абашоидного» круга в СК. Именно постепенность и непрерывность этого генетического процесса определяет неоднозначность культурной атрибуции переходного пласта, сочетающего в себе наследие предшествующей культурной основы и новации, получившие расцвет в развитой СК. Отражая процесс формирования СК, ППТ поэтому могут рассматриваться в рамках ее раннего этапа. Вместе с тем до сих пор сохраняется представление, восходящее еще к работам О. А. Кривцовой-Граковой (1955), согласно которому в качестве наиболее ранних срубных памятников Подонцовья называются комплексы второго, развитого, этапа. Такой подход игнорирует имеющуюся фактологическую базу и не соответствует достигнутому уровню осмысления срубной проблематики. В заключение обратим внимание на то, что генетическая преемственность и непрерывность перерастания покровской СК в классическую, развитую, еще более наглядно, нежели в курганах, фиксируется в материалах донецких поселений.

В. И. Мамонтов (Волгоград)

К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ДОНА

Долгие годы волгоградское Задонье было вне внимания археологов, хотя в фонды Новочеркасского музея постоянно поступали случайные находки разных эпох. Первые раскопки здесь провел в конце XIX в. В. Н. Ястребов. Позднее были проведены разведки памятников в связи с намечающимся строительством Волго-Донского канала.

В последнее время охранные раскопки здесь проводит Донская экспедиция ВГПУ. Исследованы курганы у с. Осиновка, ст. Голубинской, хут. Большой Набатов и Малый Набатов, ст. Нижний Чир. Материал раскопок позволяет сделать некоторые выводы об освоении степей правобережья в различные хронологические периоды.

Ямная культура. Захоронения совершены в квадратные ямы, перекрытые плахами. На дне — слои органики, дерева, мела и охры. Погребенные лежат на спине с подогнутыми ногами. Руки направ-

лены к тазовым костям, покрыты охрой. Основная ориентировка головой на В, З, реже на СВ, ЮЗ. Инвентарь: остродонные орнаментированные сосуды, кремневые отщепы, игольничек, крупные куски охры, мела, обломки камня, а также кости мелкого рогатого скота и птицы.

Катакомбная культура. Представлена памятниками донецкой и среднедонской культур. Погребения устроены в прямоугольные или подбойные ямы, порой перекрытые плахами. Дно устлано кугой, посыпано мелом, охрой. Умершие покоятся на левом или правом боку, в скорченном положении. Устойчивой ориентировки нет: В, СВ, С, ЮЗ. На костях посыпка охрой. Имеются случаи коллективного захоронения. Находки: орнаментированные сосуды, курильница, миска, кости барана, череп коровы, жаровни, куски охры, отщепы кварцита и кремня, створки ракушек, альчики, бронзовые подвески, шилья.

Срубная культура. Погребения в основном впущены в насыпь кургана либо находятся в грунтовых ямах, квадратных либо прямоугольных. Встречаются деревянные перекрытия, на дне — мел. Положены на левый бок с подогнутыми ногами, руки направлены к лицевым костям. Ориентировка на СВ, иногда на С и В. Находки: кости барана, лепные сосуды, бронзовые ножи, подвески, бритовка, костяная пряжка, кремневый наконечник стрелы.

Сарматская культура. Погребенные покоятся либо в насыпи, либо в грунтовых ямах, на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ, ЮЗ, Ю. На дне — следы органики. Рядом с погребенным: кости барана, лепные сосуды, миска, фрагменты железных ножей, меча, бронзовых зеркал, пряжки, а также бусы, костяная пуговица-карабин.

Поздние кочевники. Половецкая культура. Все погребения разрушены. Ямы прямоугольные, овальные, иногда в подбое. Здесь же встречены: железные гвозди, пластинки, фрагменты ножей, наконечников стрел, кресала, стремена, куски бересты от колчана, кусочки грубой ткани, фрагменты кожаных ремней и обуви, кусочки смолы, кости крупного рогатого скота, барана, лошади.

Материал раскопок раскрывает динамику заселения задонских степей. Самыми ранними поселенцами в придонских районах были племена ямной культуры. Затем идет резкое увеличение населения в период появления здесь катакомбных племен, культура которых оказала значительное влияние на ямников. Особенно густо заселены были эти края в период пребывания здесь покровских и срубных племен. Об этом говорят не только многочисленные подкурганные захоронения, но и десятки учтенных на правом берегу Дона и его притоках поселений и стоянок. Находки нескольких скромных сарматских погребений свидетельствуют, вероятно, либо о стремительной сарматской экспансии на запад, либо о серьезном ухудшении природных условий, не позволивших скотоводческому населению достаточно долго задержаться здесь. Следует отметить, что в половецкий период количество населения несколько возросло.

З. П. Марина (Днепропетровск)

ЯМНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ПРЕДСТЕПЬЯ С МЕТАЛЛИЧЕСКИМИ УКРАШЕНИЯМИ

При малочисленности погребений ямной культуры с инвентарем определенный интерес вызывают сопровождаемые изделиями из металла, в том числе и украшениями. Последние, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, количественно преобладают. Типологически и функционально они различны и представлены: пронизями, височными подвесками, накладками на пояс.

Пронизи различны по форме — это гладкие трубчатые (Колпаковка 3/1) и бочонковидные (Бузовка 5/4) изделия из тонкого металлического листа, имитирующие аналогичные экземпляры из кости. Ряд авторов рассматривает их как части браслетов. Идентичные украшения представлены в раннекатакомбных комплексах как Орельско-Самарского междуречья, так и в позднеямных и раннекатакомбных погребениях Нижнего Дона, Сев. Приазовья. На Ингульце они найдены в ямных погребениях II стратиграфического горизонта, датируемого концом III–началом II тыс. до н. э.

Височные подвески представлены различными типами так называемых спиралевидных: в полтора оборота из серебра с расплющенными концами (Соколово, Перещепино); серебряными кольцевидными с заходящими расплющенными концами (Терны); многовитковыми (4,5 оборота) из тонкой бронзовой проволоки (Перещепино). В территориально близких позднеямных погребениях Сев. Приазовья этот тип украшений встречается достаточно часто. Отмечено их присутствие в одном комплексе, что свидетельствует о бытовании данного типа украшений в хронологически близкое время.

В отдельный тип выделены *стерженьки-подвески*, входящие в состав инвентаря погребений у с. Хащевое и Новогригорьевка в Присамарье. Их присутствие вызывает особый интерес, поскольку, по данным А. Л. Нечитайло, в ямных погребениях северокавказские импорты представлены исключительно пуансонными бляхами и только на стадии катакомбной культуры их ассортимент значительно расши-

ряется. Согласно типолого-хронологической схеме С. Н. Санжарова, стерженьки-подвески из Присамарья относятся к архаичным и позволяют нам маркировать время начала их проникновения в Степь концом III– нач. II тыс. до н. э. Аналогичные им изделия известны в курганных погребениях этапа IB-C Сев. Кавказа, раннекатакомбных захоронениях Сев. Донца и др.

Бронзовые прямоугольные накладки на поясные ремни встречены в 4 погребениях Левобережья. Края пластин загнуты на ременную основу. Присутствуют также экземпляры, на которых с внутренней стороны пуансоном нанесен узор в виде спирали или концентрических окружностей. Присутствие изделий из металла в погребениях ямной культурно-исторической общности традиционно рассматривается как социальный индикатор. Подтверждением этому в материалах Левобережного Предстепья является сооружение значительных по мощности досыпок для данной группы погребений, присутствие других категорий инвентаря в одном комплексе с металлическими украшениями (керамика, изделия из кости).

Бесспорным свидетельством высокого статуса умерших является присутствие металлических украшений в погребениях с так называемыми «масками», чья прижизненная связь с сакрально-светской элитой ямного социума не вызывает возражений. Присутствующие в данной группе два парных погребения женщин с детьми могут быть сопоставлены с захоронениями, сопровождаемыми металлическими украшениями с пуансоном калиновских могильников, связываемых с высоким рангом погребенных детей совместно с их кормилицами. Погребение ребенка в возрасте до 1,5 лет (Терны 9/10) по составу инвентаря — серебряные подвески и бронзовые накладки, два сосуда, клыки-подвески — также заметно выделяется среди других, отражая существование социальной иерархии, в которой статус человека определялся принадлежностью «к определенной страте от рождения», что присуще ранним комплексным обществам евразийской Степи. Последним еще раз документируется высказанная нами необходимость включения племен ямной культуры Левобережного Предстепья в систему ранних комплексных обществ.

В. В. Отрощенко (Київ)

ДО ПИТАННЯ ПРО КЛАСИФІКАЦІЮ ТА КУЛЬТУРНУ НАЛЕЖНІСТЬ КЛЕПАНИХ КАЗАНІВ

Серед найвидатніших зразків бронзоливарного виробництва доби пізньої бронзи найпомітнішими є клепані казани. Більшість з них (13) виявлена на теренах України, 9 — у Російській Федерації, 4 — в Молдові, 1 — у Казахстані. Отже, мова йде про 27 знахідок більшість з яких опубліковано. О. І. Тереножкін визначив час виготовлення і функціонування цих казанів XV–XII ст. до н. е., пов'язавши їх з ранньою та сабатинівською фазами зрубної культури. В. С. Бочкарьов класифікував казани на дві групи за способом скріплення штиб, тобто бронзових смуг. О. М. Лєсков залучив до класифікаційних ознак також наявність ручок та способів їх кріплення; наявність чи відсутність ніжок; форму тулуба та дна; орнамент. У підсумку перша класифікація виявилася занадто узагальненою, а друга — надміру деталізованою, на тлі нечітко визначених культурних прив'язок. В результаті склалася ситуація, що казани ніби випали з наукового обігу, лишаючись виключно раритетами музеїв.

Вважаємо, що істотними ознаками для класифікації клепаних казанів є форма дна та наявність піддону (ніжки). З урахуванням їх казани розподіляються на три групи: пласкодонні, на піддоні та круглодонні. До першої (пласкодонних) входять 4 казани з Північного Кавказу та 5 з Північного Причорномор'я. Остання з пласкодонних знахідок виявлена у 1990 р. біля с. Покровки Кіровоградського р-ну, у верхів'ях р. Інгул. Друга група (казани на конічному піддоні) є найчисельнішою і найпоширенішою територіально. Казани цієї групи утворюють на карті дві лінії: південну, або приморську, де знахідки тяжіють до дельт великих річок (Волга, Дон, Дніпро, Південний Буг), — 7 знахідок; північну, або лісостепову, яка включає Правобережну Україну (Волинь, Поділля, Київщина) та Заволжя (Самарська обл., Башкортостан) — 5 знахідок. З огляду на розрив ланцюга між Дніпром та Волгою, можна чекати тут знахідок казанів, зокрема — в лівобережному лісостепу України. Третя група казанів (круглодонні) зосереджена у Північному Причорномор'ї (4 зна-хідки). 2 казани не можуть бути класифіковані за браком об'єктивної інформації. Ареали поширення у казанів виділених груп різні. Усі три різновиди казанів представлено лише у Північному Причорномор'ї. Саме тут, ймовірно, слід шукати осередок їх виробництва.

Не може бути однозначно розв'язане питання культурної належності клепаних казанів. Казани першої групи найдавніші. Ареал їх поширення співпадає з територією південної групи пам'яток зрубної культурно-історичної спільноти чи бережновсько-маївської зрубної культури, за термінологією автора. Поховальний комплекс з ст. Суворівської з казаном першої групи дозволяє віднести їх до першого періоду згаданої культури. Казани другої групи (на конічному піддоні) південної лінії пов'язані з другим періодом розвитку бережновсько-маївської зрубної

культури, за територіальним збігом і наявністю в останній котлоподібних керамічних кубків. Північно-Західна (правобережна) група казанів на піддонах виявлена в ареалі східнотшинецької культури, а північно-східна (заволзька) — у зоні поширення пам'яток сусканського типу. У цих культурних групах також виявлено котлоподібні кубки, що засвідчує синхронність казанів другої групи. Казани третьої групи (круглодонні) тяжіють до ареалу сабатинівської культури, з якою їх і слід пов'язувати. Казани другої та третьої груп мають бути синхронними (за рядом спільних морфологічних ознак).

А. В. Потоцкий (Харьков)

ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЕ УСЛОВИЯ ВОСТОЧНОУКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В НЕОЛИТЕ — БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Эпохи неолита — бронзового века (V–II тыс. до н. э.) соотносятся с периодом среднего голоцена. К этому времени окончательно завершилось формирование природно-ландшафтных зон, рельефа и почвенного покрова. Лесостепь левобережной Украины располагалась в пределах гидросистем Днепра и Северского Донца. В северных районах местность представляется слегка холмистой из-за изрезанности балками и оврагами, с хорошо развитой речной сетью. К югу постепенно рельеф приобретал более равнинный характер и плавно переходил в степной ландшафт.

Почвенный покров лесостепной зоны был весьма пестрым. Главной чертой большинства почв являлась литологическая однородность, так как почти все они сформировались на лессах в плейстоцене — раннем голоцене и лишь претерпевали трасформации под воздействием климатических колебаний и изменений ареалов флоры данной географической зоны. Доминирующими являлись типичные черноземы. Это наиболее высокоплодородные почвы. Их бонитет составляет до 80%. Оподзоленные почвы были представлены преимущественно слабооподзоленными темно-серыми почвами и оподзоленными черноземами, сфомировавшимися под лесными массивами. Их бонитет — 60%. Трудность обработки почв зависит от механического состава и состояния поверхности. Поэтому состояние орудий обработки почвы в неолите — бронзовом веке позволяло разрабатывать только почвы легкого механического состава, приуроченные к пойменным террасам (малогумусные черноземы и лугово-черноземные почвы). Галогенные почвы залегали на пониженных, слабодренированных участках, в балочных долинах. Эти почвы наименее плодородны (бонитет — 40%), но прекрасно могут использоваться как естественные кормовые угодья.

Распространение и смена растительного покрова левобережной лесостепи были связаны с изменением количества тепла и влаги. Лесостепными зональными типами растительности являлись нагорные широколиственно-смешанные леса, луговые степи и разнотравно-типчаково-ковыльные степи. Леса занимали более эродированные участки водоразделов на серых и темно-серых оподзоленных почвах. Луговые степи располагались на более равнинных участках рельефа и развивались на мощных среднегумусных черноземах. Разнотравно-типчаково-ковыльные степи развивались на обыкновенных среднегумусных черноземах. Кроме зональных типов растительности, имели распространение в то время дубовые и сосновые леса, расположенные на вторых песчаных террасах рек; пойменные леса, продвигающиеся далеко на юг; растительность болот и пойменные луга.

Столь разнообразная флора лесостепи создавала благоприятные условия для жизни и полноценного развития многих видов зверей и птиц, ареалы которых характерны для леса и степи. Из всех биотопов наиболее богат животными был лес (глухарь, тетерев, зубр, кабан и др.). Все эти виды животных могли быть объектами охоты.

Эпохи неолита и энеолита совпадают с атлантическим климатическим периодом (6000-2500 лет до н. э.), когда существовали наиболее благоприятные климатические условия. В это время продолжительность вегетационного периода большинства видов злаковых составляла около 190 дней, что положительно сказывалось на агробиоценозах. С переходом к суббореальному периоду климат становится суше и теплее, а затем (на рубеже бронзового и железного веков) произошло очередное похолодание и увеличение влажности.

После экологического перелома на рубеже плейстоцена и голоцена окончательно завершилось геоморфологическое строение рельефа. Границы лесостепи, состав почв, растительность и видовое разнообразие фауны не изменились в основе своей, а лишь претерпели некоторые трансформации под воздействием различных факторов. В неолите — энеолите формируются экономические структуры на новой основе — земледелие и скотоводство. Происходит ландшафтная переориентация хозяйства и повышаются требования к ландшафтной структуре территории. В эпоху бронзы складываются определенные экологические подсистемы — сухие ковыльные и полынно-злаковые ландшафты. В них развиваются соответствующие экосоциальные системы, основанные на комплексном хозяйстве.

А. Д. Пряхин (Воронеж)

ЮГО-ЗАПАДНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ДОНО-ВОЛЖСКОЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одно из важных направлений в осмыслении доно-волжской абашевской культуры, занимающей ключевые позиции в одноименной культурно-исторической общности, является анализ свидетельств, происходящих с Донеччины (восточные области Украины и юго-запад России). Важно подчеркнуть, что речь идет не просто о юго-западных пределах распространения абашевской культуры, а о территории, где находится целая серия древних разработок металла эпохи бронзы. Вспомним локализующуюся в этом регионе серию погребений литейщиков катакомбной культурно-исторической общности эпохи средней бронзы или, скажем, доно-донецкую производственную зону срубной культурно-исторической общности.

Полномасштабная оценка данной территории с позиции абашевских древностей затруднена имеющейся степенью изученности соответствующих памятников прежде всего Левобережья Донца — территория Харьковской и Луганской областей, и особенно Белгородской, смежных районов Курской и Воронежской областей. Но отдельные суждения возможны уже сейчас. Значительная часть исследователей эпохи бронзы восточных районов Украины признают наличие абашевских проявлений на территории Донеччины. В числе их С. С. Березанская, С. Н. Братченко, Я. П. Гершкович, Р. А. Литвиненко, И. Т. Шаповалов и др. Наиболее полно по данному вопросу высказалась С. С. Березанская, согласно которой абашевские проникновения в восточные районы Украины (преимущественно бассейна Северского Донца) относятся к двум хронологическим пластам -время памятников с многоваликовой керамикой и время раннесрубных памятников.

За последнее время возросло число свидетельств по хронологическому пласту, все чаще оцениваемому через призму памятников покровского типа, что обусловило формулирование тезиса о распространении «покровского» населения и в Подонцовье, именно с территории Среднего Подонья. В это понятие, суть которого сводится к тому, что в памятники покровского типа отдельными авторами ныне включаются как свидетельства позднего этапа доно-волжской абашевской культуры, так и памятники, открывающие линию развития срубных древностей. Представляется перспективным подход В. В. Отрощенко, который, фактически исключив из «покровских» собственно абашевские памятники, предложил выделить покровскую срубную культуру, в формировании которой, как это сейчас представляется, далеко не второстепенную роль играли носители доно-волжской абашевской культуры.

На территории Донеччины есть и безусловно абашевские проявления, синхронизирующиеся с развитым этапом доно-волжской абашевской культуры, а в известной степени и с древностями синташтинско-потаповского типа более восточных территорий: обнаружение в «многоваликово-абашевском» жилище I Ильичевского поселения вставного шипа от дисковидного псалия, наличие, правда немногочисленной, керамической серии, характерной для развитого этапа доно-волжской абашевской культуры на многослойных поселениях Капитаново-1 и 2, включая обнаружение на поселении Капитаново-2 обломка сосуда, имеющего синташтинские черты. Тем самым получает подтверждение тезис о взаимодействии на этой территории населения культуры многоваликовой керамики с абашевцами.

Нельзя исключить и возможности отнесения отдельных свидетельств к более раннему пласту абашевских древностей (небольшая керамическая серия с поселения Сердюково-2 на территории Харьковщины). Но для более уверенной констатации данного факта нужна дополнительная аргументация.

Таким образом, факт включения примыкающего к древним рудоразработкам Донецкого кряжа региона левобережья Донецка в зону проникновения доно-волжских абашевцев нам представляется очевидным. Нетрудно заметить, что это одно из перспективных направлений исследовательского поиска в рамках развивающегося сотрудничества археологов Украины и России, занимающихся проблематикой эпохи бронзы доно-донецкого региона.

С. М. Рижов (Київ)

ДОСЛІДЖЕННЯ ПІЗНЬОТРИПІЛЬСЬКИХ ПАМ'ЯТОК БУГО-ДНІПРОВСЬКОГО МЕЖИРІЧЧЯ

До останнього часу розкопки на пам'ятках етапу С-II трипільської культури у межиріччі Південного Бугу та Дніпра майже не велися, хоча окремі місцезнаходження були відомі ще на початку XX століття. Нові поселення фінальної фази виявлено у регіоні розвідками Трипільської експедиції ІАНАН України у 80-і роки, проте стаціонарні дослідження розпочалися лише у 1996 р., коли розкопувалися поселення біля с. Мошурів та Гордашівка на Черкащині.

Найінформативнішу категорію серед знахідок становить кераміка, що поділяється на кухонну та столову. Кухонний посуд (95,4%) ліпився із глини, в складі якої є значна кількість сполук заліза. Спіснюючим матеріалом виступає жорства, грубозернистий

пісок, рідше товчений вапняк, частки каоліну та шамоту, і зовсім рідко — товчена черепашка або слюда.

Серед форм домінують горщики кількох варіантів, зустрічаються також ріпоподібні та сфероподібні посудини, напівсферичні та конічні миски. Заглиблений орнамент у вигляді горизонтальних рядів зафіксовано лише на малій (8%) частині горщиків. Переважає орнаментація відтиском шнура (68%) та дрібними вдавленнями (19%). Зустрічається також орнамент «гусеничкою», відтисками кінчиком трубчастої кістки, групами конічних наліпів. Для горщиків характерними є рогоподібні ручки на плічках. Столовий посуд вироблявся із відмуленої «білої» глини. За формою виділяються горщики та миски. Посудини прикрашалися монохромним чорним розписом.

Керамічний комплекс Мошурова III у загальних рисах співпадає з матеріалами пам'яток регіону — Роги, Дубова, Ризине. Паланка-II, Шарин і особливо Кочержинці (ур. Шульгівка) та Гордашівка-II, які або включають до пізньої фази косенівської локальної групи, або виділяють у окремий тип — Кочержинці-Шульгівка. Вказані поселення можна співставляти з пам'ятками типу Сандраки-Печера, проте, на відміну від останніх, їх керамічний комплекс характеризується наступними особливостями — надто малий відсоток столового посуду; своєрідне застосування спіснювачів у гончарній масі; ряд форм кухонної кераміки; бідність шнурової орнаментації. Найбільша схожість простежується між керамікою досліджуваних пам'яток та посудинами поховання з кургану № 8 біля с. Колодистого. Матеріали поховання одні дослідники вважають більш ранніми Сандрак та Печери і зближують з комплексами пізньої фази косенівської групи, інші ж пов'язують з керамікою пам'яток софіївського типу. Серед посуду Мошурова III та Гордашівки II маємо горщики, що за формою та орнаментацією нагадують посудини пам'яток софіївського типу (Чернин, Софієвка).

На фінальному етапі трипільської культури у Буго-Дніпровському межиріччі спостерігаються малочисельні пам'ятки, основу яких складає місцеве населення, що вже втратило індивідуальні «косенівські» риси і прийшли носії традицій софіївської групи. Зберігаються також анахронічі елементи, що свідчать про опосередковані впливи з боку більш ранніх пам'яток Побужжя (Чертория, Четвертинівка, Брацлав), які у свою чергу мали запозичення від вихватинської локальної групи (басейни Прута та Дністра).

Таким чином, на заключній фазі розвитку косенівської групи значно скорочується кількість місцевого населення регіону, і на відносно «звільнену» територію спочатку частково просуваються пізньотрипільські племена з Побужжя, а на фінальному етапі Трипілля — і нечисельні переселенці з Середнього Подніпров'я, шлях міграції яких ще потребує подальшого вивчення.

В. А. Ромашко (Днепропетровск)

К ВОПРОСУ О «ЧЕРНОЛЕССКОЙ» КЕРАМИКЕ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

На памятниках позднего бронзового века Левобережной Украины, преимущественно бондарихинских, присутствует столовая посуда (кубки и корчаги), форма и мотивы орнаментации которой имеют черты сходства с белогрудовскими и чернолесскими Правобережья. Они рассматриваются либо как однокультурные последним, либо как прямое заимствование из чернолесской среды. Однако находки рассматриваемой посуды в позднесрубных и, по предварительному определению, малобудковско-позднесрубных комплексах позволяют поставить под сомнение традиционные представления о ее истоках, времени появления и культурной принадлежности.

Сопоставление элементов орнаментов столовой посуды Левобережной Украины и белогрудовско-чернолесской показало, что они совпадают не более чем на 50%, причем в большинстве случаев общие для рассматриваемых культур элементы на Левобережье представлены в более ранних комплексах. Отмеченная закономерность еще в большей степени проявляется при анализе орнаментальных композиций, сходство между которыми не превышает 25%. Исходя из этого лесостепные и северостепные районы Левобережья правомерно рассматривать как зону формирования особой группы столовой керамики с преимущественно ей присущей орнаментацией, сложившуюся без ощутимо серьезного участия правобережного культурного компонента.

Важным с точки зрения определения культурной среды, в которой происходило формирование рассматриваемых разновидностей керамики, представляется присутствие посуды с близкой орнаментацией в верхнем течении Дона — на поселениях Шиловское, Чижевское-IV, Шоссейное, которые по керамике, бронзовым пилкам или ножам с параллельными лезвиями, обломку псалия, могут быть датированы XIII –XII/XI вв. до н. э. и в хронологическом отношении сопоставлены с наиболее ранними памятниками Левобережной Украины, содержащими «чернолесские» материалы, например с Дибровой, Богуславом, Белозеркой.

Вышеупомянутые памятники с заметно разнящимся в культурном отношении керамическим комплексом объединяет два признака — наличие кухонной позднесрубной посуды, представленной горшками с валиковой орнаментацией, и столовой посуды с достаточно единообразной орнаментацией. Это позволяет предположить, что именно носители позд-

несрубной культуры Левобережной Украины и Дона являются «создателями» последней. Синкретизмом керамических комплексов поселений Северского Донца и Дона, содержащих также представительные серии керамики, орнаментированной наколами концом палочки различных конфигураций, объясняется последующее распространение столовой посуды с подобными или более сложными орнаментальными композициями и на памятниках бондарихинской культуры.

С. И. Татаринов, Д. П. Кравец (Артемовск)

О ДОНЕЦКОМ ГОРНОМЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

В 1977 г. опубликована работа С. И. Татаринова, в которой на основе исследования горных выработок медной руды Бахмутской котловины, металлургических мастерских возле них и на стационарных поселениях Донеччины обосновывалось выделение Донецкого горнометаллургического центра эпохи бронзы. Результаты двадцатилетних раскопок памятников древнего горного дела, первобытной металлургии, осуществленных артемовскими археологами и геологами под руководством С. И. Татаринова, освещены более чем в двадцати публикациях и обобщены в монографии «Древний металл Восточной Украины». В настоящее время новые исследования как подтвердили основные выводы 1977 г., так и внесли уточнения в понимание ДГМЦ.

Основой для функционирования центра служили запасы местного сырья Донецкого кряжа и Приазовской возвышенности, прежде всего медистые песчаники, алевролиты, аргиллиты Бахмутской котловины, где в настоящее время известно около 20 карьеров-«разносов», размеры которых и в настоящее время впечатляют. Кроме того, здесь известны шахты и «закопушки». Имеются горные выработки в зоне выходов на поверхность полиметаллических руд Нагольного кряжа и на Никитовском ртутном поле, где основными ископаемыми являются арсенопирит, антимонит, киноварь — легирующая добавка в мышьяковистую бронзу. О наличии в древности на территории Кряжа небольших месторождений медных, свинцовых, серебряных и других руд, неизвестных вследствие выработанности на сегодняшний день, свидетельствуют документы о горнодобыче нового времени, когда разработки велись на месте более древних «шурфов». Легкодоступная свинцовая руда имеется у каскада крупных медных выработок Кислого бугра у с. Пилипчатино. Коренные месторождения меди известны в зоне сочленения Кряжа и Приазовской возвышенности: на реках Кальмиус, Кальчик, Берда. Причем, в последнее время опубликованы серии горных каменных орудий, происходивших именно из Северного Приазовья. Важнейшим компонентом сырьевой базы являются и залежи легкодоступной оловянной руды — касситерита на правобережье р. Кальчик. Богатство разнообразным металлургическим сырьем определило важнейшее значение ДГМЦ в развитии древних культур Украины, Подонья.

В настоящее время выделение в регионе группы изделий из чистой меди эпохи энеолита, постановка вопроса о концентрации погребений литейщиков катакомбных культур в Донбассе, выделение Северо-Восточного (Донецкого) центра металлообработки катакомбного времени, установление очевидного получения мышьяковистой бронзы на месте, значительный процент бронзовых изделий в погребениях в районе рудников (от 20 до 100) и другие косвенные данные определяют время функционирования металлургического центра на протяжении всей эпохи бронзы. Его размещение в мелкогорном Донецком кряже и в Приазовской гряде на стыке различных геофизических и геоморфологических зон (в «степном коридоре») обусловили его буферное положение между различными очагами металлообработки.

Д. Л. Тесленко (Днепропетровск)

ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ МОГИЛ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДНЕПРОВЬЯ

Для большинства культур энеолита — бронзового века степной зоны Украины данные погребального обряда остаются основным, а иногда и единственным источником при построении классификаций, попытках социальных и этнических реконструкций. В настоящее время известная консервативность обычаев, связанных с ритуалом погребения, считается практически общепризнанной. Представляется также, что использование каждого из элементов погребального обряда было не только не случайным, но и с определенной степенью строгости регламентированным. На примере ямных памятников Днепровского Надпорожья и Правобережного Предстепья мы рассмотрим особенности оформления погребального ложа — той части ритуальных действий, которая не всегда попадает в поле зрения исследователей.

Наиболее распространенным способом оформления дна могил являются подстилки из растительных (кора, луб, тростник) и неорганических (мел, охра) материалов. Чаще всего в одном комплексе встре-

чаются кора (луб), мел и охра. Несколько реже в подстилках присутствует тростник, иногда в виде циновок прямого или косого плетения. В составе многослойных подстилок устойчивой последовательности в использовании различных материалов не наблюдалось. Зачастую разнообразные комбинации одних и тех же составляющих приводили к тому, что дно могилы оказывалось закрыто пяти-шестислойной подстилкой. 18 раз в составе последних использовалась кожа, причем, в абсолютном большинстве случаев — в качестве верхнего слоя.

В 26 погребениях ямной культуры зафиксированы изголовья, которые в зависимости от материала изготовления можно разделить на четыре основных типа. Из числа деревянных изголовий, обычно представленных обрезками плах, выделяются два экземпляра. Первый (Григорьевка I.I.4) представляет собой изделие из дерева серповидной формы с углублением для головы. Отметим, что на изголовье по обе стороны от черепа погребенного были положены раковины перловицы. В другом случае (Кисличеватая II.4.12) представлена двухчастная конструкция, состоящая из ромбовидного основания и обрезка плахи с закругленными краями. Следующий тип изголовий представляют сформированные глиняные вальки, уложенные на подстилку (Кировка I.I.9; Каменское I.24). Для последних использовалась материковая глина, полученная, вероятно, в процессе рытья могил.

Типы изголовий, в составе которых доминирует растительный тлен, могут быть разделены по характеру использования материалов. Наряду со случаями укладки под голову погребенного значительного количества травы (Чкаловка I.5.I) или тростника (Чкаловка I.5.5), в семи погребениях последние оказались материалом заполнения кожаных подушек, причем несколько раз (Чкаловка II.2.7; Кировка I.I.4 и др.) трава была предварительно нарезана.

Уникальными среди ямных погребений региона остаются захоронения с остатками деревянных внутримогильных конструкций. В кургане I у села Жовтневое (раскопки АЭ ДГУ в 1989 г.) в погребении 3 зафиксированы остатки обожженных прутьев, входивших в состав погребального ложа, а в погребении 4 под костяком обнаружены истлевшие остатки тонких обработанных дощечек, вероятно, от деревянного настила.

Рассмотренные особенности погребального обряда ямных племен днепровского Надпорожья и правобережного Предстепья несомненно требуют дальнейшего осмысления. Вместе с тем представляется, что особая тщательность оформления внутримогильного пространства в сочетании с большими размерами могил, ритуальными раскрасками черепа, присутствием в инвентаре каменных топоров и изделий из бронзы может выступать в качестве индикаторов социальной неординарности погребенных.

А. Н. Усачук (Донецк)

К ВОПРОСУ О ГРЕБНЯХ И ОРУДИЯХ ПРЯДЕНИЯ В МАТЕРИАЛАХ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Разговор о гребнях и орудиях прядения (спицах) ведется в основном на страницах харьковских изданий срубной культуры. Морфологически обе группы изделий одинаковы — изготовлены из расколотых вдоль трубчатых костей (правда, стержни гребней зачастую имеют резные головки). Однако трасологически стержни гребней и спиц отличаются разительно, поскольку первые имеют многочисленные разновеликие следы, идущие параллельно или слегка под углом к длинной оси стержня, а вторые — поперечные следы вращения. В результате этого на спицах образуются своеобразные перехваты, поскольку активное воздействие пряжи не только полирует, а частично «съедает» по окружности участки кости.

Предложенные ранее подборки спиц в настоящее время существенно пополнились. Сейчас спицы (79 экз.) зафиксированы на 18 поселениях срубной культуры различных регионов (44 экз.) и в 5 погребениях (35 экз.). Возможно, следует учесть еще 6 спиц (Губиниха. к. 3 п. 14), однако комплекс трасологически пока не изучался. Помимо срубных памятников, спицы зафиксированы при трасологическом анализе костяного инвентаря Субботовского городища (2 экз.) и на сабатиновском поселении Виноградный Сад (набор, 8 экз., раскопки 1994 г.; благодарю И. Н. Шарафутдинову за возможность сделать трасологический анализ орудий). Таким образом, вывод о присутствии спиц только на срубных памятниках сделан явно преждевременно.

Трасологические опыты и этнографические параллели позволяют считать спицы орудиями прядения (сучения шерсти). Спицы вставлялись в деревянную основу либо втыкались в землю рабочими остриями вверх. При экспериментах использовалась одна спица, однако для наматывания нитей пряжи лучше использовать не менее двух спиц. Судя по комплексам, в эпоху бронзы применялись наборы из 4, 6 (?), 7 и 8 спиц.

Срубные погребения с костяными стержнями (спицами и остатками гребней) уже давно вызывают повышеный интерес. В. В. Цимиданов считает, что в работе спицы собирались в орудие, имеющее вид гребня. В таком случае становится зыбким само употребление термина «спицы». Очевидно, В. В. Цимиданов, сохраняя его, делает некоторую

поправку на данные трасологии, хотя тут же перечеркивает их, реконструируя из спиц гребнеподобную конструкцию. Как трасолог, заявляю, что при употреблении спиц в какой-либо конструкции типа гребня никогда не получатся вращательные следы, которые и являются ярким и единственным критерием отличия собственно спиц от иных костяных стержневидных изделий.

Не совсем логичным является и стремление В. В. Цимиданова соединить в едином ритуальном контексте зачастую несовместимые понятия: гребни в погребениях он считает практическими атрибутами мастеров и вместе с тем символическими ритуальными знаками с особой семантической нагрузкой. То обстоятельство, что предметы, выполнявшие в реальной жизни различные производственно-бытовые функции (настоящие гребни, спицы, колышки), в погребальном обряде стали синонимичными, позволяет предполагать более реальным именно ритуально-смысловой контекст помещения «гребней» в захоронение. Видимо, с предложенных позиций следует исходить и при изучении срубных погребальных комплексов с бронзовыми иглами и шильями, интерпретация которых недавно предложена И. Ф. Ковалевой.

С. В. Федяев, С. И. Татаринов (Артемовск)

УНИКАЛЬНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ С «ИГРУШКОЙ»

В 1989 г. археологической экспедицией Артемовского краеведческого музея исследовано катакомбное детское погребение у с. Покровское Артемовского района Донецкой обл. Погребение (№ 8) было впущено в курган 3, сооруженный над основным катакомбным погребением (№ 6). Открыто оно в 9 м южнее от ЦР на глубине 2,3 м в виде подпрямоугольного могильного пятна размером 1,6 х 1 м. В яме-камере обнаружены два детских костяка: младенца и подростка, лежащих в скорченном положении на правом боку, головой на север. Сохранность плохая. У ног подростка обнаружено большое пятно охры.

Интересен инвентарь погребения. Это большой орнаментированный горшок и маленький вотивный сосудик, поставленный вверх дном. На расстоянии 0,5 м от него, в южном углу ямы-камеры находилась разбитая на три части глиняная модель (дл. 12 см, шир. 4 см, выс. стенок 3 см, а куполообразной части до 7 см). Снаружи она покрыта орнаментом в виде волнистых прочерченных линий, имитирующих плетение лозою, чередующихся с торцовыми оттисками палочки. Снаружи и внутри бортики имеют сквозные проколы в один ряд, внутри поверхность заглажена.

В настоящее время известно уже несколько погребений с глиняными моделями различных культур эпохи бронзы. Они подразделяются на модельки открытого типа «люльки»-«колыбельки» и крытого типа —«кибитки»-«повозочки», а также на модельки с колесиками и без. Наша модель не носит следов намеренного отделения и уничтожения колесиков, имеет небольшую заднюю куполообразную часть, что позволяет отнести ее к моделям открытого типа «люльки»-«колыбели». Типологически наиболее близко к глиняной модели из с. Покровского стоит модель, описанная И. В. Синицыным и У. Э. Эрдниевым.

Существует несколько точек зрения на функциональное назначение глиняных моделей. Считается, что глиняные модели — не что иное, как копии деревянных повозок, существовавших в то время и применявшихся в погребальном ритуале как средство для перевозки умершего в потусторонний мир и дающих основание для выделения этих погребений как социально значимых — элиты общества. В. И. Марковин вообще рассматривает их как модели хижин.

Однако обращают на себя внимание две немаловажные детали. При описании глиняных моделей исследователи отмечают наличие у них вдоль верхнего края боковых стен симметрично расположенных круглых сквозных отверстий. Известные нам модели колыбелек находились или в чисто детских погребениях или в погребениях ребенка и взрослого (женщина).

Все эти детали, а именно: модель открытого типа «колыбель», отсутствие колес, симметрично расположенные сквозные отверстия вдоль верхнего края боковых стен, позволяющие продевать нити и имитировать стропы именно в детских погребениях, дают нам основание утверждать, что это глиняная модель колыбели — игрушки в современном понимании этого слова, прототипом которой в реальности могла быть детская колыбель, плетенная из лозы. Этнографические данные об использовании подобных берестяных колыбелей-«бишек» известны у башкир для перевозки детей во время езды на лошади. Плетеные колыбели могли изготовляться по подобию кибиток-повозок, которые были незаменимы для кочевников, считавших их своим домом, жилищем и в которых эти колыбели могли подвешиваться на стропилах.

Комплекс погребения № 8 у села Покровского может быть отнесен к позднему периоду донецкой катакомбной культуры и датироваться XIX–XVIII вв. до н. э.

В. В. Цимиданов (Донецк)

ПОГРЕБЕНИЯ «СПУТНИКОВ» И «ЖЕРТВ» В СРУБНОЙ КУЛЬТУРЕ

Возможность существования в срубном обществе рабов и зависимого населения уже допускалась некоторыми авторами. При выделении захоронений представителей этих социальных групп прежде всего стоит обратиться к так называемым «сопутствующим погребениям».

Важнейшие ранговые знаки в срубном погребальном обряде — индивидуальные (то есть связанные с одним погребением) курган или досыпка. Но они могут быть возведены и над двумя могилами. В нашей сводке из 2497 срубных захоронений с территории Украины таких пар — 36. При этом по меньшей мере в 15 случаях одно погребение демонстрирует знаки повышенного ранга, а второе — нет. Первого из умерших условно назовем «доминантом», а второго — «спутником». Возраст двух «доминантов» неизвестен, 13 были взрослыми, в том числе мужчина преклонного возраста и женщина; 5 «спутников» были детьми, 9 — взрослыми, в их числе — расчлененный мужчина. Добавим к этому еще один, где у углов каменного ящика неординарного погребения было 2 рядовых захоронения (взрослый и ребенок). В нашей сводке погребения «спутников» составляют 0,7%. Подчеркнутая неординарность захоронения «доминанта» показывает, что его социальное положение при жизни было выше, чем «спутника». Размещение же двух комплексов под одной насыпью фиксирует какую-то взаимосвязь между умершими. Возможно, эта связь имела характер личной зависимости «спутника» от «доминанта».

Более уверенно о зависимости можно говорить в случае с известным комплексом из Новокаир, 2/26, Херсонская обл., где на заплечиках основного погребения были положены тела двух подростков и взрослого. Они занимали место, которое в двух комплексах сводки отведено частям животных. Отсюда вытекает допущение: погребенные на заплечиках ассоциировались с жертвенными животными. Кости животных в кургане могут быть приурочены и к кромлехам и ровикам, то есть можно полагать, что погребения людей под кромлехами и в ровиках также являются жертвоприношениями. Первых в сводке — 2 (ребенок и взрослый), вторых — только 1. В трех случаях мы сталкиваемся не просто с жертвоприношениями, но с ритуальным каннибализмом. В погребениях из Николаевки, I/I, и Полковой Никитовки, 3/3 (Харьковская обл.) кости человека были перемешаны с костями животных, а в захоронении из Розовки, I/2 (Запорожская обл.) погребена была лишь плечевая кость подростка со следами срезания мяса. В сводке есть и погребение, где захоронена отчлененная берцовая кость взрослого, а также — два комплекса, где с умершим положен череп другого человека, причем в первом случае — в ногах, что, по представлениям индоевропейцев, символизирует покорность и подчиненность. В целом лишь 0,6% комплексов сводки могут быть трактованы как человеческие жертвоприношения.

Кем могли быть люди, принесенные в жертву? Скорее всего, рабами-пленниками, так как на данной стадии социального развития именно пленные чаще всего использовались для ритуальных убийств. Но судить по удельному весу «жертв» о числе рабов в срубном обществе едва ли стоит. Для ранней формы рабства характерно включение пленных в семьи победителей и относительно мягкое обращение с рабами. Погребения домашних рабов у срубников могли ничем не отличаться от захоронений рядовых членов социума. Во всяком случае как захоронения рабов и зависимых лиц не стоит трактовать безынвентарные комплексы. В нашей сводке их 239, и по степени выраженности социально значимых признаков данный массив даже превосходит массив погребений, где инвентарь представлен одним сосудом (1543 в сводке). В частности, 19,7% безынвентарных комплексов характеризуется наличием знаков повышенного ранга. Для погребений с одним сосудом этот показатель равен 17,8%. Из безынвентарных погребений 9,2% сопровождались курганом или досыпкой; 6,3 – имели большую яму; 8,4 – сложное могильное сооружение; 11,3 – следы ритуалов вне могилы. Что касается комплексов с одним сосудом, то из них курганом или досыпкой сопровождались 8,6%; большую яму имели 2,5%; сложное могильное сооружение — 7,3%; следы ритуалов вне могилы — 5,0%. Поэтому отсутствие в погребении инвентаря не свидетельствует о том, что умерший при жизни занимал в обществе подчиненное положение.

В. О. Шумова, С. М. Рижов (Київ)

ДОСЛІДЖЕННЯ ПІЗНЬОТРИПІЛЬСЬКОГО ПОСЕЛЕННЯ БІЛЯ с. ГОРДАШІВКИ НА ЧЕРКАЩИНІ

Поселення Гордашівка II Тальнівського району Черкаської області (уроч. Шкільне поле), відкрите М. Суховим, знаходиться на південно-західній околиці села; займає частину схилу плато, що обмежене з півночі долиною струмка, зі сходу — довгою балкою. За даними аерофотозйомки та візуального обстеження, поселення за розмірами не перевищує 3 га. Житла спланова̀но в одне коло.

Досліджувані залишки наземного глинобитного житла мали прямокутну форму. Шар обпаленої глини не мав суцільності і однородності. Поверхня площадки була вкрита подрібненою крихкою глиною з домішками полови. Частина фрагментів мала відбитки дерев'яних конструкцій (жердини, нешироκі плашки, лозини). Під цим шаром зафіксовано рештки глиняної обмазки без рослинних домішків, вірогідно — залишки штукатурки. Площадка обпалена нерівномірно.

Після розборки шару глини та зняття супроводжуючого матеріалу було зафіксовано ділянки підмазки підлоги і залишки вогнища відкритої конструкції.

Основну частину знахідок складає кераміка, що поділяється на кухонну і столову. Кухона кераміка (95%) має в тісті домішки жорстви, піску, слюди. За формою виділяються банкоподібні та округлотілі горщики з рогоподібними ручками на плічках, миски напівсферичної і конічної форм. Незначна частина посуду орнаментована відтиском шнура, рядами насічок та відтисками нігтя, групами маленьких конічних наліпів. Столовий посуд виготовлявся з відмуленої глини. Деяка частина фрагментів зберігла розпис чорною фарбою у вигляді фестонних та кутових схем.

Крім кераміки знайдено глиняні «фішки», фрагмент жіночої фігурки, прясла, відтяжки, знаряддя праці з кістки та кремню. Аналіз кераміки дозволяє співставляти цю пам'ятку з матеріалами поселень Кочержинці ур. Шульгівка, Мошурів II та набором посуду відомого сховання кургану № 8 біля с. Колодистого. Таким чином, досліджувана пам'ятка належить до поселень найбільш пізнього етапу у Бугo-Дніпровському межиріччі, що зазнали на фінальній фазі впливу з боку трипільських племен софіївської локальної групи Середнього Подніпров'я.

Відкриття і вивчення пам'яток найпізнішого етапу розвитку культури дає можливість ретельніше прослідкувати долю великої трипільської культурно-історичної спільності на останньому етапі її існування.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Л. И. Бабенко (Харьков)

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПЕСОЧИНСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

В 1978–80 гг. экспедицией ХИМ под руководством В. Г. Бородулина были произведены раскопки курганного могильника скифского времени, расположенного на правом берегу р. Лучка (правый приток р. Уды), у южной окраины пос. Песочин Харьковской области и состоящего из более чем 40 насыпей, вытянутых цепочкой в широтном направлении на 2 км.

Всего раскопано 35 курганов, общая датировка которых вписывается в рамки второй половины V–IV вв. до н. э. Несмотря на преобладание в могильнике курганов незначительной высоты (до 1 м, 55%), четверть курганов имела высоту более 3 м, причем высота пяти из них (5, 7, 8, 13, 18) превышала 5 м. Насыпь курганов состояла из однородного чернозема, в двух случаях прослежено использование плиток дерна (8, 18), а также подсыпки из обожженной почвы (7). Иногда в насыпи присутствуют остатки тризны (8, 25).

В курганах, как правило, находилось по одной могиле, только три кургана (6, 8, 18) содержали, помимо основного скифского, по одному впускному захоронению. В кургане 28 погребение было совершено в катакомбе. Зафиксировано два погребения на древнем горизонте (к. 30, 36), два в насыпи (к. 6, впускное, 8/1), остальные могилы впущены в материк на глубину от 0.5 до 2,37 м, имеют прямоугольную в плане, иногда близкую к квадратной (к. 8/1, 22, 29) форму и ориентированы в меридиональном и, как исключение, в широтном (к. 10, 16, 20) направлении. Конструкция погребальных сооружений разнообразна: погребения в простых грунтовых ямах составляют 50% общего количества могил, причем 85% из них обнаружено в курганах высотой до 1 м. Остальные могилы имели деревянные конструкции различных типов, которые зафиксированы, главным образом, различными углублениями на дне ямы. Условно их можно разделить на четыре типа: I — ямы с ровиком по периметру для крепления деревянной облицовки стен (к. 5, 16); II — ямы со столбовой конструкцией, количество столбов различно — 1 (к. 25), 5 (к. 3), 7 (к. 21), 9 (к. 2, 18/1, 33), 11 (к. 7); III — ямы с ровиком по периметру и столбовой конструкцией, количество столбов различно — 6 (к. 8/2), 9 (к. 6, 9, 29, 32), 10 (к. 18/2); IV — деревянные срубы-гробницы — к. 8/1, возможно, 36. В трех случаях в могилах обнаружены тайники (к. 3, 4, 9).

Половина всего количества погребений — одиночные, в 11 случаях погребения парные (к. 2, 5, 8/2, 10, 12, 18/1, 19, 21, 22, 23, 35), в двух — коллективные (к. 8/1, 25), в пяти (к. 7, 15, 30, 33, 36) — не определены. Однако, вероятно, количество парных и коллективных погребений было большим. Большинство одиночных погребений — мужские (к. 6, 9, 16, 17, 20, 28, 34), три — детские и подростковые (к. 1, 3, 31), три женских (к. 18/2, 24, 32), остальные — не определены. Среди парных погребений известны захоронения мужчины и женщины (к. 18/1), женщины и подростка (к. 21, 22), взрослого и подростка (к. 8/2, 19), в трех случаях известна половозрастная принадлежность одного из погребенных — это женщина (к. 2, 23) и подросток (к. 10). В коллективных могилах погребены женщина и два подростка (к. 8/1), мужчина, женщина и подросток (к. 25).

Ориентировка погребенных определена в 30 случаях, преобладает южная (60%), гораздо реже северная (10%), западная (13%) и восточная (17%). Погребения с западной ориентировкой обычно повторяют широтное направление погребального сооружения (к. 16, 20, 28), восточная ориентировка встречается исключительно в парных или коллективных погребениях и отражает, вероятнее всего, зависимое положение по отношению к основному покойнику. Поза погребенных в большинстве случаев трудноопределима, доминирует вытянутое положение на спине, иногда с подогнутыми кверху коленями (к. 8/1, 9, 23, 24). В 50% погребений отмечены остатки напутственной мясной пищи.

Широко распространены и достаточно разнообразны случаи ритуального применения огня: зафиксировано присутствие древесного угля в насыпи и в засыпке могилы (к. 4, 8/2, 19, 32), зольное пятно в насыпи (к. 25) и на дне могилы (к. 1, 11), в семи случаях прослежено различной степени сложности и интенсивности ритуальное сожжение погребального сооружения (к. 7, 9, 17, 24, 26, 30, 35). Захо-

ронения коня или конского снаряжения прослежены в четырех случаях, все разнообразны: сбруя в общей могиле (к. 2), погребение передних конечностей коня со сбруей в отдельной могиле (к. 7), конский череп со сбруей в нише могилы (к.9), три конских черепа, вследствие ограбления могилы местоположение неясно (к. 22).

Таким образом, материалы Песочинского могильника не только количественно увеличивают выборку погребальных памятников скифского времени северскодонецкого региона, но и в значительной степени дополняют характеристику погребального обряда местного населения комплексом не отмеченных ранее признаков.

К. И. Бакуменко (Харьков)

ДОСПЕХИ СКИФСКИХ ВОИНОВ V–IV вв. до н. э.

С точки зрения вооружения и военного дела скифов, наиболее плодотворной для исследования представляется третья четверть I тыс. до н. э. (V–IV вв. до н. э.). В это время наблюдается расцвет культуры народов Северного Причерноморья, одной из характерных черт которой является помещение в погребении вместе с умершим его оружия. Особый интерес представляют неограбленные погребения скифских воинов, в погребальный инвентарь которых входили защитные доспехи. В период с конца 60-х до начала 90-х гг. в результате возросшего объема полевых археологических исследований был открыт целый ряд подобных погребений. К сожалению, большинство из них опубликовано весьма неудовлетворительно — без чертежей или с чертежами-миниатюрами, где доспехи видны только на плане погребения. Описания доспехов предельно краткие или неполные. Зачастую не указываются размеры пластин доспехов, отношение лицевой стороны доспехов к полу погребения и др. Единственными скрупулезно исследованными являются доспехи из погребения у с. Гладковщина, которые были реставрированы А. И. Минжулиным.

Основным элементом доспехов является панцирь. Е. В. Черненко, проанализировав находки XIX–первой пол. XX в., выделил три типа панцирей: панцири с длинными рукавами, панцири с оплечьями и панцири-нагрудники. Имеющийся в настоящее время фактический материал позволяет пересмотреть эту классификацию и выделить среди скифских панцирей два основных типа согласно принципу крепления доспехов на теле воина: стягивающиеся на боку (в виде прямоугольного полотнища, часто с выкроенными оплечьями) и стягивающиеся на груди (в виде перевернутой буквы «П»). В то же время есть все основания усомниться в наличии у скифов панцирей с длинными рукавами. Вероятно, здесь мы имеем дело с нечеткой фиксацией, явление для большей части старых материалов общеизвестное, когда панцирь, наброшенный одним краем на покойного, принимали за надетые на него доспехи с длинными рукавами. Нагрудники, в свою очередь, можно считать разновидностью наиболее широко распространенных панцирей первого типа, у которых чешуйчатым набором была покрыта только часть основы, защищавшая грудь воина.

Кроме панциря, в состав доспехов часто включались также набранные из железных пластин и чешуек набедренники, наголенники, шлемы, полосчатые наручи и щиты подпрямоугольной или бобовидной формы, крепившиеся на спине. Значительный общий вес доспехов (10-17 кг) исключал их постоянное ношение в походных условиях. Надевались доспехи только перед боем, причем сделать это можно было лишь с посторонней помощью. В погребении кургана 5 у с. Зеленое Херсонской обл. доспехи, включавшие панцирь, щит и набедренники, были свернуты в рулон и лежали у стенки могилы. Возможно, в свернутом виде панцирь мог находиться в походном положении и перевозиться на крупе лошади.

Судить о форме доспехов и его отдельных элементах по фрагментам или единичным чешуйкам невозможно. Величина пластин и чешуек для набора различных элементов могла варьировать от самых мелких до достаточно крупных. Лишь скрупулезная фиксация элементов доспехов, способа набора пластин и чешуек при проведении раскопок позволит в дальнейшем более четко установить основные типы доспехов, ответить на ряд вопросов, проливающих свет на технологию их изготовления и возможности боевого применения.

С. С. Бессонова (Киев)

К ВОПРОСУ О КОЧЕВНИКАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ЛЕСОСТЕПИ

Одним из дискуссионных вопросов скифской археологии продолжает оставаться вопрос о присутствии номадов в Приднепровской лесостепи, точнее, о возможности ведения здесь кочевого или полукочевого хозяйства. Исключение составляет так называемая Террасовая лесостепь, где допускается наличие постоянных кочевий номадов (конец V–IV вв. до н. э.). Выразительным свидетельством проникно-

вения кочевников в Лесостепь со времен А. А. Бобринского, Д. Я. Самоквасова, М. И. Ростовцева считались посульские курганы на Левобережье и журовские — на Правобережье, ставшие эталонными памятниками скифской архаической культуры. В дальнейшем возобладала точка зрения о принадлежно-сти лесостепных курганов местным оседлым племенам, хотя феномен посульских курганов в той или иной связи объясняли присутствием степных номадов.

Аргументированные возражения против присутствия номадов в Лесостепи сводятся к невозможности ведения здесь, в особенности на Правобережье, кочевого или полукочевого хозяйства из-за практического отсутствия пастбищ для табунного или отарного скотоводства, удобных трасс перекочевок (сильно пересеченная местность, большие лесные массивы), водопоев для больших масс скота.

Такая оценка природных ресурсов Лесостепи представляется излишне категоричной. В ряде мест большие массивы луговых степей или остепненных лугов заходили по слабо расчлененным водоразделам далеко на север (Карта растительности УССР, 1984), особенно благоприятными для выпаса скота могли быть поймы и верховья больших рек, а также берега многочисленных малых рек. Леса в скифское время еще только начинали наступление на водоразделы. Возможность ведения кочевого хозяйства в украинской Лесостепи подтверждается историческими свидетельствами о переяславских торках и черных клобуках в Поросье.

Сдерживающим фактором мог быть недостаток пастбищ при высокой плотности населения, особенно в VII в. до н. э., и значительном развитии у местных племен скотоводства и коневодства в частности. Возможны различные варианты: освоение окраин оседлых массивов с выходом в открытую степь, чересполосное поселение (с ограниченным радиусом кочевания), захват пастбищ.

Уже отмечалось, что скифы в период расселения по странам Восточной Европы в VII в. до н. э. отдавали предпочтение зонам равнин и предгорий с умеренным климатом. Решающими факторами являлись соседство с центрами металлообработки и земледелия, наличие удобных сухопутных путей. Степи же Северного Причерноморья оставались слабо освоенными кочевниками фактически до конца V в. до н. э.— до создания собственной экономической базы для ведения полукочевого хозяйства.

В лесостепной зоне можно предварительно выделить несколько регионов концентрации могильников кочевнического типа VII–IV вв.

На правобережье Днепра основным таким регионом являлось междуречье верховий Турии (басс. Южного Буга), Сырого Ташлыка и среднего течения Гнилого Ташлыка (басс. Тясмина) — могильники VII–IV вв. у сел Журовка, Капитановка, Турия, Матусов, Макеевка и др. Междуречье Горного Тикича и Гнилого Тикича — отдельные могильники у сел Ризино, Рыжановка, Кобриново, Неморож (в основном IV в. до н. э.?). В верховьях Горного Тикича несколько могильников к. V–IV вв. до н. э. у сел Новоселица, Яцковичи, Яхны. В левобережном Поросье, в междуречье Роси и Россавы — могильники Стеблев (в основном V в.), Ивановка (V–IV вв.). На Левобережье особо благоприятными для скотоводства были Посулье и прилегающие к нему с севера и запада территории, в том числе басс. Трубежа с курганами (конец V–IV вв.) между Борисполем и Переяславом.

Неизбежное в условиях лесостепи оседание кочевников, по крайней мере значительной их части, компенсировалось периодическим притоком новых волн номадов.

Ю. Н. Бойко (Винница)

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИЯХ В ПРИДНЕПРОВСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ VII–III вв. до н. э.

Культурный облик населения Среднего Приднепровья скифского времени — результат длительного сосуществования различных этносов. Перемещения населения хорошо фиксируются археологически для предскифского периода: они были направлены с запада на восток региона. В скифское время внутрирегиональные миграции определяются с трудом и далеко не в полном объеме из-за общности основных элементов материальной культуры. В подобном случае дифференцирующее значение приобретают элементы духовной культуры, тесно связанные с этническим самосознанием и фиксируемые по археологическим источникам. В частности, это архетипические представления об устройстве мироздания, систематически воспроизводимые в структуре погребального сооружения и прежде всего — в ориентировке камеры и погребенных. Этот признак универсален и в качестве факторного позволяет выявить ряд важных закономерностей в пространственно-временном распределении 422 погребений Лесостепного Приднепровья VII–III вв. до н. э.

Ориентировка С-Ю (160 комплексов). Погребения этой группы фиксируются массово с I половины VII в. до н. э. на Левобережье, тогда как на правом берегу Днепра — не ранее середины второй половины этого столетия. Перемещение с востока на запад шло организованно во главе с аристократией. Со второй половины VI в. до н. э. намечается обратное продвижение части носителей данного архетипа на Левобережье (Опишлянка), их миграция

за пределы региона (Сев. Донец). В позднескифское время традиции группы наиболее полно сохраняются в аристократических погребениях Посулья. Для данного фрагмента выборки характерна сравнительно высокая доля воинских и всадниче ских захоронений, в том числе высшей аристократии с прекрасными наборами «скифского» инвентаря. Однако частая встречаемость костей свиньи в инвентаре посульских курганов, ведущая роль этого животного в стаде жителей Басовского городища, особенности этнокультурной знаковой системы не позволяют отождествлять представителей группы ни с кочевниками, ни с историческими скифами.

Ориентировка СВ-ЮЗ (87 погребений). Динамика распределения близка описанной выше: наиболее ранние известны на Левобережье (Ворскла), затем ближе к VII – первой пол. VI вв. до н. э. часть носителей данной группы организованно во главе с аристократией перемещается на Правобережье, причем, связи между обеими частями этнической группы не прерываются до конца эпохи.

Ориентировка В-З (99 комплексов). Эта группа характерна для Правобережья Днепра, где хорошо представлена мужскими, женскими, парными, коллективными погребениями разных социальных слоев на протяжении всего скифского времени. Погребальный обряд и инвентарь в целом соответствуют современным представлениям об археологической культуре этнических скифов архаического периода, доживающих в лесостепном Правобережье до самого конца эпохи. На Левобережье рассматриваемый архетип не получил распространения, никогда не был престижным: для VII–VI вв. известно лишь 5 исключительно женских захоронений рассматриваемой группы, среди них — в хозяйственной яме на одной из архаических усадеб В. Бельского городища. Немногочисленные погребения с восточной ориентировкой последующих веков в Посулье и верховьях Мерлы были оставлены скорее всего небольшими коллективами выходцев из-за пределов региона.

Ориентировка СЗ-ЮВ (76 погребений). Данный архетип, один из древнейших в лесостепи между Днепром и Днестром, широко представлен в позднем Черноле сье. На жаботинском этапе заметна связь местной аристократии со степным миром (Жаботин, к. 524). В скифское время эта автохтонная группа на Правобережье довольно многочисленна и успешно сосуществует с другими. Интересна динамика расселения носителей рассматриваемой традиции на Ворскле: в конце VII – начале VI вв. до н. э. это лишь несколько исключительно женских захоронений на юге Поворсклья, со второй половины VI до середины V вв.— несколько мужских и женских погребений в окрестностях Бельского городища, а со второй половины V в. до н. э.— основная группа погребений на Средней Ворскле. Не в этой ли среде следует искать невров Геродота (IV, 105)?

Таким образом, в лесостепном Приднепровье основные миграционные потоки сохраняли широтную направленность и в скифское время. Наибольшей активностью отличалось население Левобережья в эпоху архаики. Миграции с правого берега Днепра на левый были растянуты во времени и шли в форме постепенного просачивания. Одним из обязательных предварительных условий второго типа переселений было установление брачных связей с местным населением.

С. Б. Вальчак (Москва)

УЗДА АЗИАТСКОГО ТИПА В ПРЕДСКИФСКИХ ПАМЯТНИКАХ ЕВРОПЫ

В настоящее время среди новочеркасских памятников предскифского периода многие исследователи выделяют комплексы «классической» фазы их существования, которые синхронизируются с периодом киммерийских походов в страны Закавказья и Передней Азии и датируются начиная с конца VIII в. до н. э. Унификация узды классического новочеркасского типа, появление новых форм упряжи, наступательного и защитного вооружения воинов, новые мотивы декора и технология изделий, активное использование железа, а также распространение всех этих явлений на всей территории Юго-Восточной Европы трактуются как результат киммерийских походов за Кавказский хребет.

Если «послепоходные» новочеркасские комплексы в археологическом отношении достаточно хорошо прослеживаются в массе предскифских памятников, то непосредственно предшествовавшие этим событиям комплексы диагностируются гораздо хуже. Именно такие археологические комплексы должны отражать материальные свидетельства процесса формирования участвовавших в военных кампаниях сплоченных коллективов, в которые (исходя из ареала классических новочеркасских памятников) предположительно входили наиболее активные представители этносов, «скрывающихся» под археологически определенными оседлыми протомеотской, кобанской и кочевой черногоровской культурами. Не исключено и формирование синкретической культурной общности (материалы могильников Псекупский 1, Пшиш-1, Казазово, КМФ-1, Белореченский-2, Клин-Яр III и др.) под влиянием внутренних (климатических, демографических, социальных и пр.) факторов. Нельзя исключить и внешний фактор-катализатор последующих военных кампаний, который мог возникнуть в результате прихода с другой территории чрезвычайно активной группы населения.

Недавно Р. Б. Исмагилов отметил ряд сходных признаков «новочеркасской культуры» и хронологически близких культур Востока Евразии. Сопоставления исследователя тем более интересны, что в последнее время открыты новые изделия «азиатского облика» на территории Восточной Европы. Речь идет о находках удил с комбинированными внешними окончаниями, в которых разным образом совмещены два элемента крепления: кольцо и «стремечко». По морфологическим особенностям и сопутствующим в комплексах вещам часть этих находок можно синхронизировать с предклассической фазой новочеркасских памятников и финалом существования черногоровской культуры: погр. 1 (1987 г.) Каменномостского могильника, погр. 38 могильника Пшиш-1, случайные находки на мог. Пседахе в Венгрии и на поселении у с. Песочин под Харьковом. Имеются находки подобных изделий и в курганах Хаджоха в Адыгее, которые синхронизируются с финалом классической фазы существования новочеркасских памятников. Технологические и морфологические особенности некоторых из этих удил позволяют предполагать их производство в Юго-Восточной Европе по образцам «азиатского» происхождения.

В связи с выявленными особенностями можно предположить, что прототипы восточноевропейских удил попали в регион вместе с относительно немногочисленной, но очень активной в военном отношении группой населения из Азии (Заволжья и далее к востоку). На Северном Кавказе (зоне производства однокольчатых удил) «азиатские» экземпляры не прижились, но трансформировались в двукольчатую форму, которая и стала господствовать в классическое новочеркасское время. Событие это можно датировать второй половиной VIII в. до н. э. и синхронизировать с временем существования предклассических новочеркасских памятников. К числу новшеств в узде, которые имеют «азиатское» происхождение, можно включить и появление в этот период двурядно-прямоугольного рельефа на стержнях удил, так же как и аналогичного орнамента на камышевахских и цимбальских псалиях.

Вполне вероятно, что пришлая группа азиатского происхождения явилась консолидирующим аборигенные племена фактором, который привел к формированию военных отрядов и явился катализатором походов в страны Закавказья и Передней Азии.

В. П. Власов (Симферополь)

О НАСЕЛЕНИИ БУЛГАНАКСКОГО ГОРОДИЩА В ПОЗДНЕСКИФСКОЕ ВРЕМЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ)

Исследование основывается на результатах анализа керамического комплекса позднескифского Булганакского городища, расположенного в 15 км к западу от Симферополя, на границе степной и предгорной частей Крыма.

Лепная керамика (далее — ЛК) Булганакского городища составляет 42,2%, уступая лишь амфорам (53,7%). Оставшаяся часть приходится на краснолаковую (2,4%) и простую гончарную (1,7%) посуду. Лощению подвергалось около 15% ЛК, в подавляющем же большинстве случаев ее поверхность небрежно заглаживалась.

Анализ ЛК производился на основе выработанной автором типологической классификации, основанной на сходстве и различии морфологических признаков сосудов и других изделий. Булганакская ЛК представлена: горшками (22 типа), сковородами (2 типа), мисками (13 типов), блюдами (4 типа), тарелками (4 типа), «солонками» (4 типа), кувшинами (4 типа), ковшами (3 типа), кружками (4 типа), кубками (4 типа), крышками (2 типа), светильниками (2 типа), курильницами (6 типов) и «чашами на полой ножке». Незначительная часть горшков и мисок украшена вдавлениями и насечками по венчику и рельефным валикам, а также дуговидными, спиральными и других форм налепами. Иногда ручки кувшинов имели рельефные отростки и двойные выступы на верхнем изгибе.

Сравнение керамического комплекса Булганакского городища с материалами других памятников Северного Причерноморья, Кавказа, Поволжья и Приуралья позволяет выделить в его составе несколько генетически разнородных групп керамики: 1) этнически нейтральная, включающая широко распространенные формы, характерные для различных в культурном отношении регионов скифо-сарматского времени; 2) продолжающая раннескифские керамические традиции; 3) позднескифская, возникшая у скифов периода оседлости и неизвестная у них на стадии кочевания; 4) воспроизводящая формы античной гончарной посуды; 5) таврская, имеющая прямые аналогии в кизил-кобинской культуре; 6) обнаруживающая тесную связь с районами Нижнего Дона и Прикубанья, где проживало смешанное скифское, меотское и сарматское население; 7) группа сарматской керамики; 8) сосуды зарубинецкого облика; 9) группа, связываемая с фракийской ЛК. Наиболее многочисленны сосуды, относящиеся к первым двум группам, за которыми следует керамика, характерная для скифов поздней поры. Заметно уступают им в численности 4-6 группы, а последние три представлены единичными экземплярами.

Керамика Булганакского городища, как и других крымских поселений, при общности ряда форм отличается от нижнеднепровской. Имеющиеся отличия во многом обусловлены соседством с различными по этносу и культуре народами. Нижнеднепровские скифы испытывали сильные северные и западные влияния, а крымские — местные и восточные.

Булганакский керамический комплекс свидетельствует об этнической неоднородности населения городища. Основу жителей составляли скифы, среди которых проживала какая-то часть населения таврского происхождения и незначительная доля сарматов. О присутствии нижнедонского и прикубанского этнических компонентов пока можно говорить лишь в предположительной форме. По всей вероятности, сходный состав населения был и на других позднескифских городищах Центрального Крыма. Появление некоторых форм и орнаментации, присущих зарубинецким и фракийским сосудам, является следствием их опосредованной культурной инфильтрации в Крым через Нижнее Поднепровье.

Обнаруженные на Европейском Боспоре первых веков н. э. многочисленные аналогии булганакской ЛК подтверждают высказанное ранее А. А. Масленниковым предположение об оттоке части позднескифского населения в пределы Боспорского царства.

А. В. Каряка (Киев)

О СООТНОШЕНИИ АМФОРНОЙ ТАРЫ РАЗЛИЧНЫХ ЦЕНТРОВ В НИЖНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

К настоящему времени накоплен большой материал, характеризующий античный керамический импорт, происходящий из раскопок скифских поселений и погребальных памятников Нижнего Поднепровья. Однако до сих пор не проводился сравнительный анализ центров производства амфор.

В ходе изучения амфорных материалов Каменского городища (Н. А. Гаврилюк) были выделены следующие центры керамического производства: Фасос, Менда, Гераклея Понтийская, Синопа, Хиос и амфоры типов Солоха-1 и 2. При этом амфоры производства Фасоса составляли приблизительно 1/3 часть общего количества обнаруженных фрагментов, за ними следуют небольшие группы амфор Менды, известные в литературе как амфоры с рюмкообразной ножкой; Солохи-2 и Гераклеи Понтийской. Весьма незначительны по количеству амфоры Синопы, Хиоса и типа Солоха-1. Три последние группы составляли очень небольшую часть находок.

Приблизительно аналогичное соотношение амфорной тары обнаруживается и в составе находок на синхронных и территориально близких Каменскому городищу скифских поселений.

Преобладание амфор фасосского и гераклейского производства на крупном скифском поселении IV в. до н. э. Лысая Гора, расположенном достаточно далеко от рассматриваемых поселений, отмечает Н. А. Гаврилюк. Об остатках амфор фасосского производства, как одной из наиболее многочисленных категорий керамической тары на поселениях в Нижнем Поднепровье, писала Н. А. Онайко.

В результате изучения амфорных материалов, происходящих из синхронных погребальных памятников высшей скифской знати, получены следующие результаты. Курган Чертомлык: подавляющее большинство амфор типа Солоха-2 и Менды, сравнительно небольшое количество амфор Гераклеи и Синопы. Курган Солоха: большинство — амфоры типа Солоха-2 и несколько экземпляров Солоха-1. Мелитопольский курган: 11 амфор производства Менды. Толстая Могила: в составе тризны — Солоха-2, Менда, Фасос, в центральной гробнице — остатки амфоры типа Солоха-2. Аналогичную картину, на наш взгляд, можно проследить и на примерах других курганов скифской знати.

Таким образом, сравнение амфорных материалов нижнеднепровских поселений IV в. до н. э. с одновременными им погребальными памятниками высшей скифской знати показывает, что на поселениях, как правило, преобладают амфоры фасосского и гераклейского производства, а среди материалов погребальных памятников большинство принадлежит амфорам типа Солоха-2 и производства Менды. Фасосские и гераклейские амфоры в погребальных памятниках составляли меньшинство и находились в основном в составе тризны. Поскольку импорт вина, вне всякого сомнения, преобладал над остальными видами продуктов, ввозившихся на территорию Нижнего Поднепровья в амфорах, подобное несоответствие в составе амфорных материалов с поселений и скифских погребальных памятников, скорее всего, может быть объяснено разным качеством вина. Учитывая то, что цена фасосского и гераклейского вина была ниже, оно употреблялось представителями широкой массы скифского населения. Большая стоимость вина, перевозившегося в амфорах типа Солоха-2 и Менды, по-видимому, приводила к тому, что оно реализовывалось в среде богатых и знатных скифов.

М. Т. Кашуба (Киев)

КУРГАН-СВЯТИЛИЩЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ БЛИЗ с. МОКРА В СРЕДНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

Известные в пределах могильников скифские святилища V–IV вв. до н. э. (в том числе и курганные) характеризуются отсутствием погребений, необычностью оформления внутреннего пространства, следами ритуальных действий, а также регламентированным характером использования с после-

дующей засыпкой их землей. К скифским культово-обрядовым сооружениям относится и курган-святилище IV в. до н. э. в Среднем Поднестровье.

Святилище находилось в составе разновременного курганного могильника, расположенного в 3 км к ЮВ от с. Мокра Рыбницкого района Молдовы. При частичных раскопках этой курганной группы в 1990 г. не было обнаружено скифских захоронений, но основные признаки исследованного сооружения наряду с фрагментами греческих амфор позволяют относить его к скифскому периоду.

На поверхности овального всхолмления (23 х 20 м при высоте 0,2-0,25 м), ориентированного в направлении СВ-ЮЗ, наблюдались обломки известняковых камней и угольки, а также фрагменты греческих амфор IV в. до н. э.

Под насыпью на уровне материка обнаружен прямоугольный ровик со скругленными углами (15 х 12 м), ориентированный в направлении СВ-ЮЗ. С западной стороны находилась перемычка шириной 2,5 м. Ширина ровика различна — от 0,9 до 1,7 м. Ровик был забутован плотным черноземом с известняковыми камнями, в СЗ углу обнаружены 17 стенок греческих амфор IV в. до н. э. В центральной части ограниченного ровиком пространства зафиксированы три ямы, различные по ориентировке и величине. В центре, напротив перемычки, на глубине 0,5 м находилась прямоугольная яма со скругленными углами (1,1 х 0,6 м при глубине 0,37 м), ориентированная в направлении СЗ-ЮВ. Яма была заполнена рыхлым черноземом с большим количеством древесных углей, на дне прослежены остатки сгоревшего, вертикально стоявшего столба-стелы диаметром 0,4 м. Вторая яма находилась в 0,2 м к З от первой, на глубине 1,4 м. Яма овальная (2,1 х 1,5 м при глубине 0,6 м), ориентированная в направлении ЮЗЗ-СВВ. Яма была заполнена плотным черноземом с большим количеством крупных и мелких известняковых камней, среди которых вперемешку находились разрозненные и мелко расколотые кости человеческих скелетов (2 ребра, 2 фрагмента нижней челюсти, фрагмент черепа, 3 позвонка и бедренная кость), а также расколотые кости животных (5 фрагментов челюстей, обломок лопатки и 2 позвонка). Третья яма располагалась в 1 м к ЮВ от первой, на глубине 1,5 м. Яма прямоугольная со скругленными углами (1,3 х 1 м при глубине 0,4 м), ориентирована в направлении СВ-ЮЗ. Заполнение представлено черноземом с плотно уложенными известняковыми камнями.

Основные признаки исследованного сооружения: отсутствие погребения; культовые действия — жертвоприношения людей (?) и животных, ограниченность пространства ровиком и выделенность его сакрального центра столбом-стелой (с последующим сожжением), а также засыпка места землей — позволяют его относить к скифским поминальным курганам-святилищам.

Из особенностей поминального сооружения близ с. Мокра отметим прямоугольную форму ровика и забутовку его камнями, а также человеческие жертвоприношения. Отличительной чертой скифской курганной архитектуры является ровик кольцевой формы. Из отдаленных аналогий ровику близ Мокры приведем восточные поминальные сооружения Тагискена, Чаш-Тепе и др. Появление квадратных и прямоугольных ровиков у сармат связывается исследователями с латенской традицией Средней Европы. Следует отметить, что сооружение как прямоугольного, так и кольцевого ровиков связано с реализацией одинаковой функции — ограничением ритуального пространства с выделением сакрального центра, когда ровик является границей загробного мира, пересечение которой возможно лишь по узкому мостику-перемычке. Забутовка ровика камнями — явление, характерное для Среднего Днестра, где в предскифское и скифское время наблюдается широкое применение камня при захоронениях, что может объясняться местными природными условиями.

Отмеченные особенности поминального кургана-святилища близ с. Мокра не противоречат отнесению его к скифским культово-обрядовым сооружениям.

В. А. Косиков (Донецк)

О ПРОИЗВОДСТВЕ БРОНЗОВЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ НА ТЕРРИТОРИИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

В последние годы шире стали практиковаться исследования цветной металлообработки скифского времени в Восточной Европе с привлечением данных естественнонаучных методов. Это в значительной степени расширило источниковедческую базу и позволило по-новому подойти к осмыслению многих вопросов, связанных с историко-металлургическими и другими проблемами раннего железного века на территории днепровского лесостепного Левобережья.

Данные спектрального анализа бронзовых наконечников стрел скифской эпохи, выполненные в Институте археологии АН СССР в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов (Т. Б. Барцева), помогают правильно понять уровень развития бронзолитейного производства в Скифии в VII–IV вв. до н. э.

Программа SKIF, разработанная в Донецком госуниверситете (В. А. Косиков, П. В. Шаранов, Л. О. Корнилова) для определения месторождений медных руд, использовавшихся как сырьевые базы для бронзолитейного производства ремесленниками раннего железного века на территории юга Восточной Европы, позволила точно и качественно соотнести анализы бронзовых наконечников стрел с рудными месторождениями.

Все наконечники стрел в соответствии с существующей классификацией (А. И. Мелюкова) распределены на три хронологические группы.

Первая группа. Датируется концом VII–VI в. до н. э. Проанализированы 94 экземпляра. Все они отливались из оловянистой бронзы. Значительное количество наконечников (13) сделано из сырья, которое обычно использовали в своей работе бронзолитейщики античных городов Северного Причерноморья. Пять наконечников отлиты из сырья ремесленников Волго-Камья, два — Северного Кавказа и по одному — из месторождений медной руды, которые разрабатывались мастерами Волго-Уралья и Правобережья Днепра. Однако основная масса наконечников стрел отлита из сырья «вторичного использования» (57, более 60%). К этим же хронологическим рамкам отнесено наибольшее количество наконечников, соответствующих группе анализов «не определенное» (15, или 15.9%).

Вторая группа. Датируется рубежом VI–V вв. до н. э.— V в. до н. э. Было проанализировано 91 изделие. Ведущим типом сплава для этой группы оставались оловянистые бронзы. Растет количество наконечников, изготовленных из медных руд, использовавшихся ремесленниками городов-полисов Северного Причерноморья (17). Три изделия отлиты из сырья мастеров Правобережья Днепра, по одному — из месторождений Волго-Камья и Северного Кавказа. Увеличивается также и основная масса наконечников, отлитых из сплавов «вторичного использования» (63, более 69%). В 2,5 раза (то есть 6 экз.) уменьшается количество наконечников, соотносящихся с группой «не определенное».

Третья группа. Датируется концом V–IV в. до н.э. Проанализировано 43 наконечника. Преобладающий сплав в этой группе — оловянисто-свинцовистые бронзы. Из всего количества только 8 экз. соотносятся с месторождениями, которые использовались в производстве литейщиками античных городов Северного Причерноморья и один — с медными рудами сырьевых баз ремесленников Правобережья Днепра. Металл «вторичного использования» достигает уже 72,0% (то есть 31 экз.). К числу же «не определенное» отнесено три наконечника.

Среди изделий, в которых использовалось вторичное сырье, преобладающими также являются месторождения греческих городов-колоний Северного Причерноморья. Второе место занимают изделия с добавками вторичного сырья Северного Кавказа. Совершенно отсутствуют наконечники стрел, изготовленные из медных руд Карпато-Трансильвании. Однако в переработке изделия из данного региона присутствуют. И это касается практически всех трех хронологических групп.

Таким образом, изученные спектральные анализы бронзовых наконечников стрел из археологических памятников раннего железного века на территории днепровского лесостепного Левобережья свидетельствуют о привозном характере сырья для их изготовления. Замена оловянистой бронзы оловянисто-свинцовистой подтверждает мнение о сокращении в IV в. до н. э поступлений олова из Западной Европы и расширении экономических связей через античные города Северного Причерноморья с материковой Грецией, откуда более широко стал поступать свинец в виде товарных слитков или готовых изделий.

Несмотря на отсутствие в рассматриваемом регионе месторождений меди, олова, свинца и других составных компонентов бронзы, металлургия и металлообработка у племен скифского времени были на достаточно высоком уровне. Как показали исследования металлургического производства древнейших государств мира (Египта и Вавилона), на более высокой ступени развития обычно стояли не те страны и народы, где добывался металл, а те районы, куда его привозили в результате торговых операций.

А. П. Медведев (Воронеж)

НАЧАЛО РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА СРЕДНЕМ ДОНУ

На рубеже II–I тыс. до н. э. в Донской лесостепи происходят во многом еще неясные процессы, необратимо нарушившие сложившийся уклад жизни племен эпохи поздней бронзы. Переходная эпоха ознаменовалась резким сокращением, а затем и полным исчезновением признаков оседлой жизни. Если для донской срубной культуры XVI–XI вв. до н. э. здесь учтено около тысячи поселений, то для культур финальной бронзы конца II – начала I тыс. до н. э. (валиковой и бондарихинской) — не более пятидесяти. Ситуация еще более ухудшается к IX–VII вв. до н. э., когда на Среднем Дону поселения вовсе исчезают. Ухудшение условий жизни и резкое сокращение численности населения нашли отражение и в динамике погребальных памятников: на более чем 500 исследованных погребений срубной культуры здесь приходится едва ли полтора десятка захоронений позднейшего предскифского периода, не образую-

щих могильников и разбросанных поодиночке по обширным лесостепным пространствам.

Данные археологии свидетельствуют о катастрофическом сокращении численности лесостепного населения, резких и необратимых изменениях его ХКТ и образа жизни. Уже на рубеже II–I тысячелетий в донских культурах финальной бронзы практически исчезают крупные изделия из бронзы, на смену им снова приходят изделия из камня, в том числе кремневые серпы и даже наконечники копий, в срубную эпоху отливавшиеся из металла. Не наблюдается в это время какого-либо прогресса в использовании железа. Если на срубных поселениях известно около десятка находок мелких железных изделий, чаще всего шильев, то на валиковых и бондарихинских поселениях лесостепного Подонья они пока не встречены ни разу. Поворот к практическому использованию этого металла здесь происходит вряд ли ранее VIII–VII вв. до н. э., когда появляются биметаллические, а затем и железные мечи киммерийских и раннескифских типов. Наиболее ранние археологические свидетельства использования железных орудий в хозяйственных целях относятся к еще более позднему времени.

На наш взгляд, описанные выше процессы так или иначе были связаны с природно-климатическими переменами, вызванными наступлением нового климатического цикла. На период суббореала-3 приходится похолодание климата при одновременном усилении его засушливости, что приводит к формированию на юге Восточной Европы так называемой зоны «холодных степей». Даже в верховьях Дона палеопочвоведы недавно обнаружили свидетельства резкого иссушения климата в самом начале I тыс. до н. э. Скорее всего здесь негативные явления проявились даже резче, чем на территории Украины, так как Подонье существенно отличается от Поднепровья большей континентальностью климата и контрастностью ландшафтных зон. В его Левобережье обширные остепненные пространства фактически простираются до верховий Дона.

Не исключено, что общему ухудшению экологической обстановки способствовал и антропогенный фактор — многовековая хищническая хозяйственная деятельность людей, резко активизировавшаяся в период поздней бронзы. В результате резкого прироста срубного населения усилилось давление человека на природу. Отмеченное палеопочвоведами «остепнение» территории, прилегающей к срубному поселению Мосоловка, исследователи связывают с довольно интенсивной производственной деятельностью металлургов-бронзолитейщиков, требовавшей большого количества древесного топлива, а значит неизбежного сведения окрестных лесов. Возможно, свою негативную роль сыграло и экстенсивное придомное скотоводство, вызывавшее пастбищную дигрессию.

В результате взаимоналожения этих и других (нам еще не известных) факторов в лесостепном Подонье создаются условия для существования номадизма. И действительно, в отличие от Среднего Поднепровья, позднейший предскифский период здесь представлен лишь упомянутыми немногочисленными впускными погребениями черногоровско-новочеркасского типа. Не исключено, что в переходное время на Среднем Дону не было не только оседлого, но и постоянного скотоводческого населения, а названные выше погребальные памятники оставлены степными номадами, регулярно поднимавшимися вверх по Дону в весенне-летнее время. По всему облику культуры они были близки древнейшим кочевникам Восточной Европы — «киммерийцам».

В. Ю. Мурзін (Київ)

СКІФОЗНАВСТВО: СУЧАСНИЙ СТАН ТА ОСНОВНІ НАУКОВІ ПРОБЛЕМИ

Скіфознавство є окремою гілкою історико-археологічної науки, що вивчає генезис і розвиток культур скіфського типу у Східній Європі та історичні долі їх творців. Розуміння скіфознавства саме як історико-археологічної дисципліни, що передбачає чільну роль археологічних джерел серед широкого кола матеріалів іншого характеру — зокрема свідчень давніх авторів, даних антропології, етнографії, мовознавства та ін., є визначальною ознакою вітчизняної науки. Нині археологічна база скіфознавства нараховує дані про тисячі поховань та сотні городищ і поселень скіфської доби, що дає можливість поновому підійти до вирішення багатьох складних взаємопов'язаних питань.

Проблема походження скіфів. На відміну від традиційних — «автохтонного» та «міграційного» — підходів до розв'язання цієї проблеми зараз стає зрозумілим, що процес формування скіфського етносу був набагато складнішим. Його суть становила поступова та тривала за часом консолідація різних за походженням кочових племен — місцевих кімерійських та прийшлих протоскіфських. Відповідно, подальші пошуки мають бути спрямовані на з'ясування конкретної території виникнення протоскіфської культури у Східних районах Євразії, уточнення співвідношення та ролі різних складових у формуванні нового етносу, вивчення динаміки і вузлових моментів даного етнооб'єднувального процесу.

Проблема скіфської державності. Не викликає ніяких сумнівів, що саме скіфи створили перше державне утворення Східної Європи. Воно виникло на основі військово-політичного об'єднання, що склалося внаслі-

док підкорення кіммерійців прийшлими номадами. Досить рихле за своєю структурою, воно набувало більшої сталості у періоди «сплесків» політичної активності скіфів, зокрема у період утворення та розквіту північнопричорноморської Скіфії, що об'єднала не тільки скотарів Степу, а й землеробів українського Лісостепу. Нагальною потребою є дослідження економічної бази цього утворення, уточнення його кордонів та їх зміни у часі, ступені залежності підлеглих племен від скіфської верхівки, з'ясування основних причин загибелі скіфської держави.

Проблема етногеографії Скіфії. У зв'язку з наявністю цілого шару пам'яток ранньоскіфської культури, який було порівняно недавно виявлено на Північному Кавказі, дану проблему не можна обмежувати лише реконструкцією етногеографічної карти Північного Причорномор'я за скіфської доби. Не менш важливим є вивчення поступового переміщення основного ядра скіфських племен з рівнин Північного Кавказу до степів сучасної України. Щодо етногеографії власне північнопричорноморської Скіфії, то тут чи не найважливішим є питання про склад та етнічну приналежність населення лісостепових районів, зокрема Дніпровського лісостепового Правобережжя, яке було, на думку багатьох фахівців, колискою давнього слов'янства. Нині доведено, що поряд з глибокими місцевими коренями величезну роль у формуванні племен цього регіону та культури, яка була їм притаманна, відігравали досить значні групи власне скіфського населення, що проникали сюди вже з VII ст. до н. е. Не виключено, що аналогічна ситуація мала місце й в інших, сусідніх з лісостеповим Правобережжям, регіонах. Безперечно, археологічні методи спроможні виявити конкретні деталі та особливості даного процесу.

Проблема формування та розвитку культури скіфів традиційно сприймалася як питання відновлення основних засад скіфської ідеології та культів і вивчення витоків і розвитку скіфського образотворчого мистецтва, зокрема так званого «звіриного стилю». Проте не буде перебільшенням зазначити, що скіфи були творцями першої кочової цивілізації Євразії. Тому необхідним є комплексне вивчення основних рис цієї цивілізації в усіх її проявах — як в матеріальній, так і в духовній сферах. Неабиякий інтерес становить також питання про вплив скіфської культури у широкому розумінні цього слова на культуру інших народів та конкретні прояви цього впливу.

Одним з основних шляхів вирішення питань, що поставлено вище, є всебічна мобілізація джерел, зокрема археологічних. Прикро, що польові дослідження пам'яток скіфської культури, перш за все курганів, набагато випереджають опрацювання та публікацію останніх. За нашими спостереженнями, зараз введено до наукового обігу чи не десяту долю розкопаних скіфських поховань. Здійснення цієї величезної за обсягом роботи і є, з нашої точки зору, дуже важливою справою найближчого часу.

И. Н. Храпунов (Симферополь)

НЕЙЗАЦ — МОГИЛЬНИК ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ

Могильник расположен в долине реки Зуя, приблизительно в 30 км к востоку от Симферополя. В 1927 г. близ колонии Нейзац крестьяне разграбили три склепа, после чего их доследовал Н. Л. Эрнст. От этих раскопок сохранилось несколько вещей, в том числе не раз публиковавшаяся серебряная бляха от конской сбруи, украшенная сарматским знаком. В 1957 г. еще один склеп раскопал А. А. Щепинский, а в 1969 г. два склепа исследовала экспедиция Института археологии АН УССР. В результате последних раскопок появилась статья Т. Н. Высотской и О. А. Махневой, где опубликованы планы склепов и изображения некоторых лепных и краснолаковых сосудов.

В 1996 г. на площади более 300 кв. м раскопано 33 погребальных сооружения, в том числе 7 склепов, 15 подбойных могил, 9 погребений в грунтовых ямах и две могилы уникальных конструкций. Кроме того, обнаружено три ямы, заполненные лепными и краснолаковыми сосудами.

Склепы состоят из входных ям, дромосов и погребальных камер. Один из двух неразграбленных склепов датируется III в. н. э. В его входной яме была похоронена лошадь. Пол дромоса представляет собой порог (уникальный случай), возвышающийся над дном входной ямы и полом погребальной камеры. На полу погребальной камеры обнаружены останки трех погребенных, а также две кучи из сдвинутых человеческих костей. Среди многих вещей, найденных в склепе, особый интерес представляет набор из 23 бронзовых деталей конской сбруи, в том числе семи подвесок в виде скульптурных головок животных.

В склепе IV в. н. э. похоронили шесть человек и лошадь. Погребальный инвентарь состоял из более чем 150 предметов. Среди них четыре амфоры «инкерманского» типа, краснолаковые и лепные сосуды (около десяти — стеклянные), несколько мечей, боевой топор, удила, пряжки, фибулы, украшения, в том числе серебряные плакированные золотом серьги с сердоликами.

Подбойные могилы датируются в основном III в. н. э. Каждая из них состояла из входной ямы и одного или двух подбоев. Во входной яме иногда хоронили лошадь. Погребальный инвентарь типичен

для сарматов — лучковые подвязные и «смычковые» фибулы, зеркала-подвески, серьги, кольца, пряжки, очень много бус, антропоморфная скульптурка, вырезанная из мела и пр.

На территории могильника, на площади 30 кв. м, исследован насыщенный типичными для поселений мелкими обломками керамики культурный слой мощностью до 1,4 м. Многие находки из культурного слоя идентичны тем, что обнаружены в могилах. Вероятно, можно говорить о впервые открытых в Крыму остатках варварского поселения второй половины III – IV в. н. э. В культурном слое, перекрывшем две могилы, обнаружено захоронение младенца.

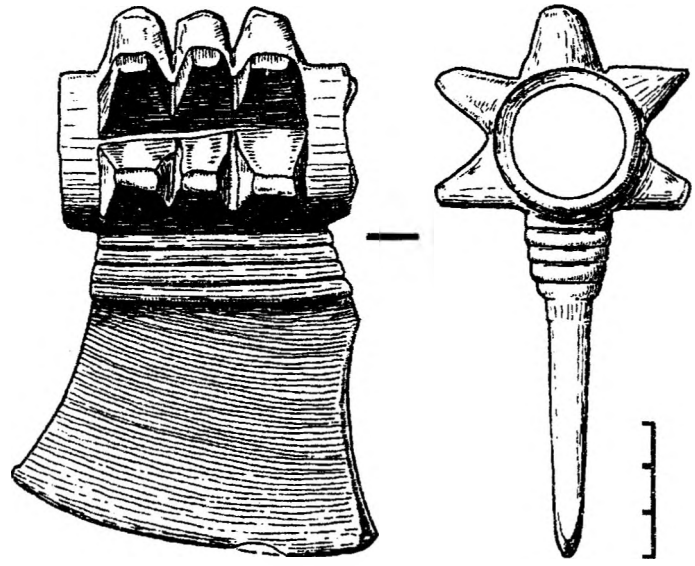
Судя по результатам раскопок могильника, к концу первой или началу второй четверти III в. н. э. относится приток в Крым нового сарматского населения. Во второй половине столетия с Северного Кавказа приходят аланы, хоронившие покойников в склепах необычной для Крыма конструкции и изготовлявшие традиционную для Предкавказья лепную посуду.

Л. Г. Шепко (Донецк)

ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ТОПОРОМ В ДОНБАССЕ

В 1984 г. в Донецкой области была исследована курганная группа у с. Чугуно-Крепинка. В одном из курганов обнаружено сарматское захоронение.

Погребена была женщина, которую сопровождал богатый погребальный инвентарь. Комплекс датируется I – первой половиной II в. н. э. Особый интерес представляет найденный здесь железный топор. Это втульчатый однолезвийный топор, обух которого имеет вид шестопера, то есть состоит из пяти пирамидальных выступов по три в каждом. Основание лезвия утолщено и орнаментировано пятью желобками. В проушном отверстии сохранилась древесина от рукояти. Длина ее, судя по тлену на дне могилы, составляла 25 см. Длина лезвия — 7 см, ширина — 5,8 см. Высота выступов 1,2-1,5 см. Форма обуха необычна. Прямые аналогии данному изделию пока неизвестны. Внешний вид обуха напоминает булаву из Хасанлу (IX в. до н. э.), которая имеет цилиндрическую форму с рядами пирамидальных выступов. В качестве отдаленной аналогии можно привести случайную находку бронзового топора у с. Трухаевская Маза близ Хвалынска. Обух его был украшен двумя параллельными рядами выступов-шишечек.



Как категория погребального инвентаря топоры в сарматских комплексах встречаются редко. Вместе с тем боевые топоры как вид оружия у кочевников Евразии были достаточно распространены. В пределах Подонья, Поволжья и Южного Приуралья известны единичные находки топоров. Наиболее ранними являются находки топора кобанского типа в составе Новочеркасского клада (VIII–VII вв. до н. э.), трех массивных железных топоров в Шолоховском кургане (конец V– начало IV вв. до н. э.). IV–III вв. до н. э. датируются топоры из Мечетсайского могильника. Большая часть находок топоров датируется рубежом I в. до н. э.— I в. н. э.— II в. н. э. и происходит из памятников Прикубанья, Ставрополья, Поволжья, Подонья.

Найденные топоры принадлежат разным типам и являются боевым оружием. Большинство топоров находилось в женских погребениях или комплексах, где один из умерших — женщина. Эти захоронения в основном принадлежали представителям знати и сопровождались богатым и разнообразным материалом, включавшим предметы культа.

В Европе топор как символ божества и предмет культа известен с эпохи неолита, в индоиранской мифологии он был атрибутом бога грозы, связан с происхождением царских родов. Реликтами этих представлений, очевидно, являются находки миниатюрных топориков в погребениях ряда культур, а также имитация настоящих топоров.

Скорее всего, у сарматов топор также был связан с определенным культом и наделялся сверхъестественными силами. Так как в погребении у с. Чугуно-Крепинка была похоронена представительница сарматской знати, топор может указывать на культовые обязанности умершей или выступать как символ власти подобно булаве в Соколовой Могиле.

Б. А. Шрамко (Харьков)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Возникновение крупнейшего в Европе Бельского городища не было исторической случайностью. Оно возникло на рубеже VIII–VII вв. до н. э.— в переломный период перехода от бронзового к железному веку. В это время у местного населения наблюдаются важные преобразования: осваивается добыча и обработка железа, что способствует развитию и других отраслей хозяйства, а также военного дела, расширяются и изменяются культурно-экономические связи, происходит передвижение разных этнических групп и их взаимодействие. Еще в предскифское время на юге Восточной Европы определяются две хозяйственные и культурные зоны: степная, освоенная скотоводами-кочевниками, и лесостепная, занятая оседлыми земледельческими племенами. Периодические набеги степных кочевников носили кратковременный характер и существенно не изменяли сложившуюся ситуацию. Набеги не приводили к завоеванию кочевниками Лесостепи, но способствовали консолидации лесостепных племен и созданию целой системы укрепленных поселений. Одним из них и было Бельское городище, ставшее вскоре важным экономическим, культурным и политическим центром, известным как город Гелон.

Место для постройки этого городища было выбрано очень удачно. Оно расположено в глубине большого массива лесов на водораздельной возвышенности правого берега Ворсклы, на пересечении важных сухопутных и речных путей. Размеры и конфигурация городища во многом определялись стремлением не только наилучшим образом использовать рельеф местности, но и охватить единой линией обороны уже существовавшие здесь неукрепленные поселения. Некоторые авторы ошибочно предполагали, что большие участки внутри городища якобы специально предназначались для пастбищ и даже для поселения кочевников. На самом деле внутри городища обнаружен целый ряд селищ местного населения, и кроме того, большие пространства были покрыты лесом и заняты оврагами. Вначале контур городища обозначали простая канавка и деревянная изгородь. Позже начали сооружаться более мощные рвы и деревянно-земляные оборонительные сооружения. Выявлено несколько строительных периодов.

Многие факты указывают на то, что население Лесостепи, и в частности Левобережья, было неоднородным. В его состав входили и группы ираноязычного населения (например, гелоны и меланхлены). Необходимо учитывать и длительные мирные контакты с киммерийцами, скифами, а также с более ранними иранцами или индоиранцами бронзового века. Поэтому вполне закономерно наличие в культуре местного населения некоторых иранских элементов, но они не могут служить показателями скифского завоевания Лесостепи еще в архаический период. Тем более нет оснований утверждать, что скифы подчинили своей власти и превратили в данников местное население, беспощадно эксплуатировали его, что якобы привело уже в конце V в. до н. э. к истощению местных ресурсов, к упадку экономики лесостепных земледельцев и в конечном счете к гибели всей Скифии. Наоборот, в V–IV вв. до н. э. поселения местных земледельцев в лесостепи достигают своего расцвета. Наблюдается постоянное прогрессивное развитие ремесел, улучшается качество изделий, развивается торговля. Небольшая инфильтрация скифов в IV в. до н. э. в некоторые южные регионы Поднепровья была скорее не результатом завоевания, а мирным оседанием части кочевников на землях лесостепных земледельцев с переходом их под покровительство последних в период, когда появляются признаки ослабления степной Скифии и становится реальной угроза сарматского вторжения.

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Н. Н. Болгов (Белгород)

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ПОЗДНЕГО БОСПОРА

В последние годы все больше сторонников получает идея континуитета истории Боспора на протяжении позднеантичного времени (IV–VI вв.). Внимательное изучение природно-географических условий Боспора, его рельефа и ландшафта с учетом данных археологии позволяет выдвинуть гипотезу о существовании там территориально-хозяйственных микрозон на основе ландшафтных. Эта гипотеза находится в тесной связи с рядом фундаментальных проблем позднебоспорской истории. В частности, проблема «феодализации» Боспора в первые века н. э. еще со времен М. И. Ростовцева была в сфере внимания специалистов. Правда, бесспорных археологических подтверждений этой гипотезы так и не появилось. Тем не менее в науке XX в. «общим местом» стало представление о натурализации хозяйства позднего Боспора. В самое последнее время появляются свидетельства об относительности как натурализации, так и хозяйственного упадка на позднем Боспоре. Однако не подлежит сомнению, что в условиях варварских вторжений, некоторой политической нестабильности (в конце III, в конце IV вв.) роль местных локальных микрозон должна была возрасти.

Опираясь на имеющийся археологический материал, а также на особенности региона можно попытаться дать краткую типологию позднебоспорских территориально-хозяйственных микрозон.

На европейской стороне Боспора выделяется протянувшийся вдоль бухты столичный район Пантикапея Тиритаки — административный и хозяйственный центр государства. Крымское Приазовье постепенно становится базовым памятником позднего Боспора. В этой микрозоне преобладали небольшие городки. Изучен некрополь Сююр-Таш. Обнаружены позднеантичные материалы и в Илурате — микрозоне, выдвинутой в степь и имевшей военно-стратегическое значение. Хороший материал IV–VI вв. есть в Китее, как на городище, так и в некрополе. Традиция упоминает и о существовании в данное время Киммерика, но убедительных археологических свидетельств этому пока нет. Наконец, выдвинутым в устье Дона аванпостом был Танаис — отдельный хозяйственный комплекс в контактной зоне. Видимо, пустеет в позднеантичное время северо-восток Европейского Боспора, районы Нимфея и Акры.

На азиатской стороне Боспора микрозоны хорошо совпадали с отдельными островами: Киммерида — с цепью крепостей, «Остров» — с Фанагорией, Синдика (западная и восточная). На материке можно выделить микрозону Горгиппии, а также юго-восток — холмистую континентальную зону (обе были несколько варваризованы).

Н. В. Галченко, Т. Н. Федосимова (Керчь)

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗВРАТА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Керченский государственный историко-культурный заповедник создан в 1987 г. на базе коллекций Керченского историко-археологического музея и недвижимых памятников г. Керчи.

Особенностью формирования коллекций Керченского Музея Древностей (создан в 1826 г.) являлось то, что наиболее ценные с точки зрения аттрактивности и вида материалов археологические находки вывозились из Керчи. Они, как правило, поступали в коллекции столичных музеев, в частности государственного Эрмитажа.

Процесс активного перемещения движимых памятников был продолжен в 30-е годы экспедициями академических учреждений Москвы и Ленинграда, а также в довоенные и послевоенные годы.

Практика перемещения культурного наследия Боспора прекратилась в 1993 г. с принятием Закона об охране и использовании памятников истории и

культуры Республики Крым, ст. 25 (вопрос о принятии Закона об охране памятников Украины остается открытым).

Практическая деятельность в области охраны памятников Керченского государственного историко-культурного заповедника направлена на сбор научной информации о предметах, найденных на территории Керченского полуострова в ходе археологических экспедиций и вывезенных до 1993 г. Ее анализ позволяет высказать следующие суждения:

1. Перемещение культурных ценностей являлось политикой государства, в то же время невозможно говорить о распылении и фрагментации сведений о памятниках, так как в настоящее время в центральных музеях (Москвы, С.-Петербурга, Киева) культурное наследие Боспора представлено и обработано с научной точки зрения более полно, нежели в Керчи.

2. Убедительность о необходимости возврата должна быть основана на знаниях о движимых памятниках путем разработки и проведения программ по сбору информации о памятниках материальной культуры по месту происхождения и хранящихся ныне в государственных и частных коллекциях различных стран; составления описей, а также оценки качества, количества и надежности имеющихся о них сведений.

3. Необходимость возврата нужно рассматривать с двух позиций: нецелесообразности расформирования коллекций, где предметы из Керчи положили начало формированию тематической коллекции, являются ее неотъемлемой частью (например, государственный Эрмитаж); обработаны и отреставрированы на международном уровне, экспонировались как «визитная карточка» данного музея — с одной стороны. В случае когда возврат нецелесообразен, необходима постановка вопроса об обмене научной информацией для полноты знаний о предмете и комплексе находок. С другой стороны, предусмотреть необходимость возврата в случае если речь идет о предметах, случайно поступивших в фонды, и где комплектование в дальнейшем не могло происходить законным путем.

4. В вопросе о реституции культурных ценностей в последние годы на одно из ведущих мест выходит вопрос о происхождении предметов, приобретаемых музеем. Учитывая масштабность грабительских раскопок, неизбежно то, что они являются источником пополнения фондовых коллекций путем официальной закупки. Именно для этих случаев необходимо законодательно рассмотреть вопрос о неэтичности приобретения музеем предметов сомнительного происхождения и законодательного запрета на приобретение «случайных находок», отработка жесткого контроля над формированием коллекций частных и негосударственных музеев.

Таким образом, вопрос реституции — в части возврата коллекций по месту происхождения требует научного обеспечения и его нельзя решать, исходя из политических или идеологических соображений.

С. В. Дьячков (Харьков)

ФЛАВИИ В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Предоставление жителям провинций и зависимых стран прав и привилегий римского гражданства было четко регламентированным, отлаженным и испытанным приемом имперской политики Рима. Поэтому появление римских граждан среди местных жителей государств северного Понта в период правления династии Флавиев (69–96 гг.) свидетельствует об активизации римской политики в этом районе античного мира. Скудость источников по проблемам отношений Римской империи и северопонтийских государств в конце I — первой половине II вв. заставляет более внимательно отнестись к эпиграфическим и нумизматическим данным о носителях императорского родового имени Флавий.

В Ольвии первые римские граждане появляются в годы правления Веспасиана. В 75/76 гг. здесь осуществлен выпуск царских статеров и городской меди от имени Тита Флавия Со..., сына Па... На тетрассариях 85/86 гг. выбито имя архонта-эпонима Флавия — Гипания, исполнявшего эту должность четыре раза. Появление римских граждан среди ольвиополитов по времени совпало с выходом Ольвии из-под опеки со стороны варварских царей Фарзоя и Иненсимея. Очевидно, «проримская партия» среди городской верхушки складывается во времена Флавиев, хотя особое значение и влияние в Ольвии римские граждане приобрели позднее, во II–III вв.

На Боспоре римское имя Флавий не стало популярным. Это объясняется стабильностью союзнических отношений римских императоров с царями династии Тиберия Юлиев — римских граждан и первосвященников императорского культа. Известен лишь Флавий Ахемен, сын Ахемена, умерший (или погибший?) в Ольвии. В ольвийских надписях начала II в. н. э. упоминается также Марк Ульпий Парфенокл и другие боспорцы, закончившие свою жизнь в Ольвии. Памятники им поставлены влиятельными гражданами города. Опираясь на эти и другие косвенные данные, М. И. Ростовцев предположил существование в первой половине II в. боспорского протектората над Ольвией под контролем Рима. Эта гипотеза, на наш взгляд, заслуживает дальнейшей разработки.

Самой многочисленной и влиятельной была группировка Флавиев среди жителей Херсонеса. Совре-

менное состояние источников позволяет утверждать, что гентильное имя Флавий носили несколько семей местных жителей, члены которых использовали традиционные, обычные для Херсонеса имена: Агеполис, Апполоний, Аристон, Аттина, Аттиан, Евридам, Парфенокл, Пифодор, Пифодот, Зет, а также выходцы из римских провинций, носившие cognomina Эмилиан, Насон. В 20–70 гг. II века Флавии слились во влиятельнейшую группировку в политической и общественной жизни Херсонеса.

Нам ничего не известно о политической деятельности херсонесских Флавиев в 70–90 гг. I в. Возможно, это объясняется стабильной политической ситуацией в Херсонесе, гарантом которой выступал римский гарнизон. В период внешнеполитической экспансии императора Траяна в Дакии, Армении, Месопотамии римский гарнизон (или значительная часть его) был выведен из города. Херсонес оказался в политической зависимости от союзных Риму боспорских царей. В 20–40-е гг. II в. наблюдается всплеск политической активности Флавиев, контролировавших ключевые посты в городском совете. Их деятельность, вероятно, способствовала предоставлению Херсонесу элевтерии, а затем и новому вводу римских войск в цитадель города.

Очевидно, что во времена правления династии Флавиев произошли качественные изменения в имперской политике в Северном Причерноморье, направленные на укрепление здесь римского влияния.

И. Е. Ермолова (Москва)

РАСПАД «ДЕРЖАВЫ» АТТИЛЫ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Разгром гуннов и подвластных им народов на Каталаунских полях в Галлии в 451 г. и смерть Аттилы в 453 г. оказали сильное влияние на ситуацию в Северном Причерноморье. Мощный союз племен, существовавший под главенством Аттилы, стремительно распался.

Одной из причин такого развития событий были междоусобные распри сыновей великого завоевателя. Но гораздо более важным фактором стало восстание покоренных Аттилой народов. После грандиозной битвы в Паннонии близ реки Недао разбитые гепидами и поддержавшими их племенами кочевники, составлявшие ядро «державы» Аттилы, были вынуждены отступить.

Немногие гунны рассыпались по Подунавью, но большая их часть отошла к берегам Понта, в Скифию, вызвав серьезные перемещения племен в Северном Причерноморье.

Отчасти гунны, вероятно, рассеялись по степи и бродили «в местах необработанных и лишенных каких-либо земледельцев». Данные археологии свидетельствуют, что некоторые гуннские племена или роды обосновались на юге Днестровско-Прутского междуречья. Остальные же продвинулись дальше на восток, где, скорее всего, натолкнулись на родственных им акациров. Эти племена во времена Аттилы, вероятно, были самыми сильными в Причерноморье. Косвенным подтверждением их значительной роли являлись попытки византийской дипломатии с помощью подкупа побудить их вождей отложиться от Аттилы. И Иордан знает их как «gens Acatzirorum fortissima». Места обитания акациров готский историк называет не очень определенно: к югу от эстов. Интерпретации данного известия различны. Наиболее правдоподобно толкование, что это степи в междуречье Днепра и Дона. Акациры действительно могли граничить с айстами, древними балтами, так как последние, по археологическим сведениям, далеко заходили в лесостепь.

Акациры, видимо, были оттеснены вернувшимися из Подунавья гуннами в Восточное Приазовье и заняли степи от низовьев Дона до Кубани. Основания для такого предположения дает Равеннский аноним, считающий эти племена предками хазар и локализующий их в районе реки Кубани.

Таким образом, в истории кочевых народов, прошедших по причерноморским степям в IV–VII вв., единственный раз после распада союза племен Аттилы наблюдается обратное движение с запада на восток. И до, и после пятидесятых годов V в. волны кочевников прокатывались по Северному Причерноморью только с востока на запад.

Данный эпизод из истории эпохи Великого переселения народов интересен и в другом аспекте. Развал огромного гуннского союза племен отразился появлением в греко-латинской литературе новых этнонимов. Это свидетельствует лишь о временном их объединении под властью Аттилы, не повлиявшем на самосознание каждой отдельной группы и не приведшем к их слиянию в единую общность с потерей самоназваний. Полиобрядность погребений «гуннской эпохи» также подтверждает разноплеменный состав гуннских орд, так и не сложившихся в единое этнолингвистическое целое.

В частности, помимо акациров, из сочинения византийца Агафия становятся известными ультизуры и буругунды, недолго жившие в Северном Причерноморье, но достигшие могущества. Ультизуры Агафия, возможно, сопоставимы с упомянутыми Иорданом ултцинзурами.

В. Г. Зубарев (Тула)

К ИСТОРИИ СЕЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

1. Устройство сельской территории Боспорского царства представляет одно из наиболее интересных направлений в современных историко-археологических исследованиях. Начиная со второй половины I в. до н. э. и в первые века нашей эры сельскую территорию, так же как и все Боспорское царство, затронули существенные изменения, охватившие все стороны жизни. Единственным письменным источником, в котором, как нам кажется, нашла отражение картина Европейского Боспора первых веков, является «Географическое руководство» Клавдия Птолемея, сопоставление данных которого с известными археологическими материалами представляется весьма перспективным.

2. Сопоставление упомянутых Птолемеем населенных пунктов внутренней части Херсонеса Таврического с известными археологическими памятниками позволяет сделать вывод о том, что подавляющее их большинство относится к одному типу, определяемому А. А. Масленниковым как «поселения со сплошной регулярной застройкой» и представленному двумя основными разновидностями: поселения с концентрированной застройкой (Тарона — Багерово (северное); Пароста — городище Артезиан; возможно, Постигия — Чокракский мыс) и поселения с линейной застройкой (Тафр — Белинское; Бион — Тасуново; Илурат — Ивановка; Сатарха — Тамарино; Табана — Костырино).

3. Все перечисленные населенные пункты заключены между двумя валами — Узунларским и Тиритакским, а с севера и юга ограничены морским побережьем соответственно Азовского и Черного морей. В совокупности с системой боспорских валов они создают цепь взаимосвязанных, долговременных укреплений, обеспечивавших защиту сельскохозяйственной территории, по крайней мере, на трех рубежах обороны. Таким образом, и с севера, и с юга основные дороги к Пантикапею и прочим городам пролива оказывались многократно перекрытыми, что позволяло, помимо прочего, избежать и внезапности нападения.

4. Поселения сельскохозяйственной территории Европейского Боспора были по своему функциональному назначению не только элементами единой обороны государства, но и важными производителями сельхозпродукции, и в первую очередь зерновых культур. В первые века преобладающим для Боспора становится хозяйство сельских жителей, зависимых от боспорского царя. Боспорские цари были крупнейшими землевладельцами, и только государству было под силу освоение такой большой сельскохозяйственной территории. Скорее всего, обработка земли осуществлялась по принципу отношений, близких к колонатным, причем соотношение греческого и варварского населения в конкретных поселениях было различным. В некоторых населенных пунктах, возможно в тех, что перечислены Птолемеем, размещались постоянные боспорские гарнизоны и находились царские чиновники, контролировавшие правильность распределения земли и обеспечивавшие регулярные поставки в царскую казну.

5. Единовременность фортификационных и строительных работ, близость основных типов поселений, необходимость для осуществления такой крупномасштабной программы больших человеческих, сырьевых и финансовых ресурсов свидетельствуют о непосредственном руководстве этой программой со стороны государства и о реализации ее, в первую очередь, на государственных землях. Успешное осуществление программы, нашедшее отражение в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, свидетельствует об экономическом и политическом подъеме, который переживало Боспорское царство в первые века н. э.

В. М. Зубарь (Киев), О. Я. Савеля (Севастополь), Т. Сарновский (Варшава)

ХРАМ ЮПИТЕРА ДОЛИХЕНА В ОКРЕСТНОСТЯХ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Летом 1996 г. на территории Балаклавы экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» под руководством О. Я. Савели были открыты остатки культового здания, построенного солдатами расквартированного там римского гарнизона. Балаклавский комплекс представляет собой достаточно сложный археологический объект. Его раскопки еще не закончены, но анализ уже обнаруженного материала, и в первую очередь эпиграфического, позволяет сконцентрировать внимание на деталях и сделать дальнейшие полевые исследования более целенаправленными. Это, пожалуй, один из немногих случаев, когда с конкретным культом можно связать не только надписи, но и конкретный археологический памятник.

Открытая постройка представляла собой прямоугольное в плане помещение длиной 16,5 м, ориентированное по линии северо-запад — юго-восток. С юго-востока в него вел вход, неподалеку от которо-

го обнаружена плита с надписью о постройке храма Юпитера Долихена, а в северо-западном его конце in situ зафиксированы постамент статуи с посвящением Геркулесу, алтарь, связанный с почитанием Вулкана, и нижние части двух известняковых колонн, в верхних несохранившихся частях которых также могли быть посвящения. В юго-западном углу здания, также in situ, находились два известняковых жертвенных стола. Здесь же обнаружены фрагменты двух таких же столов с посвящениями Юпитеру Долихену и изображениями масок, обломки статуи, скульптурных изображений, рельефов, очевидно, разбитые во время гибели храма, фрагменты черепицы с латинскими клеймами, керамика и др. На основании содержания эпиграфических памятников сооружение культового комплекса может быть отнесено к середине, а его функционирование — к третьей четверти — второй половине II в. н. э.

Эпиграфические и другие материалы свидетельствуют о том, что храм был построен и реконструирован вексилляцией Мезийской армии. Непосредственно работами руководил командир вексилляции Новий Ульпиан, центурион I Италийского легиона, который в оперативном отношении был подчинен военному трибуну Антонию Валенту, также упомянутому в надписях в качестве высшего римского должностного лица и, видимо, патрона строительства. Солдаты под руководством центуриона провели не только реконструкцию культовой постройки, но и украсили храм статуей Геркулеса и жертвенными столами с посвящениями Юпитеру Долихену. Все это позволяет рассматривать открытый храм в качестве основной святыни дислоцировавшегося здесь римского гарнизона. Причем сейчас можно утверждать, что на территории нынешней Балаклавы дислоцировался достаточно многочисленный римский гарнизон, с которым следует связывать остатки построек II–III вв. на площади в несколько гектаров.

Юпитер Долихен, которому посвящен храм, был местным божеством области Долихии в Северной Сирии, но там его почитание не получило значительного распространения. Свое признание этот культ завоевал во II в. н. э. на территории Римской империи, где он отождествлялся с главным божеством римского пантеона — Юпитером Лучшим Величайшим. Наивысшей популярности культ Юпитера Долихена достиг при Элагабале и Александре Севере, а затем, при Максимине Фракийце, святилища этого божества на Рейне и Дунае были разрушены.

Культ Юпитера Долихена, в том числе и в Подунавье, был тесно связан с римскими легионерами, служившими на Востоке, и уроженцами или выходцами из восточных провинций империи, среди которых были не только военные, но и гражданские лица. В армии он почитался как покровитель и защитник военнослужащих, бог сражений, бог-триумфатор. Культ Юпитера Долихена в армейской среде, куда он проник уже в середине II в., был, в первую очередь, распространен в высшем командном звене, среди центурионов и декурионов вспомогательных войск. Не был исключением из этого правила и храм на территории Балаклавы, который является не только первым в Северном Причерноморье, но и одним из наиболее ранних памятников на территории Римской империи, связанных с почитанием этого божества в среде римских военнослужащих.

В. И. Кадеев (Харьков)

ПРОФЕССОР ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Е. Г. КАГАРОВ

1. До Харьковского университета воспитанник классического отделения историко-филологического факультета Новороссийского университета Евгений Георгиевич Кагаров, оставленный для подготовки к профессорскому званию, побывал в заграничной командировке (Германия, Италия, Греция), где слушал лекции, консультировался с видными учеными, работал в библиотеках и знакомился с результатами раскопок в Риме, Фессалии, Спарте, Кноссе (о. Крит). По возвращении в Одессу несколько месяцев был приват-доцентом Новороссийского университета, но в 1912 г. переехал в Харьков.

2. В Харьковском университете Е. Г. Кагаров встретил радушный прием и поддержку, особенно со стороны В. П. Бузескула и Я. А. Денисова, что позволило ему уже в 1913 г. опубликовать и защитить магистерскую диссертацию «Культ фетишей, растений и животных в древней Греции», получившую широкое признание. Вообще же круг его научных интересов был очень разнообразен. Владея многими европейскими и древними языками, он занимался древней историей, источниковедением, мифологией, религией и культурой Греции. Наряду с литературными и археологическими источниками в своих исследованиях использовал этнографические данные. Е. Г. Кагаров постоянно следил за научной литературой, выходившей в России и за рубежом. Об этом свидетельствуют его обзоры и десятки рецензий на труды историков, археологов и филологов-классиков, опубликованных им в журнале «Гермес» и в других изданиях. Несмотря на небольшой объем, в этих рецензиях всегда присутствует критический подход, обусловленный прекрасным знанием литературы. Из источниковедческих работ этого времени можно отметить «Спорные вопросы, связанные с псевдоксенофонтовой «Афинской политией». Занимался Е. Г. Кагаров и исследованием истории античной науки.

3. После 1917 г., несмотря на возникшие трудности, Е. Г. Кагаров продолжал научные исследования и в 1918 г. защитил и издал докторскую диссертацию «Греческие таблички с заклятиями». Из-за отсутствия шрифтов автору пришлось от руки воспроизводить многочисленные греческие тексты. Став профессором Харьковского университета, а потом Института народного образования, Е. Г. Кагаров не только продолжил научные исследования, но и очень много сделал для популяризации истории древнего мира. Ему принадлежат научно-популярные работы по истории античного производства, науки, культуры, а также первая в советской историографии работа, посвященная восстанию Спартака. Е. Г. Кагаров перевел с немецкого несколько трудов по истории первобытного общества. Как и ранее, он много внимания уделял рецензированию научных трудов по истории древнего мира, выходивших в СССР и за рубежом. В 1921–1922 гг. Е. Г. Кагаров был секретарем секции античной культуры, входившей в состав научно-исследовательской кафедры европейской культуры, а после отказа В. П. Бузескула возглавлять эту секцию с 1923 г. по 1925 г. был ее заведующим. Одновременно Е. Г. Кагаров в эти годы был секретарем Научного общества при ХИНО, где неоднократно выступал с научными докладами, а также научным руководителем аспирантов, специализировавшихся по истории древнего мира.

4. Летом 1925 г. Е. Г. Кагаров и еще несколько научных сотрудников кафедры европейской культуры были выведены из штата кафедры и переведены на внештатные должности лекторов, что лишало их постоянной зарплаты, а следовательно, возможности продолжать научную работу. В этом же году он получил приглашение возглавить кафедру этнографии Ленинградского университета и, поскольку его заявление с просьбой восстановить в штатной должности осталось без ответа, переехал в Ленинград, где работал до 1942 г.

А. В. Коптев (Вологда)

НАЧАЛЬНИК КОННИЦЫ — ЗАМЕСТИТЕЛЬ И НАСЛЕДНИК ЦАРЯ В АРХАИЧЕСКОМ РИМЕ

По определению Феста, всадники раньше назывались целерами. Помпоний и Иоанн Лид отождествляли трибуна целеров с начальником конницы. В центуриатной системе Сервия Туллия всадники входили в состав первого класса. Первоначально его составляла молодежь в возрасте 17–24 лет. По-видимому, целеры были элитой раннеримского войска, состоявшего исключительно из молодежи, действовавшей как мужской возрастной союз. Элитность целеров, вероятно, была обусловлена их родственной связью с сенаторами. На это указывает число тех и других — 100, а затем — 300. Кроме того, в эпоху архаики целеры, вероятно, были представителями одновозрастного царю класса. Совместное прохождение инициаций привязывало их друг к другу на всю жизнь.

Принадлежность царя и целеров к одному поколению играла особую роль в догородскую эпоху. В качестве главы целеров, по-видимому, царь был сакральной фигурой, правившей в течение установленного срока, пока его сверстники находились в статусе целеров. Прохождение инициаций очередным возрастным классом было связано с испытанием и для обладателя титула рекса. Наименование celerus («скорый») указывает на характер проводившегося испытания. В догородскую эпоху сакральный ритуал соревнований в беге был практической акцией, которая впоследствии нашла воплощение в празднике Луперкалии. Видимо, победитель в этих испытаниях становился новым царем, а уделом прежнего, если он не отстоял свой титул, было стать жертвой.

Согласно одним данным традиции, корпус целеров был распущен Нумой Помпилием, по другим — Нума включил трибуна целеров в число восьми важнейших жреческих учреждений. Последнее кажется более вероятным, поскольку эта должность продолжала оставаться важной до конца царской эпохи. Обращает на себя внимание, что Нума был единственным из римских царей, правившим до конца своей жизни и умершим естественной смертью. Вероятно, при Нуме имело место какое-то реформирование положения целеров. Сущность этой реформы, предположительно, можно усмотреть в изменении содержания испытаний, в результате чего понятия гех и celer расходятся. Царь должен был сохранять свои полномочия независимо от исхода испытаний, приобретавших ритуальный характер. А глава целеров становился его помощником в должности начальника конницы.

Согласно Дионисию, Тарквиний Приск был начальником конницы у Анка Марция, Сервий Туллий — у Тарквиния Приска, а Брут — у Тарквиния Суперба. В этрусской версии Сервий Туллий носил имя Мастарна, понимаемое многими как magister equitum. Налицо тенденция, в соответствии с которой magister equitum имел право на титул рекса после своего предшественника. Истоки этого права корнями явно уходят в ту эпоху, когда предводитель целеров своими руками убивал предшествующего рекса и занимал его место по праву победителя в состязании.

Римская традиция обвиняла Тарквиния Суперба в смерти Сервия Туллия, причем Сервий погиб во время бега, как бы состязаясь со сподвижниками Тарквиния в скорости. Sceleratus vicus, где произошло убийство Сервия, первоначально назывался Celeratus и вел свое происхождение от целеров, будучи частью древнего маршрута их ритуального бега. Так что обстоятельства приобретения Тарквини-

нием Супербом царского титула позволяют предполагать, что он был трибуном целеров при Сервии Туллии, как тот при Тарквинии Приске, а последний при Анке Марции. Поэтому Брут, в свою очередь будучи трибуном целеров, имел право претендовать на царский титул после Тарквиния.

Т. Н. Крупа (Харьков)

АНТИЧНАЯ ОБУВЬ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Изучение херсонесского костюма было бы не полным без рассмотрения такой важной его составной части, как обувь. Однако исследование этого вопроса осложняется тем, что остатки обуви в Херсонесе встречаются эпизодически, такие находки почти всегда фрагментированы, что резко ограничивает возможности реконструкции. В связи с этим при анализе археологического материала особое значение приобретает самое широкое привлечение иконографических данных: скульптуры, терракоты, вазописи, глиптики и др.

Античная обувь херсонеситов была открытого и закрытого типов. К открытому типу можно отнести сандалии, которые являются характерным признаком не только греческого костюма, но и костюмов других народов Средиземноморья. Судя по иконографическим данным, сандалии представляли собой простую подошву с ремешками для крепления ее к ноге. Сандалии могли иметь толстую или тонкую подошву, сделанную из кожи или дерева. Среди материалов раскопок некрополя Херсонеса встречаются фрагменты сандалий из кожи (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, Р. Х. Лепера, Л. Г. Колесниковой, В. Н. Даниленко и др.). Судя по этим находкам, сандалии делались из плотной кожи, толщиной от 0,3 до 0,5 см, и существовало как минимум два способа крепления к подошве подвязок. Первый заключался в том, что край кожаной подошвы просто подворачивался на высоту около 1 см, а затем через 0,8-1 см в этом подвороте делались сквозные отверстия диаметром до 0,3 см. Второй способ был более трудоемким, но изделие получалось более элегантным: для изготовления обуви бралась более толстая кожа (до 1 см), на расстоянии 0,7 см от края детали со стороны центра сандалии делали подрез кожи глубиной 0,7 см, шириной 0,5 см и уже в этом подрезе делали сквозные отверстия для тонкого шнура. В первые века н. э., с приходом в Херсонес римлян, появляются сандалии, подбитые для прочности гвоздями. Заметим, что Феофраст считал человека, носящего подбитые гвоздями сандалии, невежественным. Но в нашем случае мы имеем дело с солдатской обувью, а она должна быть не столько модной, сколько практичной.

Сведений о закрытой обуви еще меньше, так как она изготовлялась из кожи или меха. Закрытая обувь имела форму башмаков до щиколоток (у женщин) или сапог (у мужчин). Этот тип обуви иконографическими материалами представлен несколько схематично, а археологический материал слишком скуп: нам известен один случай находки мягкой обуви в Херсонесе (1905 г., мог. 1891), не считая остатков закрытой мягкой обуви, обнаруженных в Киленбалке, то есть за городом. Но именно в этом случае мы можем восстановить внешний вид обуви. Это был башмак из кожи, имеющий шов по центру передней части и отверстия для шнура, который закреплял обувь вокруг щиколотки. Башмак был изготовлен из цельного куска кожи с двумя швами: на носке и на пятке. Иногда, при раскопках некрополя позднеантичного времени, в области берцовых костей захороненных встречаются пряжки. Полагаем, что они могли использоваться для закрепления голенищ кожаных сапог. Подобный способ фиксирования обуви встречается в позднеантичном Пантикапее. Считаем, что к разряду обувных пряжек можно отнести, условно, пряжки с маленьким диаметром (1-1,5 см). Иногда мягкая закрытая обувь могла иметь деревянную подошву.

Нам фактически ничего не известно о декоре херсонесской обуви. В некоторых случаях сандалии имели тисненый орнамент или ажурную вырезку (обувь римского времени). Иконография указывает на наличие мехового декора.

В. А. Латышева (Харьков)

К ВОПРОСУ О БЛАГОУСТРОЙСТВЕ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ХЕРСОНЕССКОЙ ХОРЫ (по материалам пос. Маслины)

1. При организации жизненного пространства на территории херсонесской хоры учитывались как общегреческие традиции, характерные для всего Средиземноморья (непосредственная связь поселения с морем, принципы греческого домостроительства, выделение производственных комплексов за пределы жилой зоны), так и особенности конкретной исторической обстановки в Крыму: степень удаленности от Херсонеса, опасное соседство степных кочевников влияли на характер застройки, тип сельского поселения. Так, Маслины, будучи самым крайним поселением на северной окраине херсонесской

хоры, отличались неординарной монументальностью. Ядром поселения было четырехбашенное укрепление, где каждая башня — это жилой, хозяйственный и оборонительный комплекс одновременно.

2. Учитывая, что благоустройство жизни определяется не в последнюю очередь качеством жилого строительства, особое внимание следует обратить на комплекс южной башни, позволяющий проследить, какие строительные материалы использовались при его возведении, какова техника их обработки, общий уровень строительства. Большой интерес представляет и характер внутренней отделки помещений, решение проблемы их отопления, освещения (естественного и искусственного) и пр. Все эти наблюдения, помимо представления о степени благоустройства жизни на хоре, позволяют выявить критерии для идентификации строительных остатков, их функционального назначения.

3. Для решения проблемы водоснабжения, системы дренажа на хоре важна характеристика открытых на Маслинах древних колодцев, водостоков, их топографии, устройства, конкретного использования. Особого внимания заслуживает открытие бани (помещения с ванной), входившей в строительный комплекс южной башни.

4. Показателем определенного благоустройства в организации жизненного пространства на Маслинах является и то, что производство лепной керамики здесь было вынесено за пределы башенного укрепления. Его остатки локализуются в восточной части поселения, где основным типом жилья были землянки и полуземлянки, отражавшие совсем иной уровень достатка своих обитателей. Массовый керамический материал, обнаруженный здесь, не выходит за рамки типично греческих форм, но в сравнении с башенными комплексами здесь выше процент простой хозяйственной посуды, меньше чернолаковой, совсем нет украшений, терракот, монет.

5. Материалы поселения Маслины позволяют заключить, что и в небольших сельских поселениях степень жизненного благоустройства была различной: есть представительное жилье типа башни, с высоким уровнем строительства, качественной внутренней отделкой, набором дорогих привозных вещей, хорошо налаженной системой водоснабжения, специально оборудованной ванной и т. д.; и есть землянки и полуземлянки с минимумом элементарных удобств и рядовым бытовым инвентарем. Жилье первого типа принадлежало представителям достаточно высокого социального ранга, второго — рядовому или зависимому населению, причем социальные различия в уровне материального достатка и, в равной мере, благоустройства представляются весьма существенными.

6. Общий жизненный стандарт на хоре был ниже и проще, чем в городских центрах (нет андронов, мозаики, действуют принципы безотходной экономики и пр.), но и здесь, на далекой северной окраине, судя по материалам Маслин, сохраняли приверженность к традиционным чертам античного быта и его благоустройства (принципы домостроительства, мощеные дворы, система освещения, водоснабжения, бани, терракота). Вместе с тем жизнь на территории херсонесской хоры имела и свои особенности: 1) наиболее благоустроенное жилье представляло собой башню, так как именно такой тип постройки мог служить некоторой гарантией безопасности в степном Крыму; 2) удельный вес хозяйственных помещений и дворов здесь выше, чем в городе, что, очевидно, отражает более напряженный трудовой ритм сельской жизни.

А. В. Магда (Харьков)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАПАДНОГО НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Западный некрополь Херсонеса Таврического относится к числу грунтовых могильников. Он расположен на третьей террасе восточного склона Песочной балки в 50 м к западу от башни V оборонительных стен Херсонеса.

Исследование Западного некрополя было начато в 90-е годы XIX в. Однако все проводимые исследования ставили целью изучение оборонительных сооружений Херсонеса Таврического. Работы здесь велись в основном вдоль и между оборонительными стенами. Западный некрополь все это время изучался лишь попутно, что не позволяло составить целостной картины о времени функционирования могильника, основных типах захоронений, составе погребального инвентаря и т. д.

Начиная с 1891 г. были открыты грунтовые могилы и склепы римского и раннесредневекового времени. Описание их содержится в отчетах и публикациях о раскопках в западной прибрежной части Херсонеса. С конца XIX в. и до 60-х гг. XX века изучение некрополя и западных оборонительных стен проводили А. Л. Бертье-Делагард, К. К. Косцюшко-Валюжинич, Р. Х. Лепер, К. Э. Гриневич, Г. Д. Белов, И. А. Антонова.

Планомерные раскопки Западного некрополя широкими площадями с последующей детальной фиксацией и систематизацией материала были начаты в 1975 г. под руководством В. М. Зубаря. За этот период вскрыто и исследовано около 100 могил, датируемых в широком диапазоне — от эллинистического до раннесредневекового времени. Исследователем дана характеристика основных конструкций погребальных сооружений, обряда захоронения и состава погребального инвентаря, сделана попытка

анализа этнического состава населения Херсонеса и религиозных воззрений в античную эпоху.

В 1995–1996 гг. в связи с систематическим ограблением Западного некрополя были продолжены раскопки могильника. Вскрыто свыше 20 погребений, относящихся к римскому времени.

По составу инвентаря некоторых могил можно судить об имущественной дифференциации населения Херсонеса (наличие изделий из драгоценных металлов, сложная конструкция погребального сооружения и др.).

За последние два года были получены новые данные относительно конструкции могил (захоронение с двумя подбоями (мог. 99) и могила с обкладкой из бутового камня (мог. 112)). Погребальный комплекс, включавший могилы 106 и 107, имел оригинальный надгробный памятник. К востоку от захоронений, на естественном скальном возвышении, открыты два небольших прямоугольных углубления, вырубленных в скале. В одном из них зафиксирован обломок обработанного известнякового камня (фрагмент шипа стелы?). Подобная система установки стел на территории Западного некрополя встречается впервые.

Участок Западного некрополя, исследованный в 1995 и 1996 гг., представляет определенный научный интерес. Большинство открытых на этой территории могил разрушено и ограблено еще в древности. Возможно, это связано с какими-то работами, которые проводились здесь по окончании функционирования могильника. В пользу этого свидетельствуют хорошо прослеживаемые следы подтеса камня по всей длине скальных террас и практически полное отсутствие надгробных сооружений.

А. П. Мартемьянов (Харьков)

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ ФРАКИЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ В ПЕРВЫЕ ВЕКА н. э.

Экономика Римской империи развивалась на основе различных по своему характеру социальных отношений, причем роль соответствовавших им хозяйственных форм в жизни общества не была одинаковой для всей территории государства и не оставалась неизменной с течением времени. Поэтому получить общее представление о социально-экономической истории Древнего Рима в первые века н. э. можно лишь на основании учета специфики общественных отношений в различных сферах производства составлявших Империю областей. Несомненный интерес в этом плане представляет социальный аспект аграрного развития Фракии и Нижней Мёзии — восточнобалканских провинций Рима, образованных в I в. н. э. в результате покорения им фракийских племен.

Свидетельства источников позволяют говорить о существовании на территории сельской округи городов Нижней Мёзии и Фракии двух основных типов хозяйственной организации, различавшихся по характеру рабочей силы и месту в системе товарно-денежных отношений. К первому типу следует отнести хозяйства крестьян-общинников и арендаторов, ко второму — сельские рабовладельческие виллы.

Основную часть населения фракийских земель в первые века н. э., вероятно, составляли, как и в предшествующий период, крестьяне-общинники. Общинные земли рассматривались как собственность римского народа, поэтому за владение и пользование ими сельские жители платили поземельный налог, несли ряд других повинностей в пользу государства. Крестьяне-общинники были юридически свободны, однако не обладали той полнотой прав, что граждане городов, причем на протяжении II-III в. н. э. в восточнобалканских провинциях наблюдается устойчивая тенденция к усилению зависимости сельских общин от городских властей.

Давние и глубокие традиции во фракийских землях отношений аренды позволяют предположить широкое распространение здесь этой формы землепользования и в первые века н. э. Возможность объединения хозяйств крестьян-общинников и арендаторов в один экономический тип обусловлена тем, что главное различие этих категорий населения определялось не степенью совершенства организации и доходностью их хозяйств, а разницей в юридических правах на землю: первые обрабатывали наделы, находившиеся в коллективном владении сельской общины, вторые — угодья, принадлежащие земельным собственникам, на территории имений которых они проживали.

Сохранение на протяжении всего периода римского господства сельской общины практически исключало возможность широкого применения рабского труда во фракийских селах. Однако урбанизация восточнобалканских земель при Антонинах привела к развитию на этой территории муниципальной формы землевладения, в результате чего здесь появляется множество имений, устроенных по примеру италийских сельских вилл. По своему экономическому типу сельские виллы Фракии и Нижней Мёзии II — первой половины III вв. н. э. относились, как правило, к многоотраслевым, частично ориентированным на рынок хозяйствам преимущественно средней величины, активно использовавшим в сочетании с привлечением наемных работников и арендаторов труд рабов. Не случайно основная масса эпиграфических свидетельств о развитии в пер-

вые века н. э. во фракийских землях рабовладельческих отношений происходит именно из городов и их окрестностей. Определяющая роль в экономике сельских вилл Нижней Мёзии и Фракии рабовладельческого уклада представляется несомненной: именно рабский труд в Римской империи повсеместно составлял основу муниципального землевладения, и нет никаких оснований полагать, что восточнобалканские провинции являлись в этом отношении исключением.

А. А. Масленников (Москва)

ЦАРСКАЯ ХОРА БОСПОРА

Как известно, со второй четверти IV в. до н. э. Боспор Киммерийский по ряду признаков напоминал несколько более поздние эллинистические монархии. Считается, что пахотные земли и прочие угодья делились здесь на храмовые, полисные, принадлежавшие зависимым варварским племенам и являвшиеся собственностью боспорских архонтов и царей.

Отчасти это подтверждается письменными источниками, а с относительно недавнего времени и данными археологии. Так, известен Таманский Толос — центр крупного храмового хозяйства. Выявлено и частично раскопано несколько десятков пригородных усадеб классического и эллинистического времени. В Восточном Крыму открыто и в различной мере изучено более двух сотен варварских селищ и ряд соседних с ними могильников. Правда, остается не ясной организация хоры городских центров, не являвшихся полисами. Не известна и специфика условно варварских поселений азиатской части Боспора. Весьма неопределенны наши представления об эволюции всех этих форм земельной собственности и соответствовавших им демографических структур (типов поселений). Мы ограничимся только вопросами, связанными с территорией царской хоры, поскольку успехи новейших археологических изысканий на Керченском полуострове позволяют максимально продвинуться именно в этом направлении.

В силу ряда причин освоение пространств хоры шло в греческом мире, и в частности на Боспоре, не везде одинаково. В одних случаях мы видим разнообразные, но в чем-то схожие усадьбы граждан на земельных наделах, в других — их отсутствие и появление сельских поселений иного облика или так называемых аграрных городков. Наряду с ними на Боспоре со второй четверти IV в. до н. э. должны были существовать объекты, отличавшиеся своим местоположением и археолого-архитектурной спецификой. Их следовало бы искать вне предполагаемых границ полисных владений и земель местных варваров. Они могли быть разнообразными по своему планировочному решению, хотя внутри возможных подтипов поселений наверняка прослеживалась известная «стандартизация». Некоторые из них должны были выделяться монументальностью построек, богатством и обилием находок. Мы вправе предположить существование среди них и коллективных усадеб-поселений военных колонистов, и маленьких изолированных хозяйств наемных или зависимых земледельцев, и внушительных усадебных комплексов, в том числе с ярко выраженной центральной хозяйской частью. Попутно заметим, что уже с этого времени на Боспоре освоение новых территорий («вторичная колонизация») могло проходить только как мероприятие правящей династии. Вспомним пример Танаиса.

Действительно, обращаясь к археологическим памятникам дальней боспорской хоры, мы теперь выделяем ряд объектов, соотносимых с упомянутыми типами сельских поселений. Время их существования совпадает с эпохой первого расцвета Боспора. Затем, и особенно со второй половины I в. до н. э., по всему полуострову создается целая система совершенно иных поселений и крепостей. Примечательно, что археологических следов пригородных усадеб первых веков н. э. пока не известно. Не исключено, что преемники Митридата вели дело к ограничению полисного (городского) землевладения, поглощая и бывшие варварские территории. Структура хоры становится более однородной. Царское землевладение в разных его формах окончательно доминирует. Такая ситуация на хоре Европейского Боспора просуществовала, вероятно, до середины III в. н. э. В дальнейшем она прослеживается еще более гипотетично.

Е. А. Молев (Нижний Новгород)

ПЕРВЫЕ СПАРТОКИДЫ — КТО ОНИ?

Около 438 г. до н. э. власть в Боспорском государстве перешла в руки Спартока. Кто был этот Спарток по происхождению, какова была его роль на Боспоре до того времени и каким образом власть перешла в его руки, источники прямого ответа не дают. Это породило несколько версий по отмеченным выше вопросам. На мой взгляд, основные наши источники — Диодор, Исократ, Анонимный перипл Понта Эвксинского, списки дани афинских союзников, среди которых упоминаются и города Боспора, а также материалы новейших археологических исследований позволяют сделать следующие выводы:

1. Спарток I занимал в государстве Археанактидов пост, аналогичный посту Сопея в государстве Сатира I.

Именно это в сочетании с личными амбициями Спартока привело к государственному перевороту и позволило фракийскому кондотьеру стать главой государства.

2. Афинское государство и Перикл в частности были никак не причастны к событиям на Боспоре. Вхождение ряда городов в состав Афинского союза обусловлено инициативой этих городов.

3. Боспорское государство Археанактидов, вероятнее всего, представляло собой амфиктионию, которая сохранилась и в рамках государства Спартокидов, обусловив определенные права городов.

4. Приход к власти Селевка представлял собой такой же политический переворот, как и захват власти Спартоком I. Только после свержения (или естественной смерти) Селевка власть в государстве вернулась к потомкам Спартока I, и хотя попытки ее свержения, судя по осуждению Сопея, еще имели место, они оказались безуспешными.

К. Ю. Нефедов (Харьков)

КУЛЬТ ПРАВИТЕЛЕЙ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ЭЛЛИНИЗМА

В научной литературе уже около столетия дискутируется вопрос о сущности культа правителей как общеэллинистического феномена, и тем не менее однозначное мнение на этот счет до сих пор не сложилось. Такое положение затрудняет исследование не только отдельных проявлений царского культа, но и эллинистической идеологии в целом.

Между тем за долгие годы исследований очень тщательно проработаны отдельные аспекты данной проблемы, что позволяет сделать определенные общие выводы. Прежде всего, совершенно очевидно, что культ царей не насаждался насильственно и не давал монархам никаких юридических полномочий. Кроме того, возник он изначально по инициативе греческих полисов и позже обычно учреждался без открытого участия самих царей. Однако, принимая эти факты во внимание, все же нельзя, как это делают некоторые исследователи, считать культ монархов искренним волеизъявлением подданных, преклонявшихся перед харизмой и могуществом царей. Анализ источников показывает, что культ эллинистических правителей носил крайне официозный и политизированный характер. Конечно, он опирался на определенные массовые представления, но, по существу, являлся идеологической догмой, в которой эти представления, благодаря целенаправленной деятельности самих монархов и их сторонников, до крайности абсолютизировались и выражались в гипертрофированной форме.

При этом следует учитывать, что почитавшиеся в культе монархи считались не настоящими богами, а только людьми, удостоившимися высшей степени почета. По существу, культ правителя определялся не почитанием царя-бога, а культом личности монарха. Политическая необходимость такого акта диктовалась самой сущностью эллинистической монархии, официально основанной на личном превосходстве и заслугах царя. Божеские почести, как высшая степень почета, являлись подтверждением этого превосходства, показателем соответствия царя идеалу. Поэтому монархи и стремились к тому, чтобы официально их культ возникал по инициативе подданных, что достигалось с помощью пропаганды и внегласных распоряжений.

Таким образом, культ эллинистических правителей был идеологической догмой, призванной создать царю и всей династии харизматическую легитимность, придать «праву завоевания», на котором фактически была основана эллинистическая монархия, этический ореол.

О. А. Ручинская (Харьков)

СООБЩЕСТВА ГРАЖДАН АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО И ЗАПАДНОГО ПОНТА В I–III вв. н. э.

1. Различные союзы и общества граждан были характерным атрибутом любого древнегреческого города. В значительной степени они отражали социальную структуру полиса и степень вовлечения различных слоев общества в его духовную жизнь.

2. В первые века н. э. в Северном Причерноморье продолжают существовать фиасы, тесно связанные с официальной полисной религией и идеологией. К числу подобных объединений следует отнести фиас борейков, существовавший в Ольвии, а также получивший широкое распространение в западнопонтийских городах (Истрии, Одессосе). Эти фиасы, основанные первопоселенцами и их потомками, были элитарными союзами. В подобную аристократическую организацию были объединены почитатели богов-спасителей (Зевса Сотера и Геры Сотейры) — в Пантикапее, богини Афродиты — в Гермонассе.

3. Широкое распространение в первые века н. э. получили фиасы Диониса. Но в отличие от западнопонтийских городов (Каллатис, Томы, Истрия), где в данный период существовали закрытые вакхические общества (speirh), в Северном Причерноморье в число вакхантов входили самые широкие слои населения. Возможно, в них принимали участие и женщины. Среди западнопонтийских союзов, которые также были преимущественно мужскими сообществами, в число фиасотов, вероятно, входили лишь жительницы Том, почитавшие во II–III вв. н. э. Зевса Высочайшего.

4. Наряду с почитанием традиционно греческих божеств в первые века н. э. появляются синкретические культы, связанные с поисками нового универсального бога. Большинство боспорских коллегий (Пантикапей, Горгиппия, Танаис) во II–III вв. н. э. связаны с культом синкретизированного Бога Высочайшего. Последователи этого культа существовали в первые века н. э. и в Херсонесе. Широкое распространение в данный период в Северном и Западном Причерноморье получают восточные мистериальные культы. Определенные таинства в честь Великой Матери богов (Кибелы) совершали ее почитатели в Пантикапее, Тиритаке, Нимфее, Томах (коллегия канефоров и дендрофоров), Одессосе, Каллатисе. Среди жителей Херсонеса, Том, Истрии были адепты почитания культа Митры. Тайные религиозные союзы, посвященные Серапису, Исиде существовали в Тире, Ольвии, Херсонесе. В Северном Причерноморье известны самофракийские мистерии (Фанагория, Ольвия, Боспор) и, наконец, гностические мистерии (Тира, Ольвия, Херсонес, Пантикапей). Столь широкое распространение мистико-философских культов в Северном и Западном Причерноморье было вызвано изменением отношения к государству, полисным божествам, сложной мировоззренческой обстановкой в городах. В то же время восточные божества, не являясь государственными культами, были доступны всем слоям общества.

5. Римское влияние наиболее ярко проявилось в распространении фиасов, способствовавших появлению и почитанию культа императоров. В этом плане наиболее тесная связь сообществ с полисным управлением отразилась в существовании коллегии гимнодов (Томы, Дионисополь, Одессос II–III вв. н.э.) и возрастных союзов: герусии и коллегии «молодых» (Каллатис, Истрия, Одессос, «общество молодых никейцев» Пантикапея).

6. В первые века н. э. в Северном и Западном Причерноморье существуют также общества взаимопомощи (землячества, боспорские погребальные сообщества, союзы эранистов), созданные на основе традиционных семейных и гражданских связей. Известны здесь и профессиональные союзы: горгиппийские навклеры, объединение купцов-импортеров в Херсонесе (I–II вв.н. э.), истрийская коллегия преподавателей и врачей (II в. н. э.), коллегия драматических актеров из Том (II в. н. э.). Эти союзы способствовали в условиях разрушения полисных структур созданию ощущения общности с людьми, имеющими одинаковую систему ценностей, позволяли защищать свои права, повышали их авторитет среди остального населения.

7. Усиливается тенденция к неофициальному общению. В некоторых сообществах главное значение приобретает совместное препровождение свободного времени, культовые связи сменяются товарищескими (симпосиальные группы, клубы в гимнасиях, термах).

И. П. Сергеев (Харьков)

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД КРИЗИСА III ВЕКА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. До 70-х годов в советском антиковедении безраздельно господствовала точка зрения, согласно которой экономика западных провинций Римской империи с последних десятилетий II в. н. э. находилась в кризисном состоянии, что было вызвано началом кризиса рабовладельческого строя в римском государстве.

2. В последние десятилетия в отечественной историографии появляются публикации, авторы которых отмечают, что в некоторых регионах римского Запада отдельные отрасли экономики продолжают успешно развиваться и в конце II — начале III вв. Однако тезис о начале кризиса рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи с конца II в. в этих работах под сомнение не ставится.

3. В зарубежном антиковедении 70–90-х годов можно выделить две группы публикаций. Авторы работ, посвященных, как правило, изучению истории Римской империи в целом, считают, что с конца II в. все сферы жизни римского государства, включая и экономику, были охвачены кризисом. Другие же зарубежные историки, в работах которых исследуется состояние экономики отдельных провинций и регионов римского Запада, прежде всего на основании анализа результатов археологических раскопок, приходят к заключению, что экономика ряда регионов Запада Римской империи в конце II — в первые десятилетия III вв. не только не находилась в кризисном состоянии, но и переживала расцвет. Упадок же экономики этих регионов с середины III в. связывается в исследованиях этих историков не с кризисом рабовладельческого строя, а с особенностями политического развития римского государства в III в.

4. Результаты изучения экономического развития западных провинций Римской империи в конце II — III вв. в последние десятилетия позволяют поставить под сомнение обоснованность продолжающих господствовать в отечественном антиковедении положений о всеобщем характере кризиса III в., тесной связи его возникновения с началом кризиса рабовладельческого строя на римском Западе, о датировке начала кризиса III в. последними десятилетиями II в. н. э.

Н. П. Сорокина, Е. М. Алексеева (Москва)

СТЕКЛОДЕЛЬЧЕСКИЙ РАЙОН II–III вв. В ГОРГИППИИ

В 1990 г. в Горгиппии был раскопан дом, располагавшийся на северо-восточной окраине города при выходе из него улицы шириной 8 м, превращавшейся за городскими стенами в основную торговую дорогу.

Дом обратил на себя внимание обилием в нем осколков стеклянных изделий, общий вес которых достигал 6-7 кг. Обломки сосредоточивались на полах подвалов (помещения 115, 116), неравномерно покрытых горелым грунтом, образовавшимся в результате сильнейшего пожара и рухнувших частей верхнего этажа здания. Одни стеклянные фрагменты явно соприкасались с упавшим прокаленным массивом сырцовых стен, горелыми балками, половицами. Поверхность этих фрагментов искажена, испещрена кавернами. Другие обломки не имеют таких следов воздействия пожара и только в некоторых случаях их поверхность деформирована.

Обломки стекла и явные отходы производства дают основание рассматривать найденные фрагменты как бой изделий, собранный и хранившийся владельцем дома, который имел отношение к стеклодельческой мастерской, расположенной где-то поблизости.

Известно, что битое стекло уже с I в. н. э., как вторичное сырье, шло в переплавку при варке стеклянной массы из основных формирующих компонентов. Боем торговали, его заготовки в ряде античных центров засвидетельствованы археологически. Число таких находок пополняют материалы из Горгиппии. Не менее важно для истолкования связи хозяина дома со стеклоделием местоположение дома на окраине города. В практике античного мира было принято размещать в противопожарных целях ремесла, связанные с большим огнем, на окраинах городов (например, Иерусалим, Кёльн, Эмона, Томы, Истрия).

Среди многих сотен обломков удалось выделить профилированные части некоторых изделий. Они принадлежали столовой открытой и закрытой посуде, что позволило несколько расширить представление об ассортименте стеклянной посуды, распространенной в быту, ранее известной только по находкам в могилах некрополя, а также установить факт застекления окон городских построек.

Время существования комплекса из Горгиппии ограничивает датировка сосудов, находивших аналогии в формах и деталях изделий II–III вв. н. э. с территорий римских провинций. Развитие стеклоделия в городе этого периода вполне закономерно. В Горгиппии, крупном боспорском центре, издавна развивались многие ремесла, а расцвет производств и культуры приходится здесь именно на II–III вв.

Констатация стеклоделия в Горгиппии имеет не только локальное значение. Она расширяет представление о развитии этого ремесла на окраинах античного мира и показывает, что далекой периферии были не чужды производственные достижения эпохи. Горгиппию теперь можно включить в число таких стеклодельческих центров Восточной Европы, как Пантикапей, Танаис, Фанагория на Боспоре, Херсонес и окраина Бахчисарая в Таврике, а также безымянные очаги стеклоделия в Прикарпатье и Закарпатье (Комаров, Малая Копня).

Е. Я. Туровский (Севастополь)

О НАЧАЛЬНОЙ ДАТЕ ЧЕКАНКИ МОНЕТЫ В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

Первым наметил правильный путь к решению вопроса о времени начала собственной монетной чеканки в Херсонесе А. Л. Бертье-Делагард. Он выделил две наиболее древние серии херсонесского серебра: первая имела на аверсе левостороннее профильное изображение головы Девы в кекрифале, вторая — изображение в фас того же божества. Относительно времени выпуска последней серии исследователь высказал мнение, что оно определяется периодом между 350 и 330 гг. до н. э. Что касается первой серии, то она чеканилась немногим ранее.

А. Н. Зограф, принимая относительную хронологию А. Л. Бертье-Делагарда, предложил иную дату для монет с изображением в фас. Исследователь отыскал очень близкую аналогию херсонесским монетам среди монет Лариссы, которые, по его мнению, датируются временем около 370 г. до н. э. Соответственно и херсонесский выпуск с изображением в фас датируется им тем же временем, а первая серия серебра — 390–370 гг. до н. э.

В. А. Анохин внес в схему А. Н. Зографа лишь незначительные коррективы в соответствии со своими представлениями о чеканке каждой новой серии монет — «не чаще одного раза в десять лет». Монеты с головой Девы в кекрифале он датирует 390–380 гг. до н. э., монеты с изображением в фас — 370–364 гг. до н. э., вклинивая между двумя сериями серебра выпуск крупной меди с Девой, сидящей на циппе.

Отметим, что серебряные монеты Лариссы с изображением городской нимфы, действительно, очень близки херсонесским, однако относительно их датировки полной ясности не существует. В некоторых каталогах греческих монет фасовые драхмы и дидрахмы Лариссы датируются временем македонской оккупации этого города (350–325 гг. до н. э.). Характерно, что выпуск фасовых монет в Гераклее

Понтийской приходится в основном на годы правления тирана Сатира (между 353 и 345 гг. до н. э.). Выпуск херсонесской фасовой серии следует, на наш взгляд, также датировать временем около середины IV в. до н. э. Соответственно выпуск первой серии происходил, по-видимому, в пределах второй четверти IV в. до н. э., ближе к ее началу.

Предложенные датировки представляются близкими к реальности и в силу следующих соображений. Прежде всего, для того чтобы приступить к выпуску своей монеты, новая апойкия должна была создать определенный экономический потенциал. Случаи когда вновь основанная колония начинала чеканку монеты в первые десятилетия своего существования, достаточно редки. Например, в Гераклее Понтийской, основанной в середине VI в. до н. э., древнейшую монету относят только к 415 г. до н. э.

К началу второй четверти IV в. до н. э. необходимый экономический потенциал в Херсонесе был создан: в городе начинается каменное домостроительство, возводится херсонесская крепость на перешейке Маячного полуострова, а площадь этого полуострова делится на земельные наделы; с созданием наделов в полисе начинается товарное производство сельскохозяйственной продукции. Некоторое время спустя Херсонес включается в межпонтийскую торговлю, вывозя продукцию своего виноделия. Складывающийся рынок вызвал потребность в собственной серебряной и медной монете, которая и удовлетворялась созданным в городе монетным двором.

А. В. Шевченко (Севастополь)

КУЛЬТОВЫЕ ТЕРРАКОТЫ РАННЕГО ХЕРСОНЕСА (V — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА IV вв. до н. э.)

До настоящего времени культовые терракоты начального периода жизни Херсонеса не были известны в полной мере и поэтому считалось, что количество их невелико. В отчетах К. К. Косцюшко-Валюжинича, дневниках Р. Х. Лепера и работах Г. Д. Белова имеются сведения о 17 терракотах классического и раннеэллинистического времени. Между тем, в Херсонесском историко-археологическом заповеднике нами выявлены 51 терракота и одна форма, относящиеся к указанному периоду.

Терракоты начального периода существования Херсонеса по своему характеру культовые — это изображения божеств, а также птиц и животных, так или иначе связанных с божествами. Доминируют женские изображения, представленные статуэтками сидящей и стоящей богинь и протомами. Среди мужских изображений — стоящий юноша, кабиры, неокор, а также маски юношей-куросов. К числу ранних терракот относятся и ритуальные «куклы» с подвесными конечностями. Такой набор является достаточно традиционным для Северного Причерноморья. Из форм выявлена одна — с изображением петуха.

Местная коропластика Херсонеса развивалась в общем русле ее становления в Северном Причерноморье: производство культовых предметов здесь, как и в Ольвии, на Боспоре, начинается уже на ранней стадии формирования полиса. Из типов, характерных для херсонесской коропластики классического и раннеэллинистического времени, выделяются протомы, отличающиеся большим разнообразием трактовки образов богинь. На основе родосско-ионийских, и особенно аттических, протом херсонесские коропласты создали оригинальные произведения — крупные плоские и объемные протомы.

Качество работ местных коропластов различно, но некоторые протомы отличаются четкостью исполнения и самостоятельностью в трактовке давно сложившихся образов богинь, в частности, Коры. Комплексы терракот с территории раннего Херсонеса отражают те верования и традиции, которые привезли сюда греческие переселенцы-дорийцы с Южного берега Понта. Так, «куклы» с подвесными конечностями коринфского производства встречены с протомой богини первой половины V в. до н. э. и со статуэткой Афродиты (раскопки возле Уваровской базилики в 1908 г.), маска юноши-куроса местного производства и привозная протома богини обнаружены в 1986 г. в домашнем святилище в помещ. 52 (северо-восточный р-н). Терракоты времени становления херсонесского полиса воспроизводят общегреческие типы, и можно определенно говорить о том, что местные заимствования в религиозной жизни раннего Херсонеса отсутствуют.

Терракоты найдены в северном, северо-восточном и центральном районах, но слои классического времени здесь не сохранились. По меткому замечанию К. Э. Гриневича, «мы чувствуем присутствие... классического Херсонеса только в скальных вырубках, а чаще всего в цистернах и колодцах». Находки терракот подтверждают это положение. Наиболее ранние херсонесские терракоты датируются первой половиной V в. до н. э.; архаические статуэтки здесь не известны и можно говорить лишь о преемственности и стилистической связи херсонесских терракот с греческими архаическими статуэтками. На терракотах времени становления полиса четко прослеживается влияние аттической школы скульптуры и коропластики классического периода. Отсутствие в Херсонесе архаических терракот ставит под сомнение попытки удревнения даты его основания.

ВИЗАНТИЯ, ХАЗАРИЯ И КОЧЕВНИКИ

В. С. Аксенов (Харьков)

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ ВООРУЖЕННОСТИ САЛТОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОГРАНИЧЬЯ

Кремационные погребения с оружием Сухогомольшанского и Красногорского могильников уже привлекались для реконструкции организационной и социальной структуры войска салтовского населения, которое оставило могильники и отдельные погребения по обряду сожжения в бассейне Северского Донца и Оскола. Тогда в общем усредненном результате полностью потерялись показатели степени вооруженности отдельных общин, которые выделяли, в зависимости от экономических возможностей и политической ситуации, самостоятельные воинские подразделения для общего войска, как это было принято у многих народов средневековья. Все это и заставило еще раз обратиться к материалам двух наиболее изученных салтовских могильников, содержащих погребения по обряду кремации. Данные могильники находятся на удалении чуть более 20 км друг от друга и расположены на самой границе лесостепи и степи. Количество исследованных на могильниках кремационных погребений достаточно велико (317 — на Сухогомольшанском и 121 — на Красногорском), что делает материал весьма показательным.

Погребения с предметами вооружения обоих могильников свидетельствуют о наличии в обществе двух различных в социальном плане групп воинов. Одну составляли воины, на вооружении которых находилось 3-4 вида оружия (сабля, топорик-чекан, копье, лук со стрелами). Их захоронения содержали элементы конского снаряжения, широкий набор хозяйственных инструментов (складные серпы, тесла-мотыжки, ложкорезы, сверла, рыболовные крючки), а также такие социально-маркирующие предметы, как котлы, шашлычницы, вилки для доставания мяса из котла и конские начельники. По специфике инвентаря (2 наконечника копья — пиковидный и широколезвийный с отверстиями в лопастях, котел, конский начельник) некоторые из погребений этой группы могут быть отнесены к захоронениям военачальников, а остальные — к захоронениям воинской верхушки общества.

Вторая группа погребений более многочисленна, но менее богата инвентарем, состав которого указывает на наличие имущественной сертификации в этой группе воинов: захоронения богатых воинов содержат более разнообразное и престижное вооружение, которое почти всегда сопровождается конским снаряжением или его элементами, тогда как в остальных погребениях снаряжение коня отсутствует, а вооружение представлено каким-либо одним или за редким исключением двумя видами оружия (лук со стрелами, наконечник копья). Погребения этой группы принадлежали, вероятно, простым воинам, низший слой которых составляли конные лучники и копейщики.

Таким образом, в Сухогомольшанском могильнике 19 (5,9%), а в Красногорском — 17 (14,4%) погребений принадлежат воинам: конское снаряжение содержится соответственно в 21 (6,6%) и 15 (12,4%) захоронениях. При этом снаряжение коня сопровождается предметами вооружения: в Сухогомольшанском могильнике в 14 (73% от количества погребений с оружием) случаях, в Красногорском — в 11 (64%) случаях. Данные по сожжениям могильника Красная Горка очень близки данным, полученным по ингумационным погребениям того же могильника: 29 (15,3%) воинских захоронений, 27 (14,3%) захоронений с предметами конского снаряжения, совместное нахождение вооружения и конской сбруи зафиксировано в 19 (65,5%) случаях.

Высокий процент воинских погребений Красногорского могильника, который совпадает с аналогичным показателем древнерусских дружинных могильников, позволяет отнести его к разряду дружинных (типа Саркельского), оставленных смешанным воинским контингентом и их семьями в условиях пограничья. Близость Сухогомольшанского комплекса к Красной Горке, где находился сильный воинский отряд, вероятно, обусловила меньшую степень вооруженности сухогомольшанского населения, которое, по-видимому, находилось под защитой своего более сильного соседа.

Н. А. Алексеенко (Севастополь)

ПЕЧАТЬ КИЕВСКОГО МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА ИЗ ХЕРСОНЕСА

На протяжении последних лет в море, под мысом у входа в херсонесскую гавань, находят византийские подвесные печати — моливдовулы. Среди общего числа находок (в настоящее время их уже насчитывается более 450), привлекает внимание фрагмент печати с изображением Богоматери на лицевой стороне и пятистрочной надписью на обороте.

Моливдовул митрополита России Кирилла (1224/25-1233)

Исследование моливдовула показало: несмотря на фрагментарность он представляет большой интерес для истории средневекового Херсона, так как сохранил полную информацию о своем владельце — видном церковном деятеле первой половины XIII в. Перед нами открывается еще одна неизвестная страница, рассказывающая о связях города с окружавшими его странами и народами.

Моливдовул оттиснут на свинцовой пластинке размером 36-38 мм, толщиной около 3 мм. Печать разломана надвое по каналу. Сохранность уцелевшего фрагмента (левая половина печати) удовлетворительная.

Лицевая сторона: изображение Богоматери «Знамение» в полный рост. Слева в поле столбиком остатки сокращенной греческой надписи: МР / ОУ. На правой, утраченной, стороне печати должно было бы быть продолжение надписи, расположенной также в столбик: <НІ/В/РА>

«Матерь божия (Богородица) пресвятая».

Оборотная сторона: греческая надпись в пять строк:

...Л]ЛОС/ ...СЕЛЕW/ ...П]ІСКОПО[С]/ ...П]ОЛЕ/ ...С]ІАС.

Благодаря тому, что моливдовулы с подобным изображением и легендой известны в научной литературе, атрибуция данного памятника не вызвала особых сложностей и затруднений. Можно совершенно безошибочно восстановить полный текст надписи, который имел следующий вид:

[+КVРІЛ]ЛОС / [МОNАХО]С ЕЛЕW / [ОУ АРХІЕП]ІСКОПО[С] / ТНС МРОП]ОЛЕ / WС РWС] ІАС.

«Кирилл, монах, божьей милостью архиепископ митрополии России».

Как видно из надписи, рассматриваемая печать принадлежала митрополиту России Кириллу, возглавлявшему русскую православную церковь на киевском престоле в 1224/25–1233 гг.

Находка в Херсоне моливдовула высшего церковного иерарха Руси сам по себе факт весьма примечательный и свидетельствует о непосредственных связях Херсона с русскими землями.

Но как и при каких обстоятельствах эта печать попала в Херсон? Ответить на этот вопрос на основании только данных печати практически невозможно. Известно, что в этот период на русскую кафедру назначались византийские епископы, путь которых на Русь лежал через Херсон. Очевидно, нет оснований связывать появление печати в Херсоне с традиционной корреспонденцией представителей церкви. Кирилл, будучи выходцем «из греков», как это отмечают Лаврентьевская и Новгородские летописи, мог состоять в переписке с местными священнослужителями. Однако это представляется нам маловероятным. Скорее всего, поводом для отправки в Херсон важного церковного документа (перед нами официальная церковная печать) могли послужить какие-либо значительные события в жизни обеих церквей.

Впрочем, соответствующих упоминаний в письменных источниках недостаточно. Сведения, сохранившиеся в русских летописях, на наш взгляд, позволяют высказать предположение о связи нашей находки с известными событиями XIII в. Речь идет «о принесении чудотворнаго образа святаго Николая ис Корсуни града в пределы Рязанския земли, яже в Росийской области». Примечательно, что в «Повестях о Николе Зарайском» и «Повести о разорении Рязани Батыем» указывается достаточно точная дата прихода чудотворной иконы на Русь — 1224/1225 гг. — время, когда митрополитом на Руси был поставлен архиепископ Кирилл, указанный на нашей печати. Не исключено, что именно этим событиям (или как-то с ними связанным) мы обязаны находке в Херсоне этого интереснейшего памятника сфрагистики.

О. Ю. Жиронкина (Харьков)

МАТЕРИАЛЫ К ТИПОЛОГИИ СТЕКЛЯННЫХ БУС НЕТАЙЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА (технологический анализ)

Стеклянные бусы из погребения 221, относящегося к хазарскому времени могильника, насчитывают 788 экземпляров.

Исследование технологических признаков изделий позволило обьединить их в три большие группы, ранее выделенные З. А. Львовой.

К первой относятся бусы, способом производства которых является обработка тянутых трубочек. Конструктивно они представлены:

— неоднородными (двуслойные стеклянные бусы с металлической прокладкой);

— однородными несложными одноцветными (бисер, одно- и многочастные бусы);

— однородными сложными одноцветными (одно- и многочастные «ребристые» бусы);

— однородными сложными двуцветными («продольно-полосатые» бусы).

Изделия изготовлены по шести условным технологическим схемам. Следует, однако, отметить, что способ нанесения предохранительного слоя в бусах с металлической прокладкой в некоторых случаях остается невыясненным. Поскольку подобные бусы не могут иметь собственную технологическую схему, они, вслед за З. А. Львовой, объединяются нами в группы родственных типов на основе анализа других типологических признаков.

Вторая группа включает бусы, изготовленные на основе тянутых палочек по девяти условным технологическим схемам. Конструктивно все изделия группы являются однородными:

— несложными одноцветными;

— несложными многоцветными («глазчатые», «глазчато-полосатые», «точечно-полосатые»);

— сложными многоцветными («глазчатые», «глазчато-реснитчатые», «слоеные» и др. мозаичные).

К третьей группе относятся бусы, находившиеся на протяжении всего процесса формования на конце инструмента:

— однородные простые одноцветные (ребристая буса, изготовленная посредством дутья);

— однородные сложные многоцветные («глазчатые», основа которых изготовлена посредством мешковидной наборки).

Технологическое исследование стеклянных бус позволило выделить 17 условных технологических схем, которые включают способы и приемы обработки стекла, изготовления изделий и их конструктивных деталей. Данный подход позволяет получить наиболее полное представление о технологическом разнообразии средневековых украшений из стекла и сформировать базу для последующего создания подробной комплексной типологии стеклянных бус из погребений Нетайловского могильника, которая, возможно, позволит уточнить этнокультурную принадлежность памятника, а также выявить характер и направленность внешних связей оставившего его населения.

А. А. Иванов (Волгоград)

О ПОМИНАЛЬНЫХ КУРГАНАХ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ НА НИЖНЕМ ДОНУ

Нижнедонской регион является районом восточноевропейских степей, где сосредоточено наибольшее количество подкурганных кочевнических захоронений хазарского времени, совершенных в ямах с подбоем или с заплечиками и окруженных квадратными в плане ровиками с перемычками по углам. Данный тип памятников большинством исследователей соотносится непосредственно с самими хазарами. Среди таких курганов, исследованных в последние десятилетия на территории Нижнего Дона, выделяется значительная серия курганов без погребений, содержавших под насыпью только площадку, окруженную квадратным в плане ровиком. Памятники такого типа несомненно имеют важное значение для характеристики культуры населения, кочевавшего на территории Нижнего Дона в хазарскую эпоху. Нами учтено 19 подобных курганов из более чем 80 комплексов хазарского времени, обнаруженных на Нижнем Дону. Курганы с квадратными ровиками, не содержавшие погребений, встречены как на левом, так и на правом берегах Дона. Они находились в составе больших курганных групп, также известны и одиночные курганы. Большинство насыпей рассматриваемых курганов сооружалось в один прием. Как правило, ровики имеют подквадратную в плане форму с перемычками по углам. В двух случаях ровик имел только одну перемычку в ЮВ или СВ углу. В некоторых курганах была прослежена тонкая прослойка лессовидного суглинка, покрывавшего площадку, ограниченную ровиком. Также необходимо отметить, что в пяти комплексах были прослежены неглубокие округлые ямы, располагавшиеся в центре площадки и не содержавшие никаких находок. В ровиках, чаще всего в восточной или западной части, были зафиксированы остатки тризн, представленные скоплениями костей животных (лошадь, овца) и фрагментами керамики (обломки стенок красноглиняных амфор, реже лепных горшков).

Курганы с квадратными ровиками, не имевшие погребений, интерпретируются как поминальные площадки, сооружавшиеся в ходе сложных и многоэтапных погребально-поминальных обрядов. На Нижнем Дону обычай сооружать курганы с ровиками, в том числе и без погребений, зафиксирован еще в позднесарматское время. В I тыс. н. э. он известен также в Северо-Западном Причерноморье и Средней Азии. Его существование объясняется наличием в кочевом мире некой общей, сходной в своей основе культовой идеи. Однако нужно указать, что в хазарскую эпоху поминальные курганы имели ряд особенностей. Все площадки пере-

крыты индивидуальными курганными насыпями, ровики имеют устойчивую, характерную только для хазарской эпохи форму. Важно также отметить их довольно значительное количество по сравнению с общей массой курганов с квадратными ровиками и то, что поминальные курганы хазарского времени известны пока только в районе Нижнедонских степей.

Таким образом, исходя из приведенных данных можно говорить, что сооружению поминальных курганов с ровиками в хазарское время придавалось, по-видимому, большое значение. Также их можно рассматривать как одну из особенностей погребально-поминальных обрядов кочевого населения степей Нижнего Дона в хазарскую эпоху.

А. В. Иванов (Севастополь), Т. А. Назарова (Киев)

ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК ЕК-МУРУН-ОБА И СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ ХЕРСОНА И ЭСКИ-КЕРМЕНА (по данным антропологии)

Могильник Ек-Мурун-Оба (Безносый холм — *тюрк.*) находится на Северной стороне г. Севастополя, севернее урочища Учкуевка на территории турбазы им. Мокроусова. Памятник выявлен в декабре 1989 г. при строительных работах. Исследования некрополя велись в 1990–1991 гг. Севастопольской археологической экспедицией Херсонесского заповедника под руководством О. Я. Савели.

Могильник занимает нижнюю половину северо-восточного склона холма Ек-Мурун-Оба, формой напоминающего гигантский оплывший курган. Являясь грунтовым некрополем, исследуемый могильник все же восходит к традициям курганных или впускных в курган захоронений. Погребения совершены по обряду трупоположения. Преобладающий тип погребального сооружения — грунтовая яма прямоугольной, реже ладьевидной формы. Встречаются ямы с заплечиками или ступенями-уступами. Ориентации погребений — восток-запад, с незначительными отклонениями. Все могилы содержат по одному захоронению, положение погребенных, в большинстве случаев вытянутое на спине, головой на запад, лицом к югу. Характерной особенностью могильника является широкое использование деревянных конструкций, перекрывавших погребение.

Для Юго-Западного Крыма на сегодняшний день памятник единичен. Ближайшие аналогии могильнику имеются среди памятников Присивашья и междуречья Буга — Днестра.

Население, оставившее могильник Ек-Мурун-Оба, принадлежало к мезо-брахикранному европеоидному типу. Как комплекс характерных признаков следует отметить небольшие абсолютные размеры лицевого скелета, относительную узколицесть, среднюю длину основания лица у мужчин и малую у женщин, при в общем хорошо выраженной горизонтальной профилировке лица. Часть черепов несет сочетание признаков (небольшая глубина клыковой ямки и меньшие величины ZM угла), позволяющие предположить наличие в серии слабо выраженного монголоидного компонента.

Для межгруппового анализа были привлечены материалы из близлежащих крымских могильников и синхронные кочевнические серии. По результатам анализа краниологическая серия из могильника Ек-Мурун-Оба наиболее близка к сериям X–XIII вв. Херсона и Эски-Кермена. Среди прочих крымских серий к рассматриваемой довольно близки несколько более ранние материалы из могильников Судака — Коктебеля (VIII–XII вв.). В то же время скуловой дм. Эски-Керменской серии несколько меньше, в то время как Судакско-Коктебельская серия значительно превосходит рассматриваемую по величине поперечно-продольного указателя и высотному дм.

В нашем случае отмечено сильное влияние на исходный тип населения округи близлежащих городских центров Херсона и Эски-Кермена, где преобладало греко-сармато-аланское население, имевшее общий антропологический тип. На этом фоне особенно любопытным представляется сохранение населением, оставившим могильник Ек-Мурун-Оба, специфических черт погребальной обрядности и духовной культуры, не имеющих аналогий в среде населения Юго-Западного Крыма XI–XIII вв.

А. В. Ивченко (Донецк)

ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ НА МАТЕРИАЛАХ ПОГРЕБЕНИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Погребения раннесредневековых кочевников Северного Причерноморья неоднократно служили исследователям материалом для попыток частичной реконструкции социальной структуры древних обществ путем выделения группы захоронений «воинов-всадников». В качестве определяющих брались раз-

личные признаки, но неизменно в списке основных фигурировали наличие в могилах оружия и жертвенных животных вместе или поодиночке.

Выделение социальных групп на основании отдельных категорий погребального инвентаря предполагает тесную связь между ними и данным типом вещей, причем не только на бытовом, но и на идеологическом уровне. Следовательно, группа погребений, сопровождаемых конем и оружием, должна соответствовать некой категории людей, существование и социальные функции которых были связаны с этими атрибутами настолько тесно, что это нашло свое отражение в мировоззрении и вытекающих из него погребальных представлениях.

О кочевых обществах традиционно сложилось мнение как об обществах крайне военизированных, в которых война, набеги являлись нормальным делом любого мужчины («эр» древнетюркских источников). Логично предположить, что погребения, сопровождаемые конем и оружием, и являются погребениями «эров» — взрослых свободных мужчин-воинов.

Однако подобные построения подспудно исходят из того, что все, или, по крайней мере, большинство случаев участия жертвенных животных и оружия в погребальных ритуалах фиксируются археологически. На самом деле картина получается более сложной.

Положение жертвенных животных в могилу встречается в самых разнообразных формах: целый скелет коня, череп и ноги, отдельные кости. Иногда вместо коня присутствует баран, иногда — детали сбруи. Хорошо известно, что в представлениях древних народов часть часто заменяла целое. Напрашивается вывод, что в данном обряде главенствующей была сама идея присутствия в захоронении жертвенного животного, которое могло достигаться различными путями, необязательно фиксируемыми археологически (положение части шкуры, шерстинок, изображений на дереве или ткани).

Сопровождение погребенных вещами и спутниками связано с представлениями о том, что в загробном мире покойный будет вести существование, сходное с тем, которое он вел в реальной жизни. Верховые животные затрагивали все стороны быта кочевников, а не только военную. Кроме того, часто конь или баран рассматривались как средство доставки умершего в иной мир. Следовательно, фиксация жертвенного животного в могилах не может указывать на исключительность обрядов, совершенных при данном погребении.

Высокая стоимость железного оружия, особенно клинкового, достаточно очевидна. Вероятно, далеко не каждый мог себе позволить положить его в могилу родича. Возможно, в ряде случаев предметы, символизировавшие оружие при погребальном обряде, просто не сохранились (древки стрел без наконечников, колчаны без поясных крючков).

Таким образом, вряд ли имеются достаточные основания считать обнаружение в могилах оружия или останков жертвенных животных признаками обособленной социальной группы. Скорее, это погребения людей состоятельных, родственники которых имели возможность выполнять принятые обряды в наиболее полном виде, не прибегая к имитациям.

В. Б. Ковалевская (Москва)

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В I ТЫС. н. э. (компьютерное картографирование массовых материалов)

1. В эпоху раннего средневековья быстрые передвижения конных дружин, «великие переселения народов» и бесконечные войны в Евразии способствовали тому, что новые технические достижения и новые «моды», особенно в области вооружения воина-всадника и его снаряжения, передавались от одного народа к другому в очень короткий срок и сразу становились достоянием всего культурного мира. Эти факторы определяют использование таких категорий древностей, как оружие и поясные наборы, в качестве хронологических индикаторов.

2. Вместе с тем анализ локальных особенностей позволяет соотносить отдельные типы и признаки с тем или иным историко-культурным кругом или определенной цивилизацией (в частности, коль скоро мы занимаемся ранним средневековьем, выделить специфику и происхождение отдельных элементов гуннской культуры, воинское снаряжение византийских и персидских армий, определить специфику боевых поясов алан и болгар, хазар и тюрков, роль боспорских мастерских, оценить вклад среднеазиатских и сибирских народов и т. д.).

3. Не меньшую историко-культурную информацию несет в себе женский костюм — фибулы, височные подвески, гривны, диадемы, наборы бус и т. д. Это позволяет нам для целей дробной датировки и этнического определения погребенного по сочетанию вещей иметь две системы координат — наборы женских и мужских вещей, далеко не всегда объединенных в одном комплексе.

4. Залогом успешной компьютерной обработки материала является обработка ряда категорий находок по специально созданной новой типологии, единой для всей территории (от Кавказа до Центральной Европы) и по своей дробности значительно превышающей классификации, принятые сегодня. Выработан ряд новых методических приемов — эвристического и математического группирования типов (Ю. Е. Храмов). Силами участни-

ков грантов эта работа проведена для скифского оружия (А. И. Мелюкова), поясных наборов (В. Б. Ковалевская), типологии бус (В. Б. Ковалевская, З. А. Львова), технологии изготовления бус (З. А. Львова, О. Ю. Жиронкина, А. В. Мастыкова), типологии керамики (В. Ю. Малашев и В. Б. Ковалевская).

5. Но когда по ряду признаков, типов и их сочетаний мы ставим своей целью определить своеобразие того или иного района (например, Кавказа, Крыма, Северного Причерноморья и т. д.), характер взаимоотношений с другими районами и стоящие за этими особенностями материала исторические явления, нужны качественно новые подходы. Если ранее основным картографическим методом было исследование распространения в пространстве с помощью ареалов и наложения их друг на друга, то в настоящее время возможности резко возрастают благодаря использованию современных методов компьютерной картографии.

6. В частности, особенно эффективен метод компьютерного геногеографического картирования проф. Ю. Г. Рычкова в применении к археологическим данным, позволяющий с помощью непрерывной интерполирующей функции создавать количественные картографические модели распределения ряда руководящих форм отдельных типов вещей. К интересным результатам приводит математическое трансформирование карт отдельных руководящих типов и признаков, насчитывающихся сотнями и представленных сотнями карт в обобщенную карту продвижения по Европе различных групп раннесредневековых армий и дружин в IV–VIII вв. н. э.

7. В докладе будет показана компьютерная обработка карт, предложенных И. П. Засецкой в ее монографиях, в виде традиционных карт, когда карты генеральных компонент рисуют взаимоотношения трех массивов готского, сармато-аланского и собственно гуннского на территории Северного Причерноморья (карты 1-5). В этом случае создаются количественные картографические модели распределения ряда руководящих форм оружия и украшений гуннской культуры в их географической полноте и взаимосвязях.

8. На ряде синтетических карт (О.В. Жукова, А.Н. Евсюков, С.Ю. Рычков, В.Н. Папков, О. Ю. Наумова, С.А.Перимов) мы покажем к каким результатам приводит математическое трансформирование сотен карт различных типов и категорий массового инвентаря (поясные наборы, бусы) в обобщенную карту (№ 6-20), что далеко выходит за возможности принятого в археологии ареального метода (анализ и совмещение ареалов артефактов по изопрагмам и плотности).

9. Особое внимание мы обращаем на место Северного Причерноморья в событиях IV–IX вв., насыщенных переселениями народов, «диалогами культур», перемещениями «мод», идей, переоформлением заимствований и т. д., рассмотрев на этом примере возможности компьютерной технологии создания археологических карт, отражающих географический ход исторического процесса.

10. Для проверки корректности наших построений данные компьютерного картирования мы сопоставляем со всей суммой наших знаний о времени и характере переселений народов Евразии, документированных историческими свидетельствами.

В. В. Колода (Харьков)

ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО РЕМЕСЛЕННОГО ЦЕНТРА В УРОЧИЩЕ РОГАНИНА

В 1988–1993 гг. экспедиции ХГУ, а затем ХГПУ проводили археологические исследования ремесленного центра салтово-маяцкой культуры, расположенного в уроч. Роганина у с. Верхний Бишкин Первомайского р-на. На основе керамического материала предложена датировка — вторая половина IX в. К настоящему времени достаточно полно изучен процесс железодобычи на памятнике. Решены отдельные вопросы гончарного производства. Практически неосвещенным осталось домостроительство.

Здесь, на ЮВ склоне среднего мыса, выявлено два полуземляночных жилища малых размеров и нетрадиционной для нашего региона формы. Рядом выявлены хозяйственные ямы, погребок и открытый очаг.

Жилище 1 имело размеры 250 х 150 см при глубине 85 см. Оно было ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Длинные стены параллельны друг другу, а торцовые представляли собой полуовалы. Вход располагался с ЮЗ стороны, где на глубине 65 см сохранилась ступенька. Рядом с ней на той же глубине располагался очаг 60 х 50 и толщиной до 7 см. Под ним находился 2-4 см слой чернометаллургического шлака, игравший роль теплонакопителя. У СВ и С стен в 20-25 см друг от друга выявлены 4 столбовые ямки, видимо, от топчана-лежанки. Предполагаем, что верхняя часть стен этого жилища представляла собой легкий наземный каркас, на который опиралась шатровая крыша.

Жилище 2 находилось на расстоянии 7 м к ЮЗ от предыдущего и ориентировано было по линии С-Ю. Его размеры — 250 х 180 см. Здесь также две стены были параллельны, а две торцовые — дугообразны. Плоское дно выявлено на глубине 90-100 см. В 25 см от восточной стены располагался очаг размером 30 х 40 при толщине 5 см. Почти по осевой линии помещения располагались две столбовые ямки:

одна — вплотную к северной стене, другая — в ЮЗ части жилища. Их глубина по 115 см. В связи с находкой некоторого количества глиняной обмазки с отпечатками прутьев в заполнении помещения и рядом с ним логично предположить, что наземная часть стен представляла собой легкую плетеную конструкцию, обмазанную глиной. Крыша помещения была, скорее всего, двускатной.

Оба описанных жилища были времянками, однако были не лишены некоторого комфорта. В них одновременно могли находиться по 2-3 человека, занятых обслуживанием ремесленных сооружений.

Среди большого числа известных жилищ СМК мы не можем указать аналогий ни по размерам, ни по форме. Жилище 25 из Саркела ближе всех по площади (6,2 кв. м), но это почти в два раза больше наших. В жилище 10 Саркела мы находим аналогии и топчаку из роганинского жилища 1. Некоторое сходство просматривается в планах наших жилищ и Подунавья: Виница и Дуранкулак. Здесь также четко видны две параллельные противоположные стены и две торцовые дугообразные. Но первое из них (Виница) — это наземная юртообразная постройка площадью около 15 кв. м. На втором памятнике известно три юртообразных полуземлянки (169, 176, 211а). Их площадь еще больше — 20-24 кв. м.

По мнению В. С. Флерова, использование юртообразных жилищ, в том числе и двуапсидных, свидетельствует о процессе постепенного, но неуклонного оседания кочевников. Процесс седентеризации сопровождался не только принятием в свой обиход предметов, традиций, технологий оседлых народов, но, зачастую, и их сосуществование на одном памятнике, что облегчало ассимиляцию. Аналогичный процесс слияния производственных и бытовых традиций мы прослеживали на Роганинском памятнике и ранее. Сейчас мы готовы подтвердить это и на материалах домостроительства. Общая юртообразная в плане округлость сооружений, наличие в интерьере открытого очага и топчана на опорах — черты степного быта. Значительная заглубленность жилища, использование столбовых опор для кровли находят наиболее широкие аналогии у населения лесостепной зоны салтово-маяцкой культуры.

А. В. Крыганов (Харьков)

О РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРХНЕСАЛТОВСКОГО И НЕТАЙЛОВСКОГО ПАМЯТНИКОВ

Самыми крупными памятниками салтовской культуры являются Верхнесалтовский и Нетайловский. Первый находится на правом берегу Северского Донца (Печенежского водохранилища) и состоит из городища с цитаделью и катакомбного могильника. Напротив него, на левом берегу, расположено еще большее по размерам поселение и ямный некрополь. Впервые предположение о том, что Верхнесалтовский памятник является остатком административно-торгового центра Хазарии на ее северо-западной окраине, высказал Д. Т. Березовец. Дальнейшее продолжение археологических раскопок и научных исследований обоих памятников подтверждают правильность указанной мысли. По мнению автора, в этот административно-торговый центр вместе с Верхнесалтовским входил и Нетайловский памятник, на что имеются веские доказательства.

Почти все археологические вещи из рассматриваемых памятников представлены погребальным инвентарем из могильников. Это глиняные сосуды, различные украшения, поясные наборы, орудия труда, оружие, конское снаряжение, монеты. Сосуды — это в основном одноручные кувшины со сливами; реже попадаются одноручные кружки, кубышки, небольшие кухонные горшки, фрагменты амфор. В украшения входят различные серьги и височные подвески, шейная гривна, в подавляющем большинстве стеклянные бусы и бисер, сделанные из бронзы и серебра различные подвески, фибулы, копоушки, браслеты, кольца, перстни, зеркала. Поясные наборы состоят из пряжек, бляшек и наконечников. В небольшое количество орудий труда входят ножи, кресала, тесла-мотыжки, серпы. Из оружия наибольшее количество боевых топоров; реже попадаются остатки луков и наконечники стрел, кистени, наконечники копий, длинные однолезвийные клинки (палаши и сабли). В конское снаряжение входят остатки седел, стремена, удила, сбруйное снаряжение, украшения. Обнаружено уже почти полторы сотни монет. Это серебряные заношенные арабские драхмы второй половины VII в. и дирхемы VIII–IX вв. Имея отверстия или петельки, они использовались как украшения. Одна из монет — прекрасно сохранившийся золотой византийский солид середины VIII в.

Иногда встречаются относительно неплохо сохранившиеся остатки различных тканей, войлока, кожи, деревянных вещей.

Немалое количество различных погребальных вещей (прежде всего многие украшения и поясные наборы) имеют точные или близкие аналогии только за пределами территории Хазарского каганата: в Среднем Поволжье, на Северном Кавказе, в Таврике.

Дальнейшее продолжение археологических раскопок и научного исследования Верхнесалтовского и Нетайловского памятников (могильников) имеют большое значение для изучения истории как салтовской культуры и Хазарии, так и юга Восточной Европы в целом.

А. В. Лямин (Екатеринбург)

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ «ПЕЩЕРНЫХ ГОРОДОВ» КРЫМА

Процессы, происходящие в обществе, находя отражение в мировоззрении отдельных индивидуумов, затрагивают интерпретационный подход к источникам и объясняют ход событий даже отдаленных эпох. Поэтому обращение к истории изучения той или иной проблемы представляет интерес в плане исследования развития исторической мысли.

Конец 20—начало 30-х годов XX в.— период становления советской исторической науки, появление нового поколения историков, археологов, что неминуемо вызвало пересмотр многих традиционных представлений о сущности исторических процессов. Не явилась исключением и история средневековой Таврики. Дискуссии, проходящие в данное время, коснулись и проблем возникновения и развития так называемых «пещерных городов». Исследователями конца XIX– начала XX вв. был накоплен значительный материал по данной проблематике, в основном описательного характера, что вызвало интерес к этим памятникам не только ученых, но и широкого круга любителей древности. Дореволюционными исследователями были поставлены проблемы возникновени «пещерных городов», их роли в социально-экономической, политической и этнокультурной истории Крыма, определении типов и функций находящихся в них пещерных сооружений.

В советский период вопрос о необходимости продолжения археологического изучения «пещерных городов» первым поставил известный русский историк-византинист А. А. Васильев. В ходе дискуссий, проходивших в ГАИМК в конце 20– начале 30-х годов наиболее значительной критике подверглась концепция Ю. А. Кулаковского, согласно которой «пещерные города» возникают в Крыму в VIII–IX вв. в связи с иконопочитательской эмиграцией из Византии.

В этот период начинаются регулярные археологические исследования данной группы памятников (Эски-Кермен, Инкерман, Мангуп и др.). На основе господствовавшей тогда в советской исторической науке идеи стадиальности формируется автохтонистская концепция происхождения «пещерных городов» в V–VII вв. как «следствие развития экономических и социальных отношений в среде местных племен», в первую очередь готов (Н.И. Репников, В.И. Равдоникас). Ряд исследователей (М. А. Тиханова, А.Л.Якобсон) считали «пещерные города» византийскими крепостями и отождествляли их с «длинными стенами», построенными в Крыму при Юстиниане I. Также расходились мнения советских ученых с дореволюционными по вопросам локализации Дороса и роли готского элемента в населении «пещерных городов». Критике была подвергнута и методика археологических исследований русских ученых.

Но именно благодаря дореволюционным исследованиям было определено, что эти памятники появляются только в эпоху раннего средневековья. Установлена их принадлежность к различным типам археологических памятников (городища, монастыри и т. д.). Были выявлены функции многих пещерных сооружений, прослежена их связь с наземными постройками, а также сходство с подобными комплексами Малой Азии, Южной Италии и Сицилии.

В настоящее время накоплен значительный археологический материал, позволяющий разрешить многие спорные вопросы по данной проблематике, поставленные еще в довоенной исторической науке.

В. В. Майко (Симферополь)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КРЫМА С ПОДНЕПРОВЬЕМ И ПОДОНЬЕМ В VIII–IX вв.

1. Одним из важнейших источников по проблеме этнокультурных связей между указанными регионами является керамика. Детали этнографического костюма, украшения, интернациональные по своей сути, менее информативны. Заимствование элементов домостроительства, погребального обряда характерно в основном для пограничных территорий.

2. Находясь на более высокой ступени развития материальной культуры в результате соседства и постоянных контактов с Византией, Таврика оказывала большее влияние на Поднепровье и Подонье. Это выразилось прежде всего в широком импорте амфорной тары. Амфоры причерноморского типа и причерноморские амфоры с зональным рифлением, изготовленные в Крыму, встречены на памятниках волынцевской, роменской, боршевской культур, в аланских салтовских могильниках Подонья. Этнокультурные связи между Крымом и Подоньем, входившими в одно государство, были теснее. Тем не менее, наиболее характерная лощеная аланская посуда Подонья в Таврике, в отличие от боршевских памятников, встречена в единичных экземплярах. Связывается это с тем, что столовая салтовская посуда Таврики (ойнахойи баклинского типа), изготовленная по более совершенной технологии, напрочь вытеснила лощеную салтовскую керамику Подонья. Крымские ойнахойи в единичных экземплярах, за исключением могильника у с. Ч. Гусаровка, встречены в салтовских некрополях и городищах Подонья. На аналогичных Гусаровскому праболгарских могильниках Тав-

рики данных ойнахой значительно меньше. Преобладают они в аланских некрополях полуострова.

3. Наряду с этим в материалах некоторых салтовских памятников Крыма известно несколько фрагментов мисок и гончарных горшков с прямым венчиком волынцевского типа, что раскрывает еще один важный аспект этнокультурных связей между этими регионами. Анализ волынцевских горшков с прямым венчиком по специально разработанной методике доказал их технологическую неоднородность. Выделено 5 вариантов, каждый последующий из которых является эволюционным развитием предыдущего в направлении наиболее полного использования возможностей гончарного круга. Варианты 1-4 равномерно представлены на всех волынцевских памятниках. Вариант 5, наиболее разнообразный по морфологии и орнаментации, является технологическим скачком по отношению к четырем предыдущим. Больше всего сосудов этого варианта обнаружено на территории Битицкого городища. По мере удаления от него их количество на славянских памятниках уменьшается, доходя до единичных форм и фрагментов. В основном только горшки варианта 5 встречены за пределами волынцевской культуры на салтовских и боршевских могильниках, поселениях и городищах Подонья. К этому варианту относятся и фрагменты из Крыма.

4. Таким образом, появление горшков вариантов 1-4 на Правобережных и Левобережных волынцевских памятниках несмотря на разную подоснову можно рассматривать как одно из направлений эволюции славянского гончарства. Те же процессы происходят в гончарстве боршевских племен и носителей культуры типа Луки-Райковецкой, где также появляются совершенствующиеся формы горшков с прямым венчиком. Возникновение горшков варианта 5 является результатом того, что гончары Битицы, связанные с салтовским миром и обладавшие более высокой технологией, поставили производство этих сосудов на товарную основу. Использовали они при этом форму горшка с прямым венчиком, привычную и нравившуюся славянам, и в производстве которой они достигли больших успехов.

В. Е. Науменко (Симферополь)

ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В IX в. В СВЯЗИ С УЧРЕЖДЕНИЕМ И СТАНОВЛЕНИЕМ ВИЗАНТИЙСКОЙ ФЕМЫ В ТАВРИКЕ

1. По сведениям Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана, учреждение византийской фемы в Таврике в правление императора Феофила (829–842) последовало по возвращении Петроны Каматира из Хазарии, где он помог, по просьбе хагана и пеха каганата, в сооружении крепости Саркел на р. Дон (Танаис). Так как этим событиям, по Продолжателю Феофана, непосредственно предшествовали сообщения о вступлении на патриарший престол Иоанна VII Грамматика (лето 838 г.) и безрезультатной арабо-византийской кампании лета 839 г., то хронологический ряд рассматриваемых сведений выглядит следующим образом:

а) конец лета — осень 839 г.— прием хазарского посольства византийским императором;

б) весна — осень 840 г.— миссия Петроны и строительство крепости Саркел;

в) весна — лето 841 г.— учреждение фемы в Таврике.

Новое административное образование, под именем фемы Климатов, упоминается уже в Тактиконе Успенского (842–843 гг.); его существование подтверждается данными нумизматики и сфрагистики. Возникновение фемы было вызвано стремлением Византии усилить свои позиции в Северном Причерноморье в связи с ослаблением Хазарии и появлением новой политической силы в регионе — мадьярских племен.

2. Мадьяры появляются в южнорусских степях в 30-е гг. IX в. (Продолжатель Георгия Амартола). О территории их расселения в междуречье Дона и Дуная свидетельствуют Константин Багрянородный, а также арабские и персидские авторы X–XI вв., сообщения которых восходят к общему первоисточнику последней четверти IX в. Вероятно, их кочевья располагались и в районах степного Крыма. Первоначально взаимоотношения хазар и мадьяр носили враждебный характер, отголоски которых содержатся у Константина Багрянородного, у Ибн Русте (писал в начале X в.), в венгерских хрониках XII–XIII вв. Именно это и послужило причиной постройки крепости Саркел на западных рубежах Хазарии, укреплению ее союза с Византией.

3. Зоной соприкосновения византийской фемы и Хазарии являлось так называемое «византийско-хазарское пограничье», проходившее по ряду горных и приморских крепостей Юго-Западной Таврики, статус которых носил сложный, возможно, двойственный характер. Западная граница каганата IX — начала X вв. отразилась в Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа к визирю кордовского эмира Хасдаю Ибн Шапруту (середина X в.). Следовательно, территория византийской фемы охватывала области («климаты»), прилегающие непосредственно к Херсону. Судя по данным византийских источников VIII–IX вв. (Феофан, Никифор), Херсон и климаты нередко отождествляются и взаимозаменяются, выступая как единое целое («Херсон и климаты», «климаты Херсона, «климаты», «Херсон»).

4. Фема Климатов просуществовала недолго. В Тактиконе Филофея (составлен в 899 г.) фигурирует фема «Херсон». По данным сфрагистики, трансформация происходит в 50–80-е гг. IX в. (единой точки зрения нет). Одновременно исчезают печати архонтов Херсона и полисная символика на монетах.

5. Если в I половине — середине IX в. византийско-хазарские отношения носили в целом дружественный характер, то в течение последней трети IX в. они постепенно становятся напряженными. Вероятно, ухудшение отношений между этими странами объясняется не только принятием иудаизма в качестве государственной религии верхушкой хазар, установлением союзных отношений между ними и мадьярами, но и появлением новых политических сил в Северном Причерноморье (русов, печенегов), усилением позиций Алании в Предкавказье. Все это создавало возможности для Византии, лавируя между ними, укрепить и расширить свои владения в регионе.

Ю. Б. Полидович (Донецк)

ПОЛОВЕЦКИЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ — ИЗОБРАЖЕНИЯ БОГОВ?

В настоящее время подавляющее большинство исследователей полагает, что изготовление половецких (или шире — тюркских) изваяний, сооружение своеобразных святилищ с ними, поклонение им является одним из самых выразительных проявлений «культа предков». Часто их представляют как изображения реально живших людей — воинов, глав зажиточных родов и их жен. В качестве одного из доказательств в пользу такой трактовки изваяний приводится портретность статуй. Однако изобразительность в традиционных обществах, каковым было и половецкое, не знает портрета в современном понимании этого слова, поскольку делает акцент не на частном и временном, а на общем и вечном. Так же как и в представлениях о предках, важным являлось не их индивидуальное начало, воплощаемое в конкретных формах земного тела, а обобщенно-типичное, характеризующееся, в определенном смысле, как духовно-бесформенное, о чем говорит, например, этнографический материал по тюркам Сибири. За портретность половецких изваяний часто принимается сравнительно тщательная проработка черт лица, выраженных, как правило, стандартно-типовым методом. В качестве типологической параллели можно привести «портретность» христианских икон.

Представляется, что правомернее говорить об индивидуализации половецких изваяний, которая выражается, в частности, в изображении некоторых конкретных этнических черт, проявляющихся в одежде, головных уборах, наборах предметов и т. д. Но индивидуализация статуй может быть объяснима не только их «портретностью» и соотнесенностью с конкретными предками, как это обычно предлагается исследователями. Ведь нужно учесть, что статуи изготовлялись различными этническими группами половецкого этноса и на протяжении довольно длительного периода времени. К тому же, по представлениям древних, боги могли приобретать совершенно конкретные земные формы. Так, тюрки считали, что верховный правитель обликом подобен богу Тенгри, а его супруга — Умай.

Более значимыми в половецкой скульптуре были не индивидуальные, а общие черты. Это прежде всего жесткий стандарт позы (сидящая или стоящая фигура с руками, держащими сосуд у живота), определенные закономерности в изображении одежды, головных уборов и украшений и в наборе аксессуаров, определенные приемы оформления частей тела и формы головы (часто без соблюдения анатомических закономерностей), стандартно-типовые приемы изображения черт лица. Причем все изобразительные приемы были столь стандартизированы (в пределах нескольких вариантов), что можно говорить о довольно четких изобразительных канонах, характерных именно для наиболее сакральной части религиозного искусства — изображений богов. А каноны религиозного искусства, как известно, были очень строги в исполнении основных, структурообразующих элементов изображения и допускали некую «свободу творчества» во второстепенных (за счет чего, вероятно, и происходила индивидуализация статуй). К этому следует добавить известную монументальность определенной части изваяний, а также специфичность изображений женских изваяний: на них всегда выделены половые признаки. Эта изобразительная особенность характеризует именно изображения богинь и присуща широкому кругу различных этнорелигиозных традиций. Она находит полное соответствие и в тюркской мифологии. Олицетворением женского, земного начала и плодородия все тюркские народы считали богиню Умай. Само ее имя означает «лоно». А киргизы, например, в обильные годы говорили: «Из груди матери Умай молоко течет». Не случайно в тюркологической литературе уже наметилась тенденция к выделению изваяний, изображающих Умай.

Таким образом, на наш взгляд, половецкие каменные изваяния требуют более дифференцированной интерпретации с учетом того, что значительная их часть, вероятно, изображает богов как верхнего, так и среднего, и нижнего миров. Возможно, какая-то часть изваяний была посвящена изображению предков или обожествленных владык. Необходимость дифференцированного подхода к интерпретации статуй проистекает также и из различий в комплексах святилищ, фиксирующих различия в ритуалах, при совершении которых использовались изваяния.

А. И. Романчук (Екатеринбург)

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВКИ И СТРАТИГРАФИИ ВТОРОГО ПОРТОВОГО КВАРТАЛА ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА

Особенностью портового района по сравнению с северным или северо-восточным является значительная мощность культурного слоя для средневекового периода (слои рубежа нашей эры на данном участке недоступны для изучения из-за высоты грунтовых вод). Раскопки в юго-восточной и центральной частях квартала выявили наличие внутриквартальных улиц и переулков, отделявших блоки жилых усадеб, и наличие пяти строительных периодов.

К наиболее раннему относился комплекс с пифосами, который прекратил существование в результате пожара не ранее начала VII в. После нивелировки участка возводится здание с использованием кладки opus mixtum, занявшее треть квартала; одновременно с ним или несколько ранее была построена стена, отделившая жилую застройку от гавани: здание VII в. расположено от нее к юго-западу на расстоянии 4-5 м. Еще один комплекс, возведенный в конце VI или начале VII в., находился к северо-западу от здания с opus mixtum. Ранневизантийская застройка просуществовала до начала XI в. Здания следующих двух периодов строительной деятельности также погибли во время пожаров, относящихся к поздневизантийскому времени.

Таким образом, наиболее мощные культурные напластования на данном участке Херсонесского городища являются отражением экстраординарных ситуаций. Именно в слоях разрушения и пожаров встречен массовый археологический материал, характеризующий последний период существования комплексов. (Можно полагать, что этот временной отрезок был не продолжительнее жизни одного поколения). Следовательно, специфика формирования культурных отложений предопределяет наличие существенных археологических лакун: малочисленность или отсутствие находок в таком случае нельзя рассматривать как показатель запустения поселения или его кризисного развития (почему и малочисленны археологические материалы).

Данную особенность следует также учитывать в процессе использования данных нумизматики. Наибольшее количество монетных находок, как показывает их анализ из комплексов северного и портового районов, происходит из заполнения цистерн и колодцев, куда был сброшен «мусор» в ходе подготовки участков для нового строительства. В сущности — это тоже слой разрушения. Засыпь большей части колодцев и цистерн датируется монетами середины VI в. (Юстиниан I). Однако можно полагать, что новое строительство осуществлялось в начале VII в. Для портового района известны случаи, когда значительное количество монет V–VI вв. обнаружено с единичными VII в.— в закрытых комплексах, что позволяет в свою очередь корректировать данные статистических таблиц, отражающие соотношение находок монет по векам. (При их составлении учитывается в основном время выпуска монеты).

Материалы из слоев разрушения портового района свидетельствуют об участии херсонитов в Средиземноморско-Черноморской торговле в начале—середине VII в. (амфоры и краснолаковая керамика), превращении Херсона в региональный центр в VIII–IX вв., возобновлении широких связей начиная с XI–XII вв. Особенность формирования культурных отложений, выявленная в портовом квартале 2, должна учитываться при обращении к истории других византийских центров, для которых, как правило, малочисленность или отсутствие массовых находок считается показателем кризисного развития: причины возникновения археологических лакун при этом не учитываются, что снижает интерпретационные возможности археологического материала.

С. Г. Рыжов (Севастополь)

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЖИЛАЯ УСАДЬБА X–XIII вв. В СЕВЕРНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА (ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР)

Раскопки последних лет позволили автору рассмотреть общий объемно-планировочный вид средневекового жилого квартала XIII в. и попытаться ответить на вопрос о социальной принадлежности каждой из усадеб. Настоящая работа, наоборот, рассматривает одну из усадеб, расположенных в квартале Ха. Она выделяется среди ранее раскопанных своими размерами, достигающими 500 кв. м, из которых на двор приходится 144 кв. м. С трех сторон двора находится 8 помещений, которые, по сравнению с помещениями, расположенными в соседних усадьбах, имеют довольно большие размеры. К тому же в двух помещениях (1 и 2) нижние этажи отведены под подвалы площадью соответственно 36 и 16 кв. м.

В плане усадьба имеет вид вытянутого прямоугольника, центр которого занят мощеным двором. Его с востока, запада и юга окружают хозяйственные, жилые и подсобные помещения. Вдоль восточных помещений тянется крытая галерея, под которой находится печь для приготовления пищи. Рядом с ней лежало 4 небольших жернова, а в южном углу

двора найдено 2 больших жернова диаметром 0,7 м. Несомненно, что во время размола зерна при помощи этих жерновов использовали осла или лошадь, а это, в свою очередь, указывает на большую потребность в муке для нужд данного хозяйства. Одно из помещений усадьбы использовалось как конюшня. На это указывает и его размещение, и устройство. Кроме перечисленного, в западном углу двора находился туалет, от которого сохранились куски пифосов для воды и камень с вырубом, а также канал, по которому удалялись нечистоты.

Внутрь усадьбы попадали с VIII поперечной улицы через узкий коридор, справа от которого находится дверь в самое большое помещение усадьбы, имеющее подвал, куда ведут 7 ступеней. Исходя из находок (столовая поливная посуда, амфоры, пифосы, стеклянные флаконы, разновесы, весы, безмен и т. д.) мы определили данное помещение как торговую лавку, рядом с которой располагалось еще одно помещение (№ 2) с подвалом, являвшееся, скорее всего, складом при ней.

Помещения, расположенные с восточной стороны двора, были двухэтажными; нижний этаж отводился под склад, на что указывают широкие дверные проемы, большие пифосы, стоявшие в них, а также 20-30 амфор (исходя из количества обломков). Усадьба погибла от пожара; на это указывают слои пепла, лежавшие на полу во всех помещениях, а также разбросанные по всему двору вещи, которые пытались спасти от огня.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что усадьба выполняла функцию постоялого двора, для чего имелись все условия. Перечислим основные из них:

— размеры усадьбы и ее помещений. Они гораздо больше, чем нужно для жизни. Их входы рассчитаны на размещение здесь громоздких товаров (пифосов, тюков, амфор и т. п.);

— просторный мощеный двор, способный вместить большое количество народа;

— наличие торговой лавки подчеркивает функциональное назначение усадьбы: прием, хранение и продажа. На это указывает и набор вещей в лавках: весы, разновесы, безмен;

— крытый навес и печь были необходимы для обеспечения пищей большого количества людей. Этим же целям служили и большие жернова для размола зерна, а также помещения второго этажа, где могли располагаться постояльцы.

Не противоречит сделанным выводам и расположение постоялого двора в центральной части города, рядом с его религиозным центром и основными городскими магистралями.

А. М. Савин, А. И. Семенов (Санкт-Петербург)

ЗАБЫТЫЕ, НЕОПОЗНАННЫЕ И НЕЗАМЕЧЕННЫЕ ЛУКИ ГУННО-БОЛГАРСКОГО ТИПА

Для решения давней проблемы — дифференциации культур болгар и хазар — важное значение приобретают выявленные отличия конструкции оружия дальнего боя.Использование этнических определений — «сарматский», «гуннский» и т. п.— создает иллюзию простоты различения стоящих за ними образцов конкретного оружия, но даже знаток культуры сарматов В. П. Шилов, а за ним оружиеведы А. М. Хазанов и А. Ф. Медведев без сомнений отнесли к сарматам находку с типичными позднекочевническими деталями лука и колчана из Калиновки — к. 28, погр. 2. Примеры легко умножить, ограничимся гунно-болгарским периодом.

Два фрагмента пережженной обкладки происходят из кремации 23 (VII) Новогригорьевки (Эрмитаж, 1911/140). Связь с луком доказывают характерные насечки внутренней стороны. Под тем же номером сохранились обугленные фрагменты из дерева, возможно, кибити. Принадлежность луку золотых облицовок Новогригорьевки и Борового спорна — золото из первой покрывало, очевидно, тулово фигурки животного.

В кургане 31 Белозерки открыты несомненные следы впервые распознанного раскопщиком лука болгарского времени: «У левого локтя расположены костяные (украшения) пластинки длиною 15 и 20 мм, сложенные попарно плоскими сторонами. Наружные стороны каждой пары пластинок закруглены и некоторые из них украшены нарезками в форме полосок; между каждой парой пластинок замечен слой изгнившего дерева... Возле левых берцовых костей найдены такие же пластинки, но в меньшем чйсле... От первых к последним тянется дугообразно слой изгнившего дерева в форме лука, дающий повод думать, что костяные пластинки служили отделкой краев лука» (Скадовский 1897). Погребения сивашовского круга открыты им и в соседних курганах — 1, 2, 14, 39.

Среди предположительно половецких на Булганакском городище в Крыму открыты остатки погребения с обкладками «гунно-болгарского» типа, тремя рукоятными и двумя концевыми.

В яме отнесенного к скифам разрушенного погр. 16 в кург. 14 у с. Великая Знаменка на Запорожье найдена боковая обкладка рукояти «гунно-болгарского» типа длиной 27 см.

А. К. Амброз отнес лук Верхне-Погромного, слывшего позднекочевническим, к VII–VIII вв., не обосновывая дату. Известные детали VIII в. выглядят иначе; по форме головок и изгибу вещи не моложе VII в.

Среди могил IX–XI вв. издано погребение 2 в кург. 66 могильника Царев на Волге. Инвентарь — «гуннского» облика.

По форме и размерам «гунно-болгарскому» кругу соответствует боковая рукоятная обкладка из кург.7, погр. 8 Старицы на Волге.

Вопреки А. Г. Атавину, не колчану, а луку принадлежит характерная тыльная деталь рукояти с выразительным расширением и уплощением концов, покрытых к тому же сверху насечкой для соединения с гибким рогом из погр. 5 кург. 4 у х. Крупской.

Перечисленные луки типологически хорошо вписываются в группу «гунно-болгарских», резко отличных от «хазарских». Географически они представлены преимущественно в памятниках «сивашовского круга», где уже известны по публикациям из Крыма — Рисовое, Портовое, Северного (Христофоровка) и Восточного (Танаис) Приазовья: и неизданные еще как должно материалы с Кубани В. А. Скарбовенко (Лебеди), Н. Ю. Лимберис (Малаи), А. З. Аптекарева («Восточная ветвь») и И. И. Марченко (Крупская). Отдельные экземпляры попадают к недальним соседям «сивашовцев» (Хитцы) или в близкие по культуре погребения Нижней Волги (Авилов, Постовое) и Дона (Матюхин Бугор) и др.

Отличия «гунно-болгарского» лука от сменившего его «хазарского» так значительны, что трудно объяснимы иначе, чем разноэтничностью оставивших их групп населения, чему отвечают и основные ареалы находок — Великая Болгария Феофана и Никифора для первых и домен Хазарского кагана для вторых — и принципиальные различия в обряде и инвентаре «сивашовских» могил и курганов культуры «квадратных ровиков», откуда происходит основная масса «хазарских» луков.

А. И. Семенов (Санкт-Петербург)

К ПОИСКАМ НАЗЕМНЫХ ПРИЗНАКОВ ПОМИНАЛЬНО-ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Своеобразие инвентаря и обряда раннесредневековых катакомб в лесостепной зоне Восточной Европы способствовало формированию понятия «салтово-маяцкая культура» (СМК), но, с другой стороны, не только заслоняло менее выразительные или не рядовые, но не образующие столь значительных по размеру могильников, сравнительно редкие кочевнические подкурганные погребения допеченежского времени. Трудно проследить в детялях формирование представлений, выраженных в 50–60 гг. ведущими тогда специалистами по СМК — М. И. Артамоновым, И. И. Ляпушкиным, С. А. Плетневой,— в соответствии с которыми материалы СМК будто бы исчерпывали культуру населения Хазарского каганата и были признаны «государственной культурой Хазарии». Можно только констатировать сложившееся в сознании исследователей четкое противопоставление грунтовых погребений СМК и курганных могил поздних кочевников. Оно практически не оговаривалось специально, но наличие насыпи было достаточным основанием для отнесения средневекового захоронения к позднекочевническим даже при наличии керамики или украшений салтовского облика.

Наиболее многочисленная и все возрастающая группа погребальных памятников Восточной Европы, демонстрирующая значительное внутреннее единство и одновременно наибольшее количество признаков, сопоставимых с поминально-погребальными памят-никами древнетюркской культуры Центральной Азии — курганы с квадратными ровиками.

Из новых наблюдений, полученных недавними раскопками, важными для поиска восточных соответствий, особого внимания заслуживают данные И. Н. Парусимова, проследившего на периферии кургана 2 Кутейниковского-II могильника внутри П-образной пристройки к «квадрату» основного рва — яму с остатками вертикального столба, что сопоставимо с элементами алтайских оградок, изданных В. Д. Кубаревым.

Для понимания соотношения погребальных и поминальных памятников культуры «квадратных ровиков» важны выделение в Прицимлянье ядра ранних курганов с могилами, датированными солидами второй половины VII в., и намечающееся пограничье «квадратных ровиков», маркированное курганами со рвами, лишенными явных следов погребений, во всяком случае, не имеющих могильных ям внутри рва. Таковы насыпи, исследованные В. А. Скарбовенко в дельте Кубани на могильнике Лебеди-IV (здесь же первый случай «болгаро-хазарской» стратиграфии: погребение сивашовского круга прорезано рвом), и отдельные курганы на севере Ростовской области в материалах раскопок В. Г. Житникова, С. И. Безуглова и А. В. Захарова.

Новые возможности интерпретации курганов с «квадратными ровиками» предоставляет их открытие Р. С. Багаутдиновым на Средней Волге, где местная традиция, отличная от уже сложившихся навыков толкования курганов этого типа на Дону, связывает их не с хазарами, а с болгарами.

Не получили должного внимания исследователей монументальные сооружения или их важные детали, аналогичные известным у кочевников Азии. По-видимому, сопоставима со введенными в литературу П. С. Рыковым («Три Брата») и А. И. Семеновым (Новогригорьевка) курганами с усами описанная П.Хар-

ламповичем «вымощенная камнем дорожка» между двумя курганами к югу от «Каменномостской могилы». Заслуживают обследования «огромный земляной вал, длиною саженей на 100», соединяющий два кургана в вершинах балок Тушканной и Большой Тройни, известный из письма А. Полякова от 14.03.1867 г. графу С. Г. Строганову и «нечто вроде остатков вала длиной 147 аршин и шириной 13 аршин при высоте не больше 1 арш. « на курганной группе у хут. Андреевка Красноармейского района в «Материалах» А. Ильиной и П. Шишкина. У них же — указание на «каменные столбы», размещенные аллеей в песках у хут. Безымянского Михайловского района, вызывающие ассоциации с балбалами древних тюрок, «бык из громадного красного камня» в овраге «Грачи» у хут. Фомихина и «площадка, выстланная камнем, на которой найдены 2 серебряные «тарелки».

Старинные, преимущественно дореволюционные и архивные сведения дают надежду на выявление по внешним наземным признакам первостепенных по значению памятников раннесредневековых кочевников Восточной Европы.

Ю. В. Сорокин (Ростов-на-Дону)

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ КУРГАНОВ С КВАДРАТНЫМИ РОВИКАМИ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ

К настоящему времени в степной зоне Юго-Восточной Европы, и особенно Азово-Каспийском междуморье, в процессе археологических работ выявлено немало раннесредневековых кочевнических памятников, относимых специалистами к салтово-маяцкой культуре. Это подкурганные погребения с богатым погребальным инвентарем, окруженные круглыми или квадратными в плане ровиками с перемычками по углам.

Вопрос об этнической принадлежности носителей данного типа погребений остается открытым, но некоторые исследователи считают возможным связывать данные комплексы с хазарами. В пользу последнего говорят находки византийских солидов из отдельных погребений, что позволяет довольно точно датировать памятники, и центральноазиатский облик данных комплексов в целом. При всем многообразии погребального инвентаря он практически не привлекается с целью попытки определения этносостава погребенных. В большинстве случаев публикации инвентаря носят сугубо описательный характер со ссылкой на подобие, зачастую более позднего времени.

По моему мнению, незаслуженно мало уделяется внимания лепной керамике из подкурганных захоронений хазарского времени, представляющей собой важный материал для ответа на многие вопросы, возникающие в процессе изучения памятников, а зачастую и всей культуры, к которой они принадлежат. Также нельзя не учитывать и то, что керамика является показателем изменений в общественных отношениях населения.

К сожалению, только небольшая часть раскопанного материала опубликована, что в данном случае затрудняет общий обзор лепной керамики из хазарских погребений. Как правило, в набор погребального инвентаря неизменно входила лепная посуда независимо от формы могилы, пола погребенного и окружавшего его инвентаря. В основном это сосуды, имеющие плоское дно, выпуклые бока, отогнутый наружу венчик, почти всегда орнаментированный косыми насечками или пальцевыми вдавлениями. Иногда на тулове встречается линейно-волнистый орнамент, хаотические расчесы пучком травы или знаки.

Обращаясь к лепной керамике, взятой из ряда комплексов, образующих часть курганного могильника, обнаруживаем бóльшую близость в технологии, чем в морфологии сосудов. Все горшки в данном случае изготовлены по рецепту: глина + шамот + органика, причем шамот как правило использовался крупный, отчего поверхность получалась грубая и бугристая. Таким образом, изучая и сопоставляя принципы изготовления и формы сосудов можно прийти к истокам формирования традиций в гончарстве. Если население, изготавливавшее посуду, в культурном отношении однородно, то навыки и традиции производства тоже однородны. В нашем случае зафиксированное смешение навыков, конструирования и формообразования говорит о слиянии несколько разнящихся в культурном отношении групп населения, которые изменили одну из самых устойчивых частей гончарной технологии. Не в пользу культурного единства носителей подкурганных захоронений хазарского времени свидетельствуют и антропологические данные.

Ряд кочевнических предсалтовских памятников заслуживает особого внимания, особенно некоторые элементы погребально-поминальных конструкций и керамика. К таким можно отнести раннесредневековый курган у х. Никитина, содержащий каменный кромлех подквадратных очертаний с разрывом к югу, и лепной горшок, аналогичный которому можно найти в раннеболгарских курганах Самарской Луки.

Делать окончательные выводы, опираясь на немногочисленный материал, введенный в научный оборот, невозможно, поэтому привлекать показатели формы для аналогии следует осторожно. В дальнейшем я вижу возможным и необходимым изучение всех вариантов лепной посуды как предсалтовского этапа и генетически связанных с ним культур, так и салтово-маяцкой культуры в единой методике.

С. Б. Сорочан (Харьков)

К ВОПРОСУ О ПЛАНИРОВКЕ И ФУНКЦИЯХ УЛИЦ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ ГОРОДОВ

Изменения, отразившиеся на нижнем уровне обменов Византии VII–IX вв., были во многом взаимообусловлены переменами, постигшими облик городов, их устройство и планировку уже в период поздней Римской империи. Между тем византинисты иногда указывают на полный разрыв средневекового городского строительства с традициями и нормами античности, а вопрос о взаимосвязи планировки, устройства улиц с их торговым обликом даже не ставится.

Прежде всего, следует признать, что планировка улиц действительно претерпела изменения, хотя произошло это задолго до VIII–IX вв. и к тому же далеко не так повсеместно и тотально, как утверждается. Сокращение населения не обязательно вело к перемене облика города, перестройке линии его крепостных стен. Плохая археологическая сохранность раннесредневековых слоев и строительных остатков, впрочем как и слоев позднеантичных, затрудняет накопление материалов такого рода и создает представление о полной и к тому же сумбурной переделке, постигшей большинство византийских поселений именно в «темные века». При этом будет большой натяжкой говорить, что внешняя прямая преемственность прослеживается «только для 5-6 городов». Укоренившаяся планировка не исчезла в одно столетие. Мало того, ее длительное сохранение можно считать скорее правилом, чем исключением. Кардинальная ломка городской застройки, перестройка домов, усадеб, улиц, площадей и кварталов на иной лад требовали средств, сил и времени и для части старых урбанистических образований оказалась затруднительной и нецелесообразной — проще и экономичнее было придерживаться устоявшейся привычной системы улиц, ограничиваясь их внутренним переоборудованием.

Сведения нарративных источников и археологические материалы убеждают, что широкое распространение мелких, вынесенных на улицы и в портики мастерских и лавок обнаружилось уже в городах II–IV вв., и следовательно, не стало для ромейского общества необычным феноменом, в корне менявшем привычный уклад.

Нарушение регулярной застройки и обилие хаотично расположенных эргастириев и прочих мест торговли дает основание некоторым историкам говорить о приобретении византийскими городами «средневекового» облика уже к концу VI в. При этом тоже подчеркивается, что перенос коммерческой деятельности на улицы, приобретение ею рыночного значения следует расценивать как совершенно новое явление, не характерное для улиц античных городов. Последнее утверждение вступает в противоречие с тем, что известно об организации торговли в римский период. Очевидно, основа для «коммерческого переворота» на транспортных магистралях ранневизантийских городов закладывалась давно, постепенно выделяясь из процветавшей сумятицы мелкого рыночного обмена, и поэтому видеть в этом кардинальное новшество не приходится. Иными словами, перед нами очередное проявление континуитетных начал, нашедших продолжение в организации городской легальной и нелегальной торговли последующих столетий. Более того, складывается впечатление, что улицы раннесредневекового византийского города порождали в некотором роде конкуренцию городским рынкам и торгово-ремесленным рядам, играя в то же время роль основного общественного места, ибо сравнительно небольшие, иногда перенаселенные дома не создавали таких условий. Выходит, экономический характер этих мест торговли, наравне с переменами в планировке, был унаследован от поздней античности, но данное обстоятельство нисколько не умалило, а вероятно, даже содействовало усилению их публичного значения, которое сохранилось и в «темные века», и после них.

Д. А. Сташенков (Самара)

К ВОПРОСУ О ЕВРАЗИЙСКОЙ МОДЕ И ЕЕ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

«Евразийская (общеевропейская) мода» — понятие, часто используемое археологами-медиевистами. Реальным воплощением этого социально-психологического феномена является распространение на обширной территории в ограниченный промежуток времени отдельных категорий артефактов, морфологически, семантически и технологически связанных между собой. Именно в силу своего широчайшего ареала евразийская мода неминуемо должна была распадаться на локальные варианты, обусловленные хронологическими, этническими и географическими различиями. Для изучения закономерностей формирования евразийской моды и выделения ее вариантов необходима по возможности более полная сводка тех категорий артефактов, где они прослеживаются наиболее явно — в первую очередь мужских и женских украшений. Подобная работа уже проделана с поясными наборами. Перспек-

тивным представляется обращение к серьгам салтовского типа (или серьгам типа найденных в Верхне-Салтовском могильнике), которые в конце VII — X вв. широко бытовали среди кочевого и полуоседлого населения Евразии.

При картографировании находок салтовских серег (учтено ок. 600 экземпляров с 85 памятников Евразии, преимущественно могильников) наблюдается значительное совпадение их ареала с зоной степей. Племена, жившие в этих районах, пригодных для ведения кочевого хозяйства и входивших в состав Тюркского и Хазарского каганатов, вели сходный образ жизни и имели сходный менталитет. В силу указанных причин сформировался единый набор прежде всего воинских предметов-символов, в состав которого входили и салтовские серьги.

Однако в рамках единой евразийской моды наблюдаются варианты, обусловленные существовавшими художественными традициями — конкретной реализацией представлений непосредственных потребителей о красивом, которые можно связать с различными этнокультурными группами.

В результате анализа салтовских серег, проведенного по 20 признакам, внутри их ареала выделилось 8 крупных территориальных групп, различающихся между собой: Северный Кавказ, Северное Причерноморье, Подонье и Поднепровье, Самаро-Симбирское Поволжье, Мордовия с Пензенской и Тамбовской областями, Татарстан, Закамье и Приуралье, Сибирь и Средняя Азия. Стало возможным построение эволюционной линии серег салтовского типа. Представляется, что литые серьги, послужившие прообразом салтовских, появляются в VII в. в Сибири (Лихачевский могильник) в среде тюркоязычных кочевников в качестве отличительного признака принадлежности к воинскому сословию. Во второй половине VII в. эти серьги были принесены ими в Северное Причерноморье, где местные ювелиры, возможно под влиянием византийских мастеров, переработали их в соответствии со вкусами болгаро-хазарских кочевых групп (Ясиново, Келегей, Новые Сенжары, Романовка). На рубеже VII–VIII вв. эти украшения попадают в Самаро-Симбирское Поволжье (Шиловский, Новинковский, Брусянский курганные могильники). Возможно, с конца VII в. эти украшения уже бытуют среди алан Северного Кавказа. Со второй половины VIII в. салтовские серьги известны и в остальных регионах их распространения, куда они проникают, вероятно, с алано-болгарскими группами. Для периода с конца VIII до середины X в. можно говорить о «моде» на салтовские серьги на всей территории евразийских степей. В середине X в. эти серьги почти повсеместно исчезают, что связано с изменением этнокультурной ситуации (прежде всего распадом Хазарского каганата).

В своем развитии серьги салтовского типа прошли несколько этапов, составивших их жизненный цикл: появление, признание, распространение, отмирание или исчезновение. Закономерность развития евразийской моды, прослеженная на примере серег салтовского типа, подтверждается и тем, что в том же X в. в Европе исчезают так называемые «аварские серьги», по ряду признаков схожие с салтовскими и прошедшие аналогичный путь развития.

А. А. Тортика (Харьков)

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА МАРШРУТ ПЕРЕКОЧЕВОК В ВЕЛИКОЙ БОЛГАРИИ КУБРАТА

В некоторых своих работах И. А. Баранов выдвигает идею существования так называемого «большого кочевого кольца», которая заключается в том, что «до разгрома Приазовской конфедерации протоболгар хазарами в середине VII в. тюркские роды традиционно кочевали по кольцевому маршруту, который начинался на зимних становищах в Северном Приазовье, шел через Тамань и Ильичевский брод Керченского пролива в Крым. После кратковременной весенней перекочевки по степям Крыма кочевники перегоняли свои стада через Перекоп в степи Северной Таврии, откуда вдоль северного побережья Азовского моря они поздней осенью возвращались к зимникам».

Но возможность осуществления перекочевок по указанному И. А. Барановым маршруту кажется маловероятной. Первые возражения возникают при более внимательном рассмотрении особенностей ведения традиционного кочевого хозяйства и знакомстве с физико-географическими условиями описываемой территории. Протоболгары Кубрата, как отмечает С. А. Плетнева, находились на II стадии развития кочевого хозяйства. А это действительно предполагает определенную цикличность перекочевок, наличие постоянных зимних, летних и пр. пастбищ. Но такие перекочевки могут осуществляться небольшими коллективами типа большесемейных общин-кошей, каждым по своему маршруту и по соответствующей размерам его стад территории, но никак не всем составом конфедерации по одному общему маршруту, что более соответствует I таборной стадии кочевания.

Ежегодное перемещение на такие большие расстояния (ок. 1000 км) кажется очень нерациональным. В случае существования подобного маршрута кочевники вынуждены были бы преодолевать не

единожды в год, причем весной и поздней осенью, такие серьезные водные преграды как Дон и Кубань, не говоря уже о Керченском проливе, имеющем в самом узком месте ширину 4 км. Это форсирование осуществлял не воинский контингент, а все население с семьями, маленькими детьми, имуществом, всеми видами скота, молодняком. При соблюдении известного маршрута скот должен был бы двигаться многотысячными стадами по сравнительно узкой прибрежной полосе Азовского моря, первые табуны и отары выедали и вытаптывали бы весь корм, а последние погибали от голода.

Известно также, что в другие исторические периоды кочевники, обитавшие здесь, иначе использовали эту же хозяйственную территорию. Ни скифы или сарматы раньше, ни печенеги или половцы, татары Золотой Орды или Крымского ханства позже не воспроизводили «большое кочевое кольцо». Зато, с другой стороны, в их способах использования этой территории было много общего. Главное, что ни один из этих народов не пытался в течение одного «нормального» годового цикла перекочевок форсировать Дон, Кубань, Керченский пролив и проходить со стадами и семьями по 1000 км. Они строили свои маршруты на меньших, разделенных естественными рубежами территориях.

Удивительно, почему именно протоболгары должны были выбрать столь неразумный способ использования своих земель. Более вероятным кажется существование у них нескольких племенных маршрутов, разбивающих «большое кочевое кольцо» на отдельные участки. Косвенно это подтверждается фактом выделения Кубратом уделов своим сыновьям и быстрым распадом конфедерации после его смерти. Распад этот был обусловлен, кроме прочих факторов, наличием естественных географических рубежей между племенами. Существование таких отдельных маршрутов подтверждается также дальнейшим расселением протоболгарских племен после хазарской экспансии.

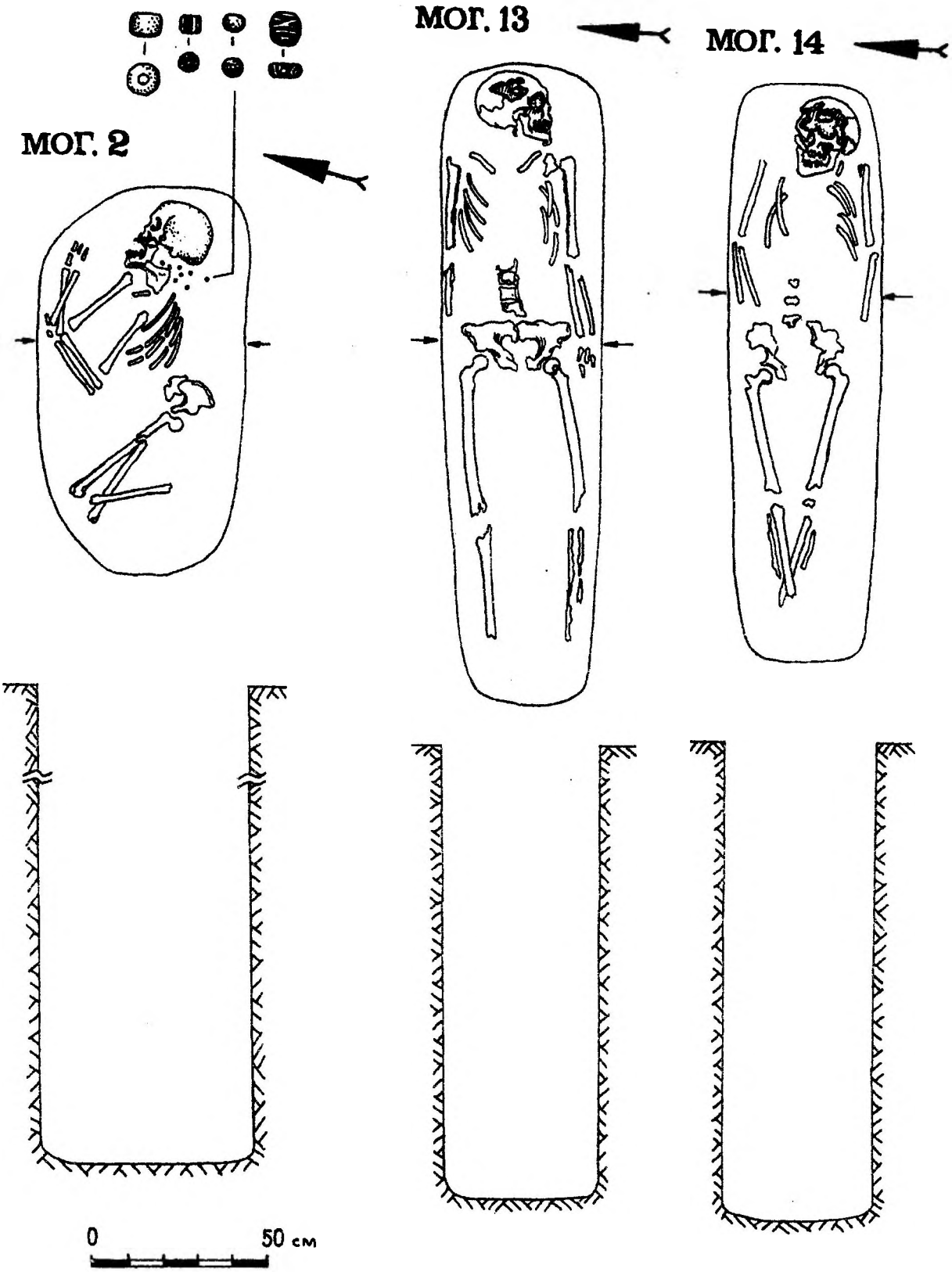
Исходя из эколого-хозяйственных возможностей интересующего нас региона и аналогий с другими кочевыми обществами можно сделать вывод о существовании по крайней мере четырех племенных территорий со своими зимниками-летниками в составе конфедерации: 1) ядро объединения — Покубанье и Тамань — зимник, степи современной Калмыкии и Ставропольского края — летник; 2) между Манычем и Доном — зимник, к северу вверх по Дону — летник; 3) между реками Молочной и Доном — зимник, на север по правому берегу Дона и Северскому Донцу — летник; 4) Крым — зимник, Ниж. Днепр как по левому, так и по правому берегам — летник.

А. А. Труфанов (Симферополь)

К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНИХ СКИФОВ КРЫМА

В научной литературе, посвященной рассмотрению вопросов хронологии позднескифской культуры Крыма, утвердилось мнение, что верхняя граница существования этой культуры относится к середине III в. н. э. Аргументируется оно в основном наиболее поздними находками монет, относящихся к первой половине III в., из погребений позднескифских некрополей, а также датировкой слоев разрушения на некоторых позднескифских городищах. Традиционно гибель позднескифских поселений и прекращение функционирования могильников связывается с началом готских походов. Но далеко не на всех могильниках, относящихся к группе позднескифских памятников, прекращают хоронить покойников в это время. На Чернореченском, Перевальненском, Суворовском некрополях и среди погребений могильника Бельбек I зафиксированы захоронения более позднего времени. При этом следует отметить, что в развитии материальной культуры Юго-Западного и Центрального Крыма вторая половина III в. выделяется в достаточной мере условно для того, чтобы заполнить хронологический вакуум между прекращением функционирования большинства позднескифских могильников в 240-250 гг. (судя по наиболее поздним монетным находкам) и твердо фиксируемыми комплексами первой половины IV в., характеризующимся новым набором инвентаря и своеобразием погребального обряда. Более чем пятидесятилетний перерыв в функционировании перечисленных могильников представить и объяснить иначе было бы трудно.

Возможно, события рассматриваемого периода развивались следующим образом. Катастрофа середины III в. привела к значительному сокращению позднескифского населения на основной территории его проживания. На одних поселениях жизнь прекратилась совсем, на других еще теплилась, старые торговые связи и весь хозяйственный механизм, приводивший в движение экономику региона, дестабилизировались, что нашло отражение в использовании при захоронениях в основном старых вещей, характерных для предыдущего периода, и старых, находившихся долгое время в обращении монет. Вероятно, ко второй половине III в.— времени упадка позднескифской культуры — относится, кроме того, группа безынвентарных и совершенных с минимумом погребального инвентаря захоронений в грунтовых могилах, обнаруженных при раскопках некрополя у с. Брянское (рис.) и других позднескифских могильников Крыма.


МОГ. 2
МОГ. 13
МОГ. 14
0
50 см

В. С. Флеров (Москва)

САЛТОВО-МАЯЦКАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМА ОГРАБЛЕННОСТИ ПОГРЕБЕНИЙ

1. Суть проблемы: все ли погребения, объявленные ограбленными, действительно являются таковыми, а не нарушенными в целях обезвреживания погребенных? В основе предлагаемого ниже — результаты раскопок Маяцкого и других могильников салтово-маяцкой культуры (СМК), могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске, сведения о могильниках других культур Восточной Европы.

2. До последнего времени принято считать погребение ограбленным лишь по факту его нарушенности, игнорируя при этом данные стратиграфии заполнения. Стратиграфия погребений СМК в большинстве случаев не зачерчивается и не описывается. Тем более не публикуются данные по стратиграфии так называемых ограбленных погребений, катакомбных, ямных, подкурганных. Исключения крайне редки.

3. Пренебрежение к стратиграфии привело, например, Г. Афанасьева к заключению о том, что признаки стратиграфии в нарушенных при обряде обезвреживания погребенных в катакомбах Маяцкого могильника «ничем не отличаются от тех, которыми характеризуются обычные ограбления». Парадокс в том, что признаки «обычных ограблений» в СМК не систематизировал никто, в том числе и Г. Афанасьев. Неудивительно, что в определении причин нарушенности погребений Маяцкого селища Г. Афанасьев так и не смог прийти к определенным выводам. Автор вообще не привлекает стратиграфию для своих построений.

4. Систематические наблюдения над статиграфией катакомб с обрядом обезвреживания погребенных (ООП) проводились мною на могильниках Маяцком и Клин-Яр III. Установлено, что заполнение их дромосов имеет повторяющиеся признаки: различаются остатки первичного и вторичное заполнение; керамика и угли есть только во вторичном заполнении и т. д. Есть и отличия: на Маяцком камеры катакомб после ООП оставлены открытыми, на Клин-Яре — вновь закрыты плитами.

5. Происходило ли в древности массовое ограбление могильников СМК? Признаемся честно: доказательств этому пока не представил ни один археолог. Естественно, нельзя исключить, что какие-то погребения были ограблены или осквернены.

6. Полагаю, наступило время подходить к изучению ограбленности, как и к любому археологическому явлению. Феномен ограбленности требует доказательств, а не голословной констатации. В описании и графической документации ограбленного погребения должны быть с максимальной полнотой отражены внешний вид участка над ним, стратиграфия и состав заполнения, в том числе грабительского хода, наличие остатков первичного заполнения, состав и положение костей погребенных, прочие особенности. Необходима авторская реконструкция процесса ограбления и последующего заполнения вскрытого погребального сооружения. То есть только при наличии развернутого списка признаков ограбления может быть признан его факт. В противном случае придется говорить о факте отсутствия события. К сожалению, мы имеем другое. Исследователь, придя в ходе раскопок к сомнительному выводу об ограблении погребения, теряет к нему интерес, а свое заключение публикует как окончательное. Из обобщений такие «приговоренные» погребения исключаются нак неполноценные.

7. Не следует думать, что ООП или ограбление непременно выражались в полном разгроме погребения, в разрушении скелетов, в исчезновении всех или большинства вещей. Решающим аргументом может явиться именно стратиграфия заполнения, ее сравнение со стратиграфией ненарушенных погребений. Отсюда вытекает еще одна задача, которая на первый взгляд может показаться неожиданной: доказательств требуют не только ООП или ограбление. Обоснования необходимы и для вывода о том, что данное погребение никогда не подвергалось внешним воздействиям. Я не исключаю, что действительно ограбленные или подвергшиеся ООП захоронения могут быть приняты за ненарушенные.

В. Е. Флерова (Нахапетян) (Москва)

ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ВЕРОВАНИЙ ХАЗАРИИ ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ

1. Самая общая ошибка при реконструкции верований — попытка рассматривать источник вне системы: начиная от места в культуре до категории изделий, на одном из которых присутствует привлекший внимание исследователя сюжет. Принцип акцентирования похожести отдельных элементов знаковых систем неприемлем. Тем более невозможно публиковать догадки, сделанные на основании схожести отдельных элементов как положительный научный факт. Примером может служить отождествление некоторых сюжетов металлопластики из погребений северокавказских и донских алан с ге-

роями Нартского эпоса: персонажа на поясных наконечниках Верхне-Салтовского могильника — с Афсати, антропоморфных амулетов VI в.— с Сосланом, амулетов-всадников — с Уастырджи, антропо-зооморфной фибулы Мартыновского клада — с образом Ацирухс-Агунды.

2. Крайне опасно пренебрежение как к типологии предметов — носителей изображений, так и к отдельным признакам самих изображений и к их весу в рассматриваемой категории источников. Пример: головной убор «Афсати» имеет по бокам не «заостренные уши», а волютообразно закрученные побеги, над которыми расположена заклепка ремня (воспринималась ли она как «солярный знак»?). Персонаж на Мартыновской фибуле сопровожден не «копытными(?)», а обычными для двупластинчатых фибул протомами птиц. Ни «шапка Сослана», ни такие признаки как секира и две сопровождающие Уастырджи птицы, ни даже солярные знаки не являются ни инвариантами, ни характерными элементами для амулетов, соотнесенных с этими персонажами.

3. С изобразительными сюжетами культур следует работать как с системой, но для начала необходимо установить, действительно ли мы имеем дело с системой, а не со случайным набором разнородных элементов. Такие категории источников по изобразительному материалу как торевтика и ювелирные изделия склонны к репликам импортных образцов. Иногда и настоящий импорт не вычленяется, как было с саркельскими амфорами, изображения на которых использовались лингвистами для изучения тюркской руники.

4. Для выявления каноничных схем религиозных символов Хазарии имеется достаточно надежная база в виде керамических клейм, рисунков и знаков на камнях и кирпичах. Сопоставляя их фонд с изображениями на амулетах, поясной гарнитуре и торевтике, мы получаем возможность сравнить изображения, употреблявшиеся в регулярной религиозно-магической практике, с теми символами, которые нашли выражение в ремесленных изделиях, рассчитанных на сбыт.

5. Сравнение образов народного искусства с кругом привозных изделий помогает разобраться в процессе приспособления ремесленниками заимствованных форм украшений к местным верованиям (эволюционный ряд от фибул Мартыновского типа до амулета с парными протомами).

6. Анализ совокупности источников позволяет вычленить сюжеты общераспространенные, локальные и частные, известные на одном памятнике. Появляется перспектива для ранжирования сакральных символов от принадлежащих верхушке пантеона до племенных, родовых и семейных.

7. Содержательная сторона выявляемых каноничных изображений требует крайне бережного подхода. Один и тот же персонаж мог легко узнаваться в разных позах и с разными атрибутами, и наоборот: общность схемы не гарантирует одинакового содержания при невнимании к деталям. Героизированный предок часто изображался по канону, свойственному мифологическому персонажу, а простой знак, принимаемый нами за метку, имел смысл и функции, равные реалистическому изображению Главы пантеона.

Ю. И. Цитковская (Харьков)

АНАЛИЗ КОЛЛЕКЦИИ ТЕКСТИЛЯ ИЗ НЕТАЙЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Из 227 вскрытых погребений могильника текстильные остатки зафиксированы в 34. Исследуемый материал охватывает широкий круг разнообразных изделий, отличных друг от друга как с точки зрения сырья и техники изготовления, так и по степени сохранности.

В коллекции представлены ткани, изготовленные из шелка и шерсти.

1. Шелковый текстиль обнаружен в 8 погребениях. Среди находок данной группы присутствуют образцы гладкого однотонного шелка и полихромного узорного. Ткани различаются по характеру и качеству используемой пряжи, строению.

2. Фрагменты шерсти зафиксированы в 27 могилах. Изделия представлены тканями с полотняным и саржевым переплетением (при явном преобладании первого), изготовленные из нитей с одно- и разнонаправленным скручиванием. По линейной плотности шерстяной ткани могут быть распределены на грубые, средние и тонкие (среди всех выделенных подгрупп неуравновешенные ткани доминируют). Шерстяные изделия представлены одноцветными и полосатыми тканями.

Явно выраженной зависимости между насыщенностью погребений вещевым материалом и ассортиментом тканей не наблюдается. Поливариабельность интерпретаций, вызванная сохранностью фрагментов текстиля, не позволяет говорить о способах употребления ткани. Являлись ли текстильные находки фрагментами одежды или остатками бытовых предметов, установить не представляется возможным.

Основываясь на данных структурного анализа, исследуемые ткани по месту их изготовления можно объединить в 4 группы: текстиль дальневосточного происхождения; среднеазиатского производства; ткани мастерских византийского круга; изделия северокавказских ремесленников.

А. В. Шаманаев (Екатеринбург)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАСОЛОГИИ ДЛЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОСТЯНЫХ И РОГОВЫХ ИЗДЕЛИЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА (по материалам раскопок портового квартала 2)

1. Изделия из кости и рога были широко распространены с глубокой древности. Однако основной интерес исследователей вызывали материалы первобытного и античного времени. Гораздо меньше внимания уделялось всестороннему изучению изделий средневековых мастеров. Большинство имеющихся в настоящее время работ не выходят за рамки типологического и искусствоведческого анализа.

2. Изучение технологии косторезного дела связано с античными (Б. Г. Петерс, различные центры Северного Причерноморья) и позднеантичными (В. И. Кадеев, Херсонес) материалами из различных центров Северного Причерноморья. В статье А. И. Романчук, являющейся наиболее полным исследованием средневековых костяных изделий Херсона, вопросы технологии затронуты в общих чертах.

3. Представляется перспективным использовать для изучения средневековых костяных и роговых изделий трасологию. Метод разработан С. А. Семеновым и связан с изучением следов человеческой деятельности на поверхности древних предметов под микроскопом. В основном трасологические исследования применяются при изучении орудий труда из камня. Однако уже С. А. Семенов успешно провел функциональный анализ античных костяных инструментов из Ольвии. Возможности метода позволяют реконструировать технологию производства изделия, установить его функцию и особенности использования.

4. Автором проанализировано 114 предметов из кости и рога, найденных при раскопках портового квартала 2 Херсона экспедицией А. И. Романчук с 1969 г. В основном находки датируются XII–XV вв. Для работы использовался бинокулярный микроскоп. Наиболее удобное рабочее увеличение — 5-30-кратное, что связано с макрохарактером следов. Большую проблему представляет плохая сохранность поверхности изделий, а также консервирующие вещества, полностью перекрывающие следы производства и использования. Наиболее показательным оказался блок линейных следов, характеризующих кинематику как самих орудий, так и инструментов, применявшихся при их изготовлении.

5. При получении полуфабрикатов сырье членилось на пластины раскалыванием или распиливанием. При этом, вероятно, использовались пилы с крупными зубьями. Затем, используя мелкозубчатую пилу, стамеску, нож, мастер вырезал контур будущей вещи. Отверстия просверливались, а на тонких изделиях прокалывались, возможно, шилом. После этого шла отделка. Поверхность изделия шлифовалась с применением грубых или тонких абразивов, иногда полировалась. На некоторые вещи циркулем, сверлом, редко ножом наносился орнамент, описанный в литературе как «циркульный». При нанесении линий применяли резец, острие иглы (шила), нож (задействовали кончик острия или всю длину лезвия). Поверхность некоторых предметов окрашивалась, иногда краска фиксируется только в углублениях орнамента.

6. Значительное количество изделий было изготовлено на токарном станке, употребление которого в Херсоне отмечается уже в античное время. Вероятно, эти вещи являются продукцией ремесленных мастерских. Интересно отметить, что встречаются предметы тех же типов, но изготовленные вручную. Скорее всего они предназначались для собственного потребления.

7. Проведенный анализ показал, что основные технологические приемы и способы, употреблявшиеся при производстве изделий из кости, рога, не претерпели принципиальных изменений с античного времени. Основные орудия также, вероятно, существенно не изменились. Скорее всего, потребностей в новациях не возникало из-за консервативного характера системы организации производства и потребления изделий из кости и рога.

СЛАВЯНЕ И КИЕВСКАЯ РУСЬ

В. М. Войнаровський (Львів)

СТАЦІОНАРНІ ЗАЛИШКИ ВИРОБНИЦТВА ШКІРИ

Донині аналіз стародавнього шкіряного виробництва проводиться майже виключно на основі рухомого чинбарського інвентаря. Лише у виняткових випадках, коли фіксувалося збереження шкіри чи відходів її обробітку, робилася прив'язка до об'єктів. Процес обробітку шкіри, як відмічають спеціалісти, є настільки універсальним, що майже без змін проіснував із стародавньої епохи до нового часу, тому його основні етапи на археологічному матеріалі відносно легко реконструюються при співставленні з археологічними паралелями.

Основою дослідження служитиме спеціалізований чинбарський комплекс черняхівської культури III–IV ст., розкопаний автором біля с. Добринівці Чернівецької обл. На сьогодні це 9 чинбарень площею 60–108 кв. м, специфічної форми й конструкції.

Перша група стаціонарних залишків чинбарства пов'язується із сировинною базою цього виробництва: розвинене скотарство, наявність чистої проточної води, у тому числі джерельної, у першу чергу — м'якої, вапняку, гіпсу і крейди, також — широколистяних порід дерев, кора яких містить таніди, необхідні при дубленні шкіри, саме ж дерево — для випалу вугілля. Археологічними артефактами цієї ланки шкіряного виробництва є кістки тварин, місця виборки вапняку чи, навіть, кар'єр (Добринівці), ями (місця) випалу деревного вугілля, печі (ями) для випалу вапняку (Пошвєнте, Коложембь, Пруш-Гданьський, Бєлгород-Дністровський, Пліснесько), ями для гашення вапна (Добринівці, Київ-Подол, Ромош).

Обов'язковою умовою стародавнього чинбарства є наявність пластичних чи жорстких водонепроникних материкових глин, в яких викопувались ями-чани для мокрого обробітку шкір: глеї (Добринівці), суглинки, леси (ями в останніх додатково підмазувалися чи викладалися камінням, Коложембь, Роїще, Ульянівка, Чорнівка I). Ями-чани — один з основних археологічних артефактів виробництва шкіри. Вони є одинарні, 8-подібні, спарені 8-подібні. 8-подібні чани відповідають формі шкури тварини — широкі округлі боки й вужчий перехват по хребту. Площа малих чанів — до 2 кв. м, великих — 4-8, іноді до 10 кв. м. Особливістю таких ям є невелика глибина від верхнього рівня материка чи долівки — 0,4-0,8 м (оптимальна для роботи зі шкірою), ледь лінзовидне дно, дно двох частин 8-подібної ями — на одному рівні, з невисоким материковим перехватом між ними. Є ями-чани з круговим розширенням в нижній частині чи похилим дном — для збільшення об'єму. Обов'язкова конструктивна деталь: при вертикальних стінках з трьох сторін четверта — полога (для полегшення витягування важких мокрих шкір).

Дно і стінки ям-чанів нерідко коричневатого відтінку (сліди танідів), іноді носять сліди вапнякового розчину (білі плями, прошарки), деякі мають на дні шар золи, волосу. Хімічний аналіз зразків з дна багатьох ям виявляє підвищений вміст $CaCO_3$ та присутність танідів.

Заповнення чанів часто однорідне материкове: з-за швидкої зношуваності старі чани полишалися, в материку поруч викопувалися нові, материк з них переміщався у старі ями. На нашу думку, велика кількість «господарських» ям на поселеннях зарубинецької, пшеворської чи київської культур — результат такого екстенсивного шкіряного виробництва.

Ями-чани розташовувалися завжди за межами житлових споруд, іноді творячи цілі виробничі комплекси чи групи. Часто такі групи ям виносилися на вищі ділянки, де материкові глини підступають до поверхні. Поруч ям тут обов'язково знаходилася робоча площадка, де відбувалася механічна обробка шкіри — вирівняна материкова ділянка з підвищеним вмістом знахідок кістяного чинбарського інструментарію та кісток тварин (мозок, жир, сало, печінка — для жирування шкіри). Полога стінка ям-чанів завжди виходить у сбік робочої площадки.

Ями-чани — обов'язкова складова чинбарської майстерні (Добринівці, Добринівці-городище, Чорнівка I, Ріпнів I і II, Ракобути тощо). Розміри майстерень значно (іноді — на порядок) більші за розміри жител. Конструкція стін і перекриття — легка каркасна, без центрального опорного стовпа, що вивільняло внутрішню площу споруди виключно для виробничих потреб.

Крім ям-чанів та робочої площадки в майстерні засвідчено від 1 до 3 теплопристроїв — печі, вогнища. Піч — більших розмірів, іноді — на материковому останці (Добринівці, Бакота) чи з піщаною основою замість череня (пісок — хороший акумулятор тепла, ним сушилися шкіри). В Добринівцях в двох чинбарнях додатково виявлено куски череня переносного вогнища.

Часто складовою чинбарні є кілька плоских каменів на долівці біля стіни. На них, можливо, дробилася кора, угачувалася шкіра.

З виробництвом шкіри корелюються також ями з запасом деревного вугілля, золи, ями для виробництва дьогтю (давньоруські Автуничі) — шкіри змащувалися дьогтем для водонепроникності й запобігання гниттю.

І. А. Готун (Київ)

ТИПИ БУДІВЕЛЬ ДАВНЬОРУСЬКОГО СЕЛА

Роль сільських поселень як джерела для вивчення середньовічних суспільств аргументації не потребує. Відоме і значення об'єктів масової забудови, як однієї із найважливіших сторін культури, показника багатьох суспільно-економічних характеристик. Проведені протягом останнього часу широкомасштабні розкопки південноруських неукріплених поселень (роботи О. П. Моця, В. О. Петрашенко, С. О. Беляєва, О. М. Веремейчик, О. В. Шекун та ін.) дозволяють аналізувати структурні елементи архітектурного вигляду села епохи Київської Русі.

В літературі висловлювалася думка, що сільськогосподарські будівлі можна поділити на три категорії: 1) для худоби та іншої живності (птиці, бджіл); 2) для зберігання сільгосппродукції та інвентаря; 3) допоміжні — для сушки й обмолоту снопів, вигінки розсади і т. п. Розглядаючи давньоруське село як єдиний організм, а сільське господарство не як поєднання землеробства і тваринництва, а як сукупність усіх напрямків економічної діяльності сільського населення, варто звернути увагу на житлові будівлі, споруди ремісничого і промислового призначення, об'єкти господарського, побутово-господарського та побутового використання. Особливо багатоструктурними постають перед нами поліські селища. Їх мешканці, не маючи гарантованого прожиткового мінімуму за рахунок землеробства, розвивали різноманітні ремесла і промисли особливо активно. За спостереженнями В. П. Коваленка, це проіснувало до пізнього середньовіччя. Широкий спектр об'єктів масової забудови вдається простежити і завдяки соціально-виробничій неоднорідності неукріплених поселень. Серед них виділяються землеробські й промислові (постійні та сезонні), а також невеликі селища тваринників. Відомі й місця проживання мисливців та рибалок, пам'ятки, де різні галузі поєднувалися в різних співвідношеннях.

Висловлені свого часу думки про примітивність зовнішнього вигляду давньоруського села спрощено. А отримані останнім часом результати демонструють неоднорідність домобудівництва, господарської забудови.

Відомі будинки із заглибленою нижньою частиною (Березанка, В. Снітинка-IV, Григорівка, Гульськ, Казаровичі, Кучари, Ліскове, Макишин, Рів-II) та розташовані на поверхні (Автуничі, Ліскове, Льгів). Привертають увагу житла на жилих і нежилих підклітах, двоповерхові (Клонів, Ліскове, Н. Білоус) та багатокамерні (Дорогинка, Ліскове, Макишин). Досліджено і житла-майстерні: ювелірну (Ліскове), гончарні (Автуничі). Виділено садиби (Автуничі, Клонів, Криниця, Рів-II), простежено місце проживання соціальної верхівки (Автуничі, Ліскове). Відзначено поселення іноетнічних елементів (Деснянка), співіснування різноетнічних (біля Богуслава).

Спектр виробничої діяльності характеризується гончарними горнами (Автуничі, Григорівка, М. Половецьке-II), у першому випадку цикл простежено повністю (глинища, глинники, ями для браку, відходів). Вивчено об'єкти чорної металургії та металообробки: залізоплавильні горни (Деснянка, Колонщина, Комарівка, Лапутьки, Новосілки), ями для вуглецювання і обтискування криці (Колонщина), ями для випалу деревного вугілля — сировини в металургії (Колонщина, Комарівка), кузні та інші майстерні (Автуничі, Ліскове, Рів-II). Відомі об'єкти по обробці кістки та рогу (Криниця), шиферу (Колонщина, Ліскове, С. Борщагівка), для випалу вапна (Білогородка, Ліскове), виготовлення полив'яних плиток (В. Поштова). Добування смоли та дьогтю практикувалося мешканцями Автуничів, Деснянки, Козарок, Криниці, Ліскового, Льгівки, Овраменкового Кругу. Об'єкти, пов'язані з продукцією рільництва (снопосушилки, жаровні для просушки зерна, хлібні печі), досліджені на пос. Автуничі, Григорівка, Гульськ, Криниця, Ліскове, Овраменків Круг, Рів-II, а ями для зберігання зерна — майже на всіх пам'ятках. Споруди для утримання худоби зафіксовано на пос. Автуничі.

У числі інших об'єктів: комори для збіжжя, погреби, ями (Автуничі, Григорівка, Гульськ, Рів-II); споруди для реманенту, інвентаря типу повіток (Автуничі, Комарівка). Вивчено і будівлі, що нагадують відомі за етнографічними даними «степки».

Цікавим відкриттям стала фіксація колодязів (Автуничі, Шумлай) — побутово-господарських споруд, що вважалися для відкритих поселень не характерними, а притаманними лише укріпленим пунктам.

Аналіз масової забудови підтверджує висновок про високий рівень розвитку давньоруських селищних структур, дозволяє говорити про загальне й особливе в архітектурному вигляді селищ.

А. К. Дегтярь, М. В. Любичев (Харьков)

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ (по материалам поселения Нижний Бишкин 2)

Селище Нижний Бишкин 2 находится на склоне второй надпойменной террасы правого берега Северского Донца, северной стороной обращено к руслу реки, а восточной — к лощине. Оно расположено в 1 км к востоку от поселка Нижний Бишкин Змиевского района Харьковской обл. В 1978 г. на нем были заложены три шурфа, в течение 1980, 1993 гг. авторами осуществлялись раскопки поселения, площадь трех раскопов достигла 444 кв. м.

Наибольший интерес представляют два полуземляночных жилища. Жилище 1 вытянутой прямоугольной формы, ориентированное длинной осью по линии ЮЗ-СВ, имело размеры 5,1 × 3-2 м и глубину пола 0,65 м от уровня материка (1,05 м от уровня современной поверхности). В полу у южной стенки находилось две ямки, в северной стенке размещалась печка, выполненная из материкового останца квадратной формы с куполообразной топкой. Жилище 2 подчетырехугольной формы, ориентированное длинной осью по линии СЗ-ЮВ, имело размеры 3,2 × 4 × 3,5 × 3,5 м, глубину пола 0,25 м от уровня материка (0,85 м от уровня современной поверхности). Печь в углу состояла из двух частей: нижняя вырезана в материковом останце треугольной формы, верхняя часть над топкой (свод) выложена из камней. На площади раскопов исследовано 12 ям.

Яма 4 перерезала в древности жилище 2. Остальные ямы находились на площади селища вне других объектов. Они отличались глубиной дна 20-70/55-185 см, имели размеры котлована 80-90/215-270 см. В яме 12 было произведено захоронение собаки.

Вся керамика селища может быть разделена на несколько групп. I — лепные горшки округлобокой, баночной формы, характерные для сахновского этапа пеньковской культуры. II — частично или полностью сделанные на гончарном круге горшки яйцевидной, округлобокой формы, украшенные по венчику зубчатым штампом, по тулову — горизонтальными или волнистыми линиями, пересекающимися пучками прямых линий; III — лощенные кувшины; IV — лепные котлы с внутренними ушками; V — так называемая «кочевническая» керамика, представленная груболепными горшками плохого качества с насечками по краю венчика и сосудами, украшенными комбинациями врезанных изогнутых линий, отпечатками пальцев на тулове; VI — раннесредневековые красно- и светлоглиняные амфоры.

Керамика I группы принадлежит славянам конца VII – начала VIII в., сосуды II–IV групп уверенно связываются с носителями салтовской культуры. Некоторые сосуды V группы безосновательно причисляются к пеньковской культуре при доказательстве ее кочевнического, «южного» происхождения. Поступление амфор указанного вида на нашу территорию начинается, очевидно, с формированием здесь салтовской культуры. В печи жилища I и над ней находилась керамика I, II, V групп, а на полу и в заполнении — I–IV, VI групп. В жилище 2 и на полу, в заполнении имелась керамика всех шести групп.

Обращают на себя внимание планировка жилищ и тип отопительных сооружений в них. И то, и другое совершенно несвойственно салтовской культуре. Появление печек-каменок в полуземлянках днепродонецкой лесостепи связывается с периодом расцвета пеньковской культуры и влияниями со стороны днепровского Правобережья. Сам же тип печей, вырезанных в останце и накрытых сводом из камней, бытует в волынцевско-роменской культуре. Наличие совместно славянской (пеньковской/сахновской) и салтовской «кочевнической» керамики в жилищах со славянскими особенностями конструкции свидетельствует о контактах населения Хазарии и славян, которые могут быть отнесены к концу VII – началу VIII вв.

В. В. Енуков (Курск)

О СОДЕРЖАНИИ ЛЕТОПИСНОГО ТЕРМИНА «ПОСЕМЬЕ»

В недатированной части ПВЛ при определении ареала северян упоминается гидроним Семь, который лег в основу названия одного из регионов южной Руси — Посемья. Долгое время многие исследователи под Посемьем понимали земли по Семи от Курска до Путивля и Выря (А. М. Щекатов, Н. П. Барсов, В. Ляскоронский, Д. И. Багалей, В. В. Мавродин и т. д.). А. Н. Насонов затруднялся ответить на вопрос, входили ли вырьские города в Посемье. Принципиально иное решение проблемы дал А. К. Зайцев, определивший границы следующим образом: восточная проходила между Рыльском и Путивлем, северная — в районе Крома, южная включала верховье Псла. Но в таком случае неизбежно следует вывод о том, что «Посемье» не является простым географическим определением земель по Семи.

В летописях на протяжении XII в. понятия «Посемье» и «Курское княжение» имеют примерно одинаковое распространение с учетом случаев, когда синонимом «Курского княжения» выступает «Курск» (статьи 1127, 1139, 1151, 1161, возможно, 1096 гг.). Однако в их употреблении имеется различие. «По-

семье» используется только для обозначения определенной области. Но коль скоро дело касается владельческих прав, в связке с «Посемьем» обязательно выступает «Курск» как административно-политический центр, средоточие структур власти. Позднее, в отличие от Курского княжения, Посемье уже не упоминается.

Следует отметить, что на первую половину XIII в. приходится окончательное оформление княжества с прочно осевшей династией из рода Ольговичей, которое играло заметную роль в политической жизни южнорусских земель. Налицо постепенное изживание более древнего понятия «Посемье». Судя по всему, этот термин должен был сложиться до времени превращения Курска в форпост власти киевских князей, то есть до начала XI в.

Из археологических культур «догосударственного» периода, соотносимых со славянами, особый интерес представляет роменская. На ее территории А. А. Узянов по зонам концентраций памятников выделил группы, соответствующие, по его мнению, «малым племенам». Группа IV, значительно превосходящая по количеству памятников все другие, точно укладывается в границы Посемья по А. К. Зайцеву. Ни одна из предшествующих культур не дает такой картины.

Таким образом, есть основания считать, что Посемье складывается в IX–X вв. Территориально (130 х 130 км) оно идеально укладывается в устоявшееся понятие «племя» во главе с князем (Б. А. Рыбаков, А. А. Горский). Однако ряд аргументов позволяет предположить у известных по летописям семичей более сложную социальную организацию. Так, в пользу этого свидетельствует значительная плотность населения (370 памятников, по подсчетам А. А. Узянова). Не вызывает сомнений трактовка Большого Горнальского городища на Псле как племенного центра, переросшего в поселение раннегородского типа. Однако этот памятник расположен на сравнительно слабо заселенной крайней периферии Посемья. Значительная концентрация роменских поселений в непосредственной близости от Курска указывает на существование здесь еще одного племенного центра. Вряд ли, однако, ему соответствовало Курское городище. На эту роль по своим масштабам больше подходит Ратский археологической комплекс, городище которого, похоже, является одним из самых ранних в регионе и имеет некоторые общие черты, в частности в конструктивных особенностях фортификаций, с Большим Горнальским городищем. Наконец, можно осторожно предположить существование еще одного племенного центра в районе Рыльска, где также заметно концентрируются роменские памятники.

Вероятно, в данном виде племенная структура семичей складывается в X в. Не исключено, что определенным катализатором социальных процессов явился водный (Волга—Ока—Сейм) путь, по которому именно в это время шел мощный поток арабских монет, обеспечивавший серебром всю южную Русь, включая Киев и Чернигов.

О. Н. Енукова (Курск)

К ВОПРОСУ ОБ УСАДЕБНОЙ ЗАСТРОЙКЕ ЮЖНОЙ РУСИ В ДОМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ (по материалам Липинского археологического комплекса)

Липинский археологический комплекс IX–XIV вв. располагается в 30 км от Курска, на правом берегу Сейма. Он включает в себя городище, обширное неукрепленное поселение, две курганных группы и грунтовый могильник. В конце 40 – начале 50-х гг. памятник получил широкую известность благодаря работам Деснинской экспедиции под руководством П. И. Засурцева. В 1993, 1995-96 гг. раскопки поселения проводила Посемьская экспедиция Курского педуниверситета и Курского музея археологии. По мнению некоторых исследователей, комплекс соответствует удельному центру Курского княжения — Липовцу или Липовечску, известному в летописях под 1283-84 гг.

В 1995-96 гг. на поселении была вскрыта усадьба второй половины XII – начала XIII вв. общей площадью около 880 кв. м. В плане она имела форму, приближающуюся к вытянутому по линии С-Ю овалу. Усадьбу окружал бревенчатый частокол. В южной ее части располагалось два жилых дома. От первой постройки сохранился подклет в виде котлована 4 х 2,7 м глубиной около 1 м. Его стены были обшиты горизонтально расположенными досками, концы которых входили в пазы вертикальных бревен. Вход в виде коридора со стенами аналогичной конструкции располагался в северо-восточном углу. Реконструкция второго, жилого, уровня затруднена, однако, вполне вероятно, она имела также каркасно-столбовую конструкцию, о чем свидетельствуют обнаруженные вокруг объекта ямки.

К северо-западу от жилища находился хозяйственный комплекс, центром которого являлась большая наземная постройка с прослеженными столбами ворот. К ней примыкали еще легкая постройка (одна стенка — в виде плетня с основой из тонких жердей), навес, под которым был прямоугольный погреб с бочкой, и летняя кухня.

Второй дом занимал юго-восточный сектор усадьбы. Его вход располагался с западной стороны. Таким

образом, между фасадными частями жилых домов получался внутренний дворик. Постройка была возведена в архаичной роменской традиции. Она представляла собой полуземлянку 4 х 4 м глубиной 0,9 м, с хорошо сохранившейся глинобитной печью, размещенной в углу у входа. Стены имели отмеченную ранее каркасно-столбовую конструкцию. Неподалеку от дома располагались хозяйственные постройки, где, по некоторым признакам, содержался скот.

Северная часть усадьбы была отделена забором с воротами посередине. На полученном в результате этого участке, приближавшемся в плане к сегменту, были возведены разнообразные хозяйственные объекты.

В заполнении сооружений найдены разнообразные предметы быта (ножи, иглы, дверные пробои, ключи, конские удила, пряслица и т. д.), украшения (стеклянные и бронзовые браслеты, перстни). Судя по полученным материалам, усадьба принадлежала рядовым жителям «града». Хозяйство ее владельцев было ориентировано на производство сельскохозяйственной продукции. Животноводство, в котором главенствовало разведение свиней, заметно преобладало над охотой, где ведущую роль занимала добыча косули. Отмечены следы домашнего ремесла (косторезного, железоделательного). В одной из ям обнаружены запасы глины, которая шла на формовку печей.

Исследованный на Липинском поселении комплекс представляет собой первый в регионе образец усадебной застройки в древнерусское время.

В. Н. Ковалевский (Воронеж)

СЛАВЯНСКИЕ НОЖИ С ВОЛЮТООБРАЗНЫМ НАВЕРШИЕМ

Одной из групп хозяйственно-бытового инвентаря древних славян являются ножи с так называемым волютообразным навершием. Размеры их варьируют от 8 до 19 см, а рукоять как бы разрезана и концы ее загнуты в виде «волют». Большинством исследователей эти орудия на территории Восточной Европы датированы VIII–X вв.

Нами было учтено 40 экземпляров ножей из 35 памятников. Картографирование и более тщательная проработка условий их нахождения позволили прийти к несколько отличным от общепринятых выводам.

Выделяется пять районов, где наблюдается «концентрация» ножей с «волютами»: Повислинье, Подунавье, Поднестровье, Верхнее Поднепровье и междуречье Днепра и Дона.

В Повислинье (Бискупин, Бониково, Жуковице, Милич, Нитра, Нова-Гута Могила, Сзоб, Челадж-Велка) датировка ножей третьей четверти I тыс. н. э. является общепринятой. Памятники эти были оставлены населением суково-дзедзицкой и другими славянскими группировками, отождествляемыми исследователями с венетами-лютичами.

Интересна группа волютообразных ножей из аварских могильников в Подунавье (Зилингталь, Кештели, Алатьян). Известно, что авары (обры) активно контактировали со славянским населением в этом регионе, а в 602 г. разгромили племя антов (Феофилакт Симокатта). Следовательно, находки славянского инвентаря в аварских погребениях, самые поздние из которых датируются словацкими исследователями не позднее VIII в., не могут вызывать удивления. Еще два экземпляра из Диногеции (VI–VII вв.; ипотешти-кындештская культура, одним из компонентов которой были анты) и со славянского поселения Мадара (условия находки не ясны; VIII–IX вв.— ?) также происходят из этого региона.

В Поднестровье (Хнойно, Семенки, Перерыта-пе-Шес, Алчедар III, Лопатно, Бранешты I, Требужены) достоверные находки ножей с волютами происходят из слоев третьей четверти I тыс. н. э., а там, где условия не вполне ясны, нет никаких оснований омолаживать эту дату. Памятники оставлены пражско-пеньковским населением, отождествляемым с антами.

В междуречье Днепра и Немана (Городище, Ревячка, Плиснеск, Лукомль, Ярцево, Тайманово) находки ножей с волютообразным завершением рукояти также датируются третьей четвертью I тыс. н. э. и связываются со славянской инфильтрацией (тушемля-банцеровщина) в земли днепровских балтов.

Находки в Днепровском Левобережье (Шуклинское, Новотроицкое) и в Подонье (Семилуки, Животинное) датируются VIII–IX вв., что, вероятно, объясняется сохранением ранних традиций металлообработки у роменско-боршевского населения этого региона.

Интерпретация ножей с волютами как предметов жреческого культа не выдерживает критики, поскольку не было обнаружено ни одного экземпляра на достоверно известных славянских святилищах. Находка же сразу четырех ножей на Животинном городище заставляет рассматривать их как обыкновенный бытовой инвентарь.

Небольшая выборка ножей интересующего нас типа не позволяет провести их классификацию. Вероятно, следует согласиться с предложенным ранее делением ножей на две группы. Группа А: со спиралевидным завершением рукояти; группа Б: рукоять выполнена в виде буквы S.

Дальнейшие публикации ножей с волютами помогут решению некоторых вопросов, связанных с расселением славян на территории Центральной и Восточной Европы.

И. Г. Коновалова (Москва)

О ЮЖНЫХ ПРЕДЕЛАХ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЖЕСТВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.

В распоряжении исследователей имеется совсем немного свидетельств письменных источников о том, как далеко простирались на юг границы Галицкого и Киевского княжеств в XII в. Это прежде всего летописные сообщения о неоднократных попытках Владимира Мономаха закрепиться на Нижнем Дунае, о деятельности в районе Нижнего Подунавья князя Ивана Ростиславича Берладника, данные В. Н. Татищева о принадлежности галицкому князю Владимирке Володаревичу земель вплоть до Дуная, а также обращение автора «Слова о полку Игореве» к галицкому князю Ярославу Владимировичу, из которого следует, что власть Ярослава простиралась до Дуная.

В одном из арабских источников XII в. имеются материалы по рассматриваемому вопросу. Речь идет о сочинении сицилийского арабского географа ал-Идриси, созданном в середине XII в. и представляющем собой описание всей известной к тому времени ойкумены. Текстуальная часть сочинения ал-Идриси сопровождается подробными картами.

Обращает на себя внимание тот факт, что на карте с изображением стран юго-восточной Европы у ал-Идриси отсутствуют названия каких-либо политических образований в междуречье Дуная и Днестра. Согласно карте, эта территория не относилась ни к Дунайской Болгарии, границей которой обозначен Нижний Дунай, ни к Руси, подписанной на карте на левобережье верхнего Днестра, ни к Кумании, начинавшейся, согласно ал-Идриси, за Днепром.

Вместе с тем в тексте сочинения присутствует сообщение, не попавшее на карту, но дающее информацию относительно политической принадлежности Днестро-Дунайского междуречья. Приводя общее описание Черного моря, ал-Идриси перечисляет страны, расположенные вдоль черноморских берегов: «На южном берегу этого моря, там, где он соприкасается с западным, лежит страна Хараклийа (Гераклея Понтийская), затем [следуют] страна ал-Калат (Галатия), страна ал-Бунтим (Понт), страна ал-Хазарийа, страна ал-Куманийа, [страна] ар-Русийа и земля бурджан (дунайских болгар)». Ал-Идриси, таким образом, сообщает, что Русь одним из своих рубежей имела черноморское побережье от устья Дуная, где она граничила с Дунайской Болгарией, до пределов Кумании, то есть до Днепра.

Любопытно, что арабский ученый второй половины XIV – начала XV вв. Ибн Халдун, оставивший в одном из своих сочинений описание карты ал-Идриси, дважды подчеркнул, что Русь и Дунайская Болгария лежат на побережье Черного моря и имеют общую протяженную границу: по его словам, «Русь окружает страну бурджан» с запада, севера и востока.

В. В. Магомедов (Київ)

ДО ІСТОРІЇ ФІНАЛЬНОГО ЕТАПУ ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

Пересування населення всередині черняхівського ареалу здебільшого зафіксовано тільки як поширення просторових рамок культури. Ми спробуємо прослідкувати інший напрямок переміщення груп людей на фінальній фазі.

1. Серед гончарної кераміки Східної України існують місцеві, етнографічні, форми. Насамперед це біконічні вузькогорлі канельовані глеки типу 1, знайдені в Успенці, Ліновиці, Коровинцях, о. Стариця, Вовчику, Соснові-поселенні, Соколово. Вони походять від типів 12а і 13а, що є імітаціями ранньовізантійських металевих посудин із округлим корпусом. Черняхівські глеки типу 1 дістали біконічну форму тулубу у відповідності з традиціями вельбарської кераміки.

Від типу 1 походять канельовані глеки із середньошироким горлом (тип 6), які трапляються у цьому ж регіоні (Жовнин, Сад, Суми, Боромля, Рідний Край, Огурцово), а також у Правобережному Подніпров'ї (Черняхів, Ромашки, Маслово, Стецівка, Гаврилівка). Крім того, обидва типи на черняхівській території відомі лише у вузькому регіоні румунської Мунтенії (Валахії): тип 1 — Спанцов, Мітрені, Урляска, Могошань; тип 6 — Мітрені.

Подібну географію має «лівобережний» тип триручних ваз — із плоским вінчиком, що має помітний нахил назовні. На Лівобережжі — Успенка, Переяслав, Соснова-могильник, Жовнин; у Подунав'ї вони трапляються в Мунтенії — Ізворул, Могошань, Тиргшор та у румунській Молдові — Себеоань, Заподень.

2. З названих українських комплексів хронологічно визначені Переяслав 5, Успенка 1619 та 1647: фаза 4 за Є. Л. Гороховським, тобто між 350–400 рр. Дунайські комплекси впевнено датуються наступною фазою 5 (після 375.380 р.) за кубками із краплинами синього скла (Могошань 70, Ізворул 15) або за тонкостінним конічним кубком (Мітрені). Логічно буде припустити, що канельовані типи глеків вкупі з «лівобережним» типом ваз виникли у Східній Україні й були перенесені після 375 р. якоюсь групою людей на Дунай. Зіставимо наше припущення з письмовими джерелами.

3. Після рішучих перемог гуннів та їх союзників-алан над царями східних готів-грейтунгів Ерманаріхом (375 р.) та згодом над Вітіміром влада перейшла до опікунів малолітнього Вітеріха — Алатея та Сафракса. Якась частина грейтунгів була уведена ними на Дністер і далі на Дунай (376 р.), у землі західних готів-тервінгів. 9 серпня 378 р. під Адріанополем участь грейтунгської кінноти з загоном алан вирішила перемогу готів над римським військом (Амміан Марцеллін). Далі джерела зазначають, що у 380 р. імператор Граціан оселив грейтунгів у Паннонії в стані федератів.

4. Група грейтунгів Алатея-Сафракса могла мати безпосереднє відношення до Східної України. Цей регіон за своїм географічним положенням першим прийняв удар гуннів і постійно залишався під загрозою кочовиків. Після 375 р. черняхівське населення якщо і не залишило його остаточно, проте сильно скоротилося. Тому тут відсутні чи трапляються значно рідше ніж в інших регіонах хронологічні індикатори фази 5: кубки із краплинами синього скла та конічні, щиткові фібули пізніх варіантів тощо.

Східні переселенці оселилися серед готів-тервінгів на лівому березі Дунаю, де ремісники продовжили виготовлення звичних форм посуду. Серед передислокованих до Паннонії кіннотників також були гончарі: глеки типу 1 знайдено й там.

А. М. Обломский (Москва)

ИТОГИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ ЧЕРНЯХОВСКОГО МОГИЛЬНИКА КОМПАНИЙЦЫ

Исследования могильника у с. Компанийцы (Григоро-Бригадировка) Кобеляцкого р-на Полтавской обл. на протяжении шести лет (1960–1965 гг.) проводила Е. В. Махно. На памятнике раскопано 128 погребений не считая 203 так называемых «захоронений с рассеянными косточками», которые в соответствии со специальным исследованием О. В. Петраускаса могут трактоваться как следы сожжений умерших, совершенные на поверхности почвы.

По лепной керамике и некоторым особенностям погребального обряда на могильнике можно выделить 4 этнокультурных типа погребений. К первому относятся 17 захоронений с вельбарскими лепными сосудами (7, 11, 28, 31, 39, 40, 56, 59, 115, 117, 122, 128, 139, 164, 171, 173, 286). Подавляющее большинство погребений этого типа представляет собой кремации (в урнах и без них) и лишь 4 являются трупоположениями. В девяти случаях из четырнадцати черепки от сосудов как бы закрывают захоронение сверху, то есть перекрывают ту часть могильной ямы, где находятся кальцинированные кости. По наличию этой детали устройства могилы к вельбарскому типу захоронений условно причислены еще 19 погребений (19, 22, 23, 42, 44, 49, 52, 62, 65, 79, 112, 121, 123, 131, 132, 159, 166, 190, 224), из которых происходит либо только гончарная керамика, либо лепная посуда, подражающая гончарной.

Второй тип представлен только одним погребением (89), комплекс инвентаря которого составляют рукоятка от щита, свернутый в трубку меч, наконечник копья, бритва или сильно изогнутый нож, железные обручи и дужка от ведра, бронзовая двущитковая фибула, а также умбон от щита, служивший крышкой для урны с кальцинированными костями. И способ устройства могилы, и набор вещей из этого комплекса имеют аналогии среди многочисленной группы пшеворских погребений с оружием.

К третьему типу относится 9 (55, 69, 78, 82, 83, 118, 120, 124, 162) захоронений с лепными сосудами скифо-сарматской традиции. Подавляющее большинство погребений третьего типа совершено по обряду ингумации с ориентировкой в северном секторе. Урновым трупосожжением является лишь одно захоронение (78). В некоторых погребениях прослеживаются черты погребальной обрядности, которые большинство исследователей считают скифо-сарматскими по происхождению. Так, погр. 124 совершено в яме с подбоем, в погр. 124 и 162 встречены остатки мясной пищи вместе с ножами, у скелета в погр. 120 скрещены ноги.

Четвертый тип представлен тремя захоронениями с лепными сосудами, имеющими аналогии на среднеднепровских памятниках киевской культуры (58, 60, 95). К нему же, вероятно, относится и погр. 2 с двумя Т-образными фибулами круга восточноевропейских украшений с выемчатыми эмалями. Устройство могил с киевскими традициями в инвентаре разнообразно. Три погребения (2, 58, 60) являются ингумациями с ориентировкой двух первых в северном секторе, третьего — в западном, а четвертое (95) оказалось трупосожжением.

Прочие захоронения могильника не имеют этнокультурной специфики. По погребальному обряду и инвентарю они относятся к типам, распространенным по всему ареалу черняховской культуры.

Хронология комплексов всех выделенных этнокультурных традиций (по крайней мере — трех из них, так как пшеворская представлена только одним погребением) весьма неопределенна. Немногочисленные датирующие вещи указывают лишь на то, что погребения каждого этнокультурного типа существовали на разных временных отрезках IV в., а для захоронения с фибулами круга эмалей допустима и более ранняя дата (III в.). Тем не менее традиции, представленные на могильнике, вероятнее всего сосуществовали. На это указывают случаи (не менее шести) смешения в одних и тех же погребениях различных по происхождению элементов.

Весьма показательна также планиграфия могильника. Погребения вельбарской традиции распространены по всей его площади, но наибольшая их концентрация наблюдается в северо-западной и западной частях некрополя. Захоронения со скифо-сарматскими элементами составляют компактную группу в юго-восточной части могильника и лишь два из них находятся в центральной его части. К «скифо-сарматскому» участку с запада примыкают 4 погребения с элементами киевской традиции, которые расположены единым массивом. «Пшеворское» погр. 86 находится на крайнем юге некрополя.

Таким образом, в Компанийцах наблюдается тенденция к концентрации погребений различных этнокультурных традиций на разных участках могильника. Этот факт демонстрирует сложность этнического состава черняховских общин Поднепровья.

Я. І. Онищук (Львів)

ДО ПИТАННЯ ВЗАЄМОВІДНОСИН ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ ТА ВЕЛЬБАРСЬКОЇ КУЛЬТУР НА ПОГРАНИЧЧІ ЗАХІДНОЇ ВОЛИНІ ТА ПОДІЛЛЯ

Дослідження археологічних пам'яток на стиках різних географічних масивів завжди представляло науковий інтерес, оскільки давало можливість простежити взаємозв'язки між різними групами населення, що проживало на них. Одним з таких районів було пограниччя Західної Волині та Поділля у першій половині I тис. н. е.

Волино-Подільське пограниччя є північною та північно-східною межею Подільської височини. Простягаючися смугою більш ніж 200 км від Розточчя до витоків р. Вілії (ліва притока Горині), воно складається з кількох районів: Давидівського плато, Гологір, Вороняків та Кременецького кряжу. Тут пролягає головний європейський вододіл між басейнами Чорного та Балтійського морів, беруть початок головні притоки Дністра та Прип'яті.

Проблеми міжетнічних контактів на Волино-Подільському пограниччі в тій чи іншій мірі розглядалися в археологічній та історичній літературі. На основі досліджень М. Ю. Смішка, В. Д. Барана, Д. Н. Козака та ін. на території Західної Волині і в Придністров'ї було виділено зубрицьку групу пам'яток та споріднений із нею локальний варіант черняхівської культури, носіями яких було етнічно сформоване слов'янське населення.

Етнокультурні процеси, що відбувалися в районі пограниччя та на суміжних із ним територіях в другій чверті I тис. н. е., відзначаються своєю складністю. Наприкінці II ст. з Прибалтики та Нижнього Повісления у Прип'ятське Полісся і Волинь проникають германо-готські племена вельбарської культури. Під їх натиском носії зубрицької групи мігрували у Придністров'я, де додатково увібравши в себе дакійські елементи, у III ст. продовжили свій розвиток в черняхівській культурі.

За визначенням В. Д. Барана, пам'ятки черняхівського типу в Подністров'ї складають локальну групу, позбавлену впливу матеріальної культури готів. Вельбарські племена, рухаючись у Північне Причорномор'я, зіткнулися з місцевим черняхівським населенням в районі Волинської височини (Стрілковичі, Свитязів, Костянець). Археологічні дослідження вказують на їх певні етнокультурні контакти, в результаті яких матеріальна культура як черняхівського, так і вельбарського населення набуває нових взаємозапозичених рис.

Картографування вельбарських пам'яток вказує, що на шляху свого просування на південь готсько-германські племена досягли краю Волинської височини (Ромош, Баїв-II, III, Свитязів, Федорівці, Линів, Загаї-II), звідки повернули в північно-східному напрямі, оминаючи територію Малого Полісся. На сьогоднішній день на просторі, розташованому поміж Подільською та Волинською височинами, не виявлено жодної пам'ятки вельбарської культури. Немає там в основному й черняхівських поселень. Тому твердження Д. Н. Козака, що саме військовий спротив слов'янських племен десь в районі Сокаля Львівської обл. зупинив дальше просування вельбарських племен в Подністров'я, на нашу думку, є дискусійним. Археологічні джерела також не дають нам явних свідчень про військові сутички в цьому регіоні між черняхівськими та вельбарськими племенами.

На нашу думку, основною перешкодою в просуванні гото-германських племен у Подністров'я стали заболочені простори Малополіської рівнини. Повернувши на південний схід вздовж Волинського плато носії вельбарської культури вийшли в районі Кременецьких гір у верхів'я р. Вілії та на Горинь (Віknини Великі, Борсуки, Шумськ, Городок, Уїздці). Очевидно, далі Кременецького кряжу вони так і не змогли просочитися в густо заселені черняхівцями райони Волино-Подільського пограниччя. Археологічні дослідження не засвідчують там їхніх пам'яток.

Дальше просування вельбарських племен відбувалося поетапно в тісних контактах з черняхівським населенням Поділля. Про це свідчать як спільні захоронення в Чесанівському Раковці, Чернелеві Руському, Токах, так і елементи вельбарської матеріальної культури на черняхівських селищах. Рухаючись далі на південь, германо-готи виходять в райони середнього Подністров'я, звідки у другій половині III ст. заселяють простори Подунав'я.

Отже, саме болотисті райони рівнини Малого Полісся змусили племена вельбарської культури повернути на схід, що перешкодило їх проникненню у Верхнє Подністров'я. Саме черняхівські пам'ятки Подністров'я, як вказує В. Д. Баран, складають локальний варіант цієї культури і знаходять пряме продовження в слов'янських старожитностях другої половини I тис. н. е.

В. В. Приймак, В. М. Приймак (Суми), К. С. Сухарєв (Харків)

З ІСТОРІЇ ДНІПРОВСЬКОГО ЛІСОСТЕПОВОГО ЛІВОБЕРЕЖЖЯ СЕРЕДИНИ XIII–XVII ст.

В українській і російській історіографії вже усталилася думка про те, що починаючи з середини XIII ст. лісостепова смуга Дніпровського Лівобережжя вступає в період запустіння, поступово перетворюючись на «дике поле». У працях М. С. Грушевського чимало фактичного матеріалу й зауважень, які дозволяють говорити про особливу позицію історика з даного питання. Його послідовниками зараз є Ф. М. Шабульдо та С. О. Беляєва. В даний час з'явилася можливість комплексно проаналізувати письмові, археологічні та нумізматичні дані XIII–XVII ст.

Свідчення письмових джерел про період між серединою XIII та XVI ст. досить скупі. Можна назвати, зокрема, повідомлення про заснування у 80-х рр. XIII ст. Ахматових слобід біля Курська; до кінця XIV ст. відноситься «Список руських міст далеких і близьких», дещо пізнішим часом датуються ханські ярлики. Всі ці документи далеко не бездоганні, що вже зазначалося їх дослідниками. Але «Список» досі таким не вважався. Проте в переліку міст Подесення названо Ростовець і Унеятин, які літописами згадуються на правому березі Дніпра, у Посуллі не локалізуються Чемесов, Сал, Ворона і Песьї Кості. Два останніх населених пункти знаходилися на Дніпрі чи Правобережжі. Жолваж, названий на Пслі, швидше всього може бути Жовніним (літописні Желні), Нічян — Ніцахою. Бирин і Хотєнь також неточно локалізовано на Сулі й Пслі, за топонімічними даними слід їх шукати в межиріччі обох рік та Сейму. Розташування Городища і Лошиців (Лосичів) не з'ясовано, здогадно їх можна ототожнити із Зеленогайським, Горнальським чи Гочевським комплексами пам'яток на Пслі й Журавненським на Ворсклі відповідно. Беручи до уваги ці неточності «Списка», не можна виключати локалізації Коршеви на Сосні на Семилуцькому городищі. Ситуація, коли цей документ називає не всі міста, була характерною для Московської землі. На Лівобережжі до числа не згаданих ним відноситься Тополянський комплекс, де виявлено об'єкти як XII–XIII ст., так і другої половини XIII – XIV ст.

Пізніше, у 1487–88 рр. названі ярликом та у «Списку» міста згадуються як волості: Бирин, Жолваж, Хотінь, Утішків. Київський князь Семен Олелькович, що у 1455–1470 рр. займав цей стіл, надав боярину Демиду село Чаплища біля Путивля і «землю Терн», де раніше знаходилося місто В'яхань. До кінця XV – поч. XVI ст. відноситься згадка у пом'янику пожертви пов'язаної з Путивлем дружини сотника («хотенского Нельша»), з цим же часом зв'язано існування Глинська на Ворсклі. Письмові свідчення підтверджуються нумізматичними даними. В XIV–XV ст. у басейні р. Сіверський Донець спостерігається концентрація монетних скарбів, а окремі знахідки на цій та прилеглих з північного заходу територіях відомі і в XVI ст. Бортництво, що було одним із основних промислів уходників, потребувало присутності хоча б якоїсь кількості людей для догляду, що засвідчено письмовими джерелами другої половини XVII ст. і етнографічними даними.

Наведені вище дані вказують, що запустіння території зони лісостепу Дніпровського Лівобережжя відбувалося протягом тривалого часу. Крім монголо-татарської навали, відчутними були спустошення 1399 р. і початку XV ст. та, очевидно, кінця XV ст., коли й південні райони Правобережжя також запустіли.

О. М. Приходнюк (Київ)

СКЛАВІНИ

За Йорданом, «Склавени живуть від міста Новіетуна і озера, що називається Мурсіанським, до Данастра, а на півночі до Вісли». Тобто, на сході склавіни межували по Дністру з антами, які «поширюються від Данастра до Данапра», а на півночі вони займали території до Вісли, де в ті часи проживали венеди «починаючи від місця народження ріки Вістули». Місце розташування Мурсіанського озера дозволяє визначити Йордан, який писав, що «Скіфія покордонна з землею Германії аж до того місця, де народжується ріка Істр (Нижній Дунай — О. П.) і простирається Мурсіанське озеро». Початки Істра можна визначити завдяки тому ж Йордану, який вказував, що р. Тізія (Тиса — О. П.) впадає в Данубій, а Флютавзій (Олт — О. П.) — в Істр. Тобто витоки Істра були між Тисою і Олтом. Поблизу від них «простирається Мурсіанське озеро», яке О. Ч. Скржинська ідентифікувала з озером Балатон. Назва Новіетун

найпоширенішою була в Галії та на Півночі Італії, на землях розселення кельтів. Найбільш віддаленими на північ населені пункти з такою назвою були розташовані в Нижній Мезії, вище Правобережжя дельти Дунаю (сучасне м. Ісачка) та Верхній Панонії, на правому березі р. Сави біля м. Любляни. Оскільки з тексту Йордана випливає, що Новіетун розташовувався поблизу Мурсіанського озера, то, найімовірніше, це місто було в поріччі р. Сави.

Склавінське політичне об'єднання було стабільним та політично незалежним, що здійснювало самостійну політику. Згідно з уявленням аварського вождя Баяна, переказаним Менандром, «склавінська земля багата грошима, тому що здавна склавіни грабували римлян... їх же земля не була спустошена іншими народами». Зокрема, в кінці VI ст. н. е. «Еллада була спустошена склавінами, зі всіх сторін нависли над нею бідування». Імперія не в змозі була самостійно справитися з ворогом, тому Тіверій змушений був звернутися до аварів по допомогу в боротьбі із склавінами. Тобто, склавіни на той час не були в союзі з аварами. Навпаки, з ними вони були у ворожих стосунках, до чого спричинила відмова платити данину та розправа з аварськими послами. За даними Менандра, «вождь аварів відправив посольство до Дарвіта і до найвпливовіших князів склавінського роду, вимагаючи, щоб вони підкорилися аварам і зобов'язалися платити данину. Дарвіт із старійшинами склавінськими відповіли на це: «Чи народилася на світ і чи зігрівається сонячним промінням та людина, котра б підкорила собі силу нашу? Не інші нашою землею, а ми чужою звикли володіті. І в цьому ми переконані, поки будуть на світі війни і мечі». Таку зухвалу відповідь дали склавіни: не менш хвалькувато говорили й авари. Потім сталася лайка і взаємні образи і, як притаманно варварам, жорстокими й бундючними словами вони розпалювали чвари. Склавіни, не маючи сил приборкати свій гнів, вбили посланців аварських». Авари охоче відгукнулися на пропозицію імператора Візантії розпочати війну з склавінами, оскільки ті «образили його тим, що не хотять платити йому певної щорічної данини; що вони вбили направлених до них від аварів посланців». На Лівобережжі Дунаю «вони почали не гаючи часу палити поселення склавінів». На жаль, «Історія» Менандра в повному обсязі до нас не дійшла, вціліли лише її фрагменти в творах наступних авторів, тому ми не знаємо, чим скінчилися ці військові дії. Однак вже на початку VII ст. н. е. склавіни втратили самостійність і разом з аварами і гепідами складали якесь загадкове об'єднання «запасних гунів», яких, за свідченням «Літопису» Феофана, в 617 р. персидський цар Хозрой наказав приєднати до свого війська «і з ними йти для облоги Константинополя». Ця остання згадка про склавінів в письмових джерелах засвідчує факт послаблення та втрати самостійності склавінським військово-політичним союзом.

В археологічному відношенні склавінів репрезентує лише частина пам'яток празького типу. Людність, яка представлена празькими старожитностями на Лівобережжі Дністра, входила до антського союзу, а венедське об'єднання складали племена празької культури, що мешкали на північ та на захід від склавінів.

М. С. Сергєєва (Київ)

ЗООМОРФНІ МОТИВИ В ДЕКОРІ ДАВНЬОРУСЬКИХ ВИРОБІВ З КІСТКИ

Серед виробів з кістки, що походять з давньоруських пам'яток лісостепового Придніпров'я, значне місце посідають предмети з різьбленим декором — орнаментом або зооморфними зображеннями. Речі з зооморфним декором (голови або тварини цілком) серед них складають меншу частину, але ідея такого декору побутує протягом X–XIII ст.

Зооморфні зображення завжди мають самостійне значення і ніколи не входять до орнаментальних композицій, хоч і можуть їх доповнювати. Орнамент у власному сенсі завжди базується на геометричних або рослинних елементах.

Зображення тварин виконувалися частіш за все в техніці об'ємної різьби, також відомо окремі приклади рельєфної та контурної різьби. Найпоширенішими є об'ємні голови тварин або пгахів як завершення предметів різного функціонального призначення (насамперед це руків'я канчуків та дзеркал, вуховертки, прикраси та амулети). Серед них є як реалістичні, так і стилізовані. Перші побутують протягом всієї давньоруської доби, другі з'являються у другій половині XI ст. Контурною та рельєфною різьбою виконувались як голови, так і фігури тварин цілком.

Найчастіше зображувалися хижі звіри (реальні та фантастичні). Птахи — різноманітні, всі реальні — сова, качка, півень тощо.

Серед речей з зооморфним декором тільки вуховертки належать до предметів масового вжитку, які виготовлялись на продаж. З цим, можливо, пов'язано спрощення та стилізація зображень. Всі інші речі — індивідуальні й виготовлялись, скоріш за все, на замовлення. Для речей масового вжитку більш притаманним є геометричний декор.

Кістяні вироби з зооморфним декором з'являються у побуті населення давньоруських міст починаючи з X ст., нема підстав виводити традицію їх виготовлення з ранніх часів. Незважаючи на те, що зображення у скіфському звіриному стилі використовувались для декорування предметів з кістки за добу раннього заліза, пізніше популярність зооморфних мотивів зменшується. Для раннього середньовіч-

чя відомо лише поодинокі речі з декором такого типу, причому вони не пов'язані безпосередньо зі слов'янами, для яких різьблена кістка не є характерною. Поява речей з зооморфним декором на Русі обумовлена загальноєвропейським відрожденням звіриного стилю і становленням починаючи з X ст. власного давньоруського косторізного ремесла як професійної галузі. Для його продукції характерним є декор, який базується на загальноєвропейських (і ширше — на євразійських) орнаментальних сюжетах.

У більшості випадків основним призначенням зооморфних зображень на виробах з кістки (як і декору взагалі) навряд чи було магіко-ритуальне. Виходячи з загального напрямку міської середньовічної культури, насамперед дружинної, з якою пов'язано багато таких речей, можна припустити, що на перше місце в таких зображеннях виходить їх символізм і відображення уявлень про репрезентативність. У зв'язку з цим підкреслимо віддання переваги хижим звірам. Проте магічна сутність істот, що зображувались, також могла враховуватися, принаймні підсвідомо. Особливо це стосується речей, які могли мати певну ритуальну значимість (дзеркала, ікла-«амулети» тощо, хоч останні, як і перші, виконували одночасно й якісь суто практичні функції). Такі погляди на речі довше могли утримуватися у масовому середовищі, у тому числі й серед городян, які продовжували зберігати багато рис архаїчного світогляду.

Л. Є. Скиба (Київ)

НОВА ПАМ'ЯТКА ЗАРУБИНЕЦЬКОЇ КУЛЬТУРИ

Перші матеріали зарубинецької культури з території Києва стали відомі ще на початку XX століття завдяки розкопкам В. В. Хвойки. Подальші дослідження території міста та його околиць дозволило відкрити та вивчити цілий ряд пам'яток цього часу. Серед поховальних пам'яток найбільшими є Корчуватівський та Пирогівський могильники, що розташовані на південній околиці Києва.

В 1991 р. на території санаторію «Хутір Вільни» Т. А. Бобровським при дослідженні печер Гнилецького монастиря було виявлено матеріали зарубинецької культури. За попередніми даними він розглядав цю пам'ятку як поселення.

Проведені автором стаціонарні дослідження дозволили встановити, що це могильник зарубинецької культури. Він знаходиться на південній околиці Києва, на 400 м південніше Пирогівського могильника. Пам'ятка розташована на останці третьої надпойменої тераси Дніпра. Останець з півночі та півдня обмежений глибокими балками. Висота останця відносно дна балок: 20 м з південного боку та 50 м — з північного. Розмір тераси 30 х 50 м. Досліджувалася центральна частина тераси, не зайнята деревами.

На могильнику було виявлено і досліджено чотири поховання, виконаних за обрядом кремації. У трьох випадках могильні ями мали витягнуту форму і були орієнтовані за лінією північний захід — південний схід. Могильна яма поховання 4 була округлої форми. Її діаметр становив 0,84 м. Дно могил знаходилося практично на одній глибині — 0,4 м, трохи глибшим було лише поховання 4. Кальцинованих кісток у всіх похованнях було небагато. Вони були дрібні, добре перепалені. В похованнях кальциновані кістки розташовувалися в протилежному від кераміки напрямку. Двічі (поховання 1, 2) кальциновані кістки знаходилися західніше поховального інвентаря. Таке розміщення решток померлого не типове для Середньої Наддніпрянщини, хоча певна кількість таких поховань зустрічається на всіх могильниках. В похованні 4 кістки зустрічалися на всій площі.

Поховальний інвентар був присутнім в трьох похованнях (1-3). В похованні 1 знаходився фрагментований горщик та кухоль, що стояв у мисці. Миска та кухоль чорнолощені, якісного виготовлення. З поховання 2 походять фрагментований горщик та кухоль. В похованні 3 виявлено лише нижню частину горщика. Для могильників зарубинецької культури не характерне використання битого посуду. Фрагментарність горщиків на цьому могильнику, можливо, пояснюється невеликою глибиною могил. В похованнях 1 та 2 виявлено рештки жертовної їжі — кістки вівці (кози) та свині.

Очевидно, залишками зруйнованого поховання можуть бути й об'єкти, виявлені Т. А. Бобровським при шурфовці, де зустрічалися перепалені кістки, кістки тварин, розвал чорнолощеної миски і фрагменти посуду з шорсткою поверхнею.

Південніше основного розкопу вдалося дослідити яму, яка за конструкцією, характером заповнення мала якесь виробниче призначення. В плані її форма близька до овальної (1,5 х 1,63 м). Глибина ями — 1,3 м, дно рівне. В південній частині ями з самого верху йде щільний шар печини (12-15 см), нижче — фрагменти груболіпної та чорнолощеної кераміки, фрагменти шлаків. Шар з керамікою дуже насичений вугіллям. Нижче залягала суцільна горіла плаха довжиною 0,95 м. Залишки вугілля — лише в південній частині, решта заповнення — гумусований лес.

За матеріалами могильник можна датувати рубежем нової ери. Більш вузьку дату встановити неможливо через відсутність фібул.

Г. Ю. Стародубцев (Курск)

ЯНТАРЬ: ДРЕВНИЕ ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ В КУРСКОЕ ПОСЕЙМЬЕ

Янтарь известен человеку с эпохи палеолита, став одним из самых популярных поделочных камней. Поэтому вполне естественны находки изделий из янтаря при исследовании археологических памятников. Он представляет собой ископаемую смолу, прозрачную или непрозрачную, которая в процессе фоссилизации утратила большую часть летучих компонентов. По своей кристаллографической системе является аморфным веществом, которое может содержать кристаллические фазы. Средний химический состав различен. Однако необходимо отметить, что соотношения между отдельными элементами подвержены колебаниям. Они непостоянны не только для янтаря одного месторождения, но даже для одного куска. Непостоянство состава не позволяет относить янтарь к минералам. Он может быть бесцветным, бледно-желтым, от цвета сахарного сиропа до насыщенного цвета «хереса», бледно-алым, ярко-красным, от густо-красного до почти черного. Цвет зависит от того, какие минеральные включения повлияли на окраску самоцвета.

На территории Курского Посеймья самые ранние находки из янтаря относятся к раннему железному веку. В 1957 г. при раскопках городища Кузина Гора (А. Е. Алихова) обнаружена янтарная бусина. Анализ химического состава дал следующие результаты (в %): углерод — 81,65, водород — 9,65, кислород — 7,55, сера — 1,15. В 1961 г. на этом же городище обнаружена еще одна янтарная бусина, имеющая химический состав, значительно отличающийся от предыдущей находки (в %): углерод — 78,65, водород — 10,5, кислород — 10,45, сера — 0,4. При сопоставлении с таблицей химических составов различных разновидностей янтаря выясняется, что первая бусина изготовлена из янтаря, добытого в месторождении около Бузэу (Румыния), или румэнита, а вторая — из балтийского янтаря, или сукцинита. При этом необходимо учитывать, что янтари, извлеченные при раскопках археологических памятников, имеют спектры с несколько уменьшенным количеством связей C = O. Эти изменения происходят с янтарем в процессе выветривания.

Исходя из изложенного можно полагать, что сырье для бус в Курское Посеймье поступало из двух источников. Во-первых, через ближайших соседей скифоидного населения лесостепи из Юго-Восточной Европы. В. Г. Петренко указывает, что эти связи функционировали в VII–V вв. до н. э. Во-вторых, в ходе движения янтаря с восточных берегов Балтики по Висле, Бугу, Припяти, Днепру.

В то же время функционировали промыслы по добыче янтаря на побережье Днепра. Однако находки изделий из украинского янтаря на рассматриваемой территории в настоящее время не известны.

В IV в. до н. э. по ряду причин торговые связи с Прибалтикой были прерваны и возобновились лишь в I–II вв. н. э. Миграция народов и частые войны в III–VIII вв. вновь привели к сокращению янтарной торговли. В IX–XI вв. возникают новые торговые пути, по которым этот самоцвет доставлялся на Русь. Как считают исследователи, таких путей было три.

Первый проходил по Висле, Сану, Днестру и заканчивался у Черного моря. Второй путь, проходящий по Неве и через Днепр, связывал Балтийское море с Византией. Третий путь шел из Балтики по Неману, а затем по притокам Днепра и Днепру до Черного моря — путь «из варяг в греки».

Попав на Русь, янтарь обрабатывался в ювелирных мастерских, известных по раскопкам Новгорода, старой Рязани, Киева. Вероятно, в одной из таких мастерских, обнаруженной в Киеве в 1938 г. на территории Михайловского монастыря М. К. Каргер, были изготовлены бусы, найденные во время раскопок Гочевского городища (Б. А. Рыбаков) в 1937, 1939 гг. Средний химический состав этих бусин (в %): углерод — 78,6, водород — 10,4, кислород — 10,55, сера — 0,45 — говорит о том, что сырьем для бус послужил сукцинит. Некоторое увеличение доли кислорода в самоцвете объясняется тем, что содержание этого компонента увеличивается, а остальных уменьшается в процессе выветривания, которому подвергаются в большей или меньшей степени в зависимости от условий залегания и характера почв все изделия из янтаря, обнаруживаемые в ходе раскопок.

Именно поэтому часто бусины покрыты сверху коркой окисления, при осыпании которой новая обнаженная поверхность претерпевает аналогичные изменения. Этот процесс в значительной степени замедляется, если янтарь хранится в условиях постоянной темноты и влажной среды, не подверженной резким колебаниям температурно-влажностного режима.

Практически ничего не известно об использовании янтаря на Руси в XIII–XIV вв. Вероятно, торговые связи были прерваны монголо-татарским вторжением на территорию Киевской Руси.

Р. В. Терпиловський (Київ)

ПРО ХАРАКТЕР ПАМ'ЯТОК КОЛОЧИНСЬКОЇ КУЛЬТУРИ ЧЕРНІГІВСЬКОГО ПОДЕСЕННЯ

1. Пам'ятки ранньосередньовічної колочинської культури на території України досліджено головним чином у Новгород-Сіверському і Чернігівському Подесенні. В останньому регіоні їх зафіксовано значно менше, ніж старожитностей київської культури попереднього часу. Відносно виразні матеріали дали розкопки п'яти поселень, під час яких досліджено житло на поселенні Рівчак (с. Макішин) на р. Снов, чотири споруди на поселеннях Вигори 1 і 2 (с. Деснянка) на р. Білоус, два житла у Роїщі та три у Олександрівці на р. Стрижень.

2. Окремо від інших стоїть поселення Вигори 2. За сполученням двох споруд, долівка яких майже не заглиблена у материк, та звичайної для Подесення напівземлянки пам'ятка близька до пізньокиївського горизонту Олександрівки. З іншого боку, керамічний комплекс, в якому значно переважають слабопрофільовані горщики, подібний до посуду іншої пізньокиївської групи — пам'яток типу Улянівка. Як вважає А. М. Обломський, який здійснив порівняльний аналіз посуду, обидві групи стали основою колочинських старожитностей не лише Подесення, але й Середнього Посейм'я і лісостепової Сумщини. До тієї ж традиції, що і Вигори 2, можна віднести такі ранньоколочинські пам'ятки середини — другої половини V ст. як Заяр'я, Пересипки I, Курган-Азак, Піщане.

3. Поселення Рівчак, Вигори 1, Роїще та Олександрівка, очевидно, належать до більш пізнього часу — VI–VII ст. На багатошарових поселеннях Роїще та Олександрівка колочинські житла розташовані поверх ям київської культури. Ймовірно, в час їх існування площа пам'ятки вже не мала слідів об'єктів другої половини IV – першої половини V ст. Ці пам'ятки практично не відрізняються між собою за високими біконічними пряслицями (у Вигорах 2 вони інші — низькі, з великим отвором, тобто подібні до київських) та за житлобудівництвом. Всі будівлі представлено квадратними напівземлянками стовпової або зрубної конструкції як з центральним стовпом, так і без нього. У середній частині деяких споруд помітні сліди вогнища на долівці або у ямці.

4. Проте кераміка цих пам'яток досить різна. Роїще має певні риси пеньківської культури у вигляді опуклобоких приземкуватих горщиків. У Олександрівці усі колочинські житла містили переважно банкоподібні та опуклобокі посудини з максимальним розширенням у верхній частині, що нагадує кераміку празької культури. На поселенні Вигори 1 і, можливо, Рівчак знайдено слабопрофільовану кераміку, типову для Верхнього Подніпров'я.

5. Таким чином, Чернігівське Подесення, що було найбільш південно-західним регіоном ареалу колочинської культури, протягом VI–VII ст. зазнавало впливів, що йшли не лише з колочинського епіцентру, але й з території сусідніх слов'янських культур — з півдня (пеньківська культура) та заходу (празька). Однак, на Чернігівщину, очевидно, переселялися відносно невеликі групи носіїв цих культур (слов'ян і антів), оскільки корінної зміни характеру місцевих старожитностей до рубежу VII/VIII ст. не спостерігається.

Н. А. Тихомиров (Курск)

ИССЛЕДОВАНИЯ СУДЖАНСКОГО РАННЕСЛАВЯНСКОГО МИКРОРЕГИОНА

Бассейн верхнего течения р. Псел, один из участков Днепровского Левобережья, представляет большой интерес при изучении культурно-генетических процессов в раннеславянской среде. В связи с этим памятники I тыс. н. э. окрестностей г. Суджи Курской области давно привлекают внимание археологов.

Нижнее и среднее течение р. Суджи в геоморфологическом отношении характеризуется тем, что здесь сливаются несколько рек, образуя в районе с. Казачья Локня на севере и с. Плехово на юге обширную пойму. Наличие при этом хорошо выраженных террас, мысов коренных берегов создало условия для активного освоения данной территории в древние времена. Этому способствовали и легкие песчаные почвы поймы, а также черноземы водоразделов и террас.

Э. А. Сымонович в 1961 г. проводил здесь разведки с целью определения северной границы черняховской культуры. Е. А. Горюнов посвятил исследованиям в районе Суджи несколько лет. Он зафиксировал несколько памятников второй половины I тыс. н. э. и провел раскопки поселения у с. Казачья Локня, где обнаружил материалы I–III вв. Курский археолог и краевед Ю. А. Липкинг обнаружил в Суджанском районе значительную часть известных сегодня памятников и раскопал могильники на Замощанской дюне и у хут. Княжий. Большой вклад в исследования данной территории в конце 80 – начале 90-х годов внес А. В. Кашкин, который провел ряд разведок и систематизировал их результаты.

Проведенные исследования показали, что данная территория интересна прежде всего тем, что здесь располагается довольно компактный, но хорошо насыщенный памятниками раннеславянский микрорегион. Поэтому наши работы 1995 г., связанные с выполнением программы «Наследие», были сосре-

доточены в окрестностях г. Суджи, где проведены разведка на площади в 320 кв. км и раскопки на Замощанской дюне и у хут. Княжий 1.

Замощанская дюна полностью уничтожена карьером. В раскопе на небольшом сохранившемся ее участке обнаружена киевская и черняховская керамика. При раскопках на поселении Княжий 5 были получены материалы второй половины VII в. Этот объект интересен еще и тем, что на этой же дюне располагался Княжинский могильник. Таким образом, мы имеем дело с синхронным комплексом «поселение — могильник».

Интересные материалы получены в результате разведок. Из 76 обследованных памятников 27 относятся к I тыс. н. э. Их картографирование по культурно-хронологическому принципу выявило ряд закономерностей.

1. Поселения и могильники I тыс. н. э. объединились в довольно компактную группу, расположенную в основном в пойме р. Суджа, на участке между с. Казачья Локня на севере и с. Черкасская Канопелька на юге. В пойме р. Псел, несмотря на сходство геоморфологии, таких памятников не зафиксировано.

2. В расположении объектов второй четверти I тыс. н. э. выявилось, что черняховские поселения располагались по периферии и в отдалении от компактной группы киевских объектов.

3. Памятники колочинского времени, находящиеся там же, где и киевские, расположились еще более компактно и заняли несколько меньшую территорию.

4. В роменское время микрорегион «рассеивается» и перемещается, видимо, в район с. Горналь.

Работы Суджанской экспедиции по исследованию данного микрорегиона планируется продолжить. Они тем более необходимы, что многие из известных памятников продолжают разрушаться.

Л. О. Циндровська (Київ)

ПІЗНЬОЗАРУБИНЕЦЬКІ ПОХОВАННЯ НА СЕРЕДНЬОМУ ПОДНІПРОВ'Ї

На території, яка охоплює Київську та Черкаську області, на даний час нараховується близько півтора десятки могильників, що містять, крім класичних зарубинецьких, поховання пізньозарубинецького часу, тобто датуються першою чвертю I тис. н. е. Частина цих могильників розкопана повністю, або майже повністю. Це, зокрема, Корчуватівський та Пирогівський — на південній околиці Києва, Дівич Гора (с. Трипілля) та Вишеньки в Київській обл., Дідов Шпиль (с. Бучаки) на Канівщині Черкаської обл. та ін. Окремі пам'ятки досліджено частково. Серед таких — могильники біля с. Таценки в Київській обл., с. Григорівка, Суботів Черкаської обл. та ін.

Всього на 14 могильниках, матеріали яких опубліковано, виявлено близько півтисячі пізньозарубинецьких поховань. На території могильника вказані поховання взагалі розташовувалися без будь-якої певної системи, а в окремих випадках (Дівич Гора) — на периферії. Могильні ями підпрямокутної або овальної форми, орієнтовані в переважній більшості по лінії схід-захід. Поховальний обряд — тілоспалення, за виключенням кількох поховань на Дідовому Шпилі, виконаних за обрядом тілопокладення. В інвентарних похованнях перепалені кістки знаходились переважно в східній частині ями, а супроводжуючий посуд — в західній. Однією з характерних ознак пізньозарубинецького періоду є зростання кількості урнових поховань. Так, на Суботівському могильнику всі дев'ять поховань були урновими, а серед пізньозарубинецьких поховань на Дівич Горі — майже половина урнового та змішаного типів.

Хронологічне визначення поховань можливе лише при наявності супроводжуючого поховального інвентаря, який в більшості випадків представлено керамічним посудом: горщиками, мисками, кухлями. Переважно як інвентар використовувалася чорнолощена (столова) кераміка, хоча для вказаного періоду характерне збільшення кількості грубого кухонного посуду в похованнях. Останній представлено великими горщиками-корчагами, які в окремих випадках слугували урнами (Дівич Гора), невеликими, грубо зліпленими посудинками-горщиками та мисками-плошками конічної форми на високій порожнистій ніжці (Григорівка, Дідов Шпиль). За типолого-технологічними ознаками (форма, склад глиняного тіста тощо) посуд із поховань відноситься до пізньозарубинецького часу.

Хронологічні характеристики посуду підтверджено в ряді випадків іншими предметами, знайденими в похованнях. Це — різноманітні прикраси (бронзові та залізні фібули, перстні, шпильки, браслети, намистини), а також знаряддя праці (пряслиця, ножі). Досить численні знахідки фібул, які і є основним датуючим матеріалом для поховань. Це фібули так званого «воїнського» та деяких інших типів ранньоримського часу (Пирогів, Зарубинці, Дівич Гора, Таценки), гостропрофільовані західних типів з кнопкою на кінці ніжки (Ржищів, Суботів, Григорівка), з серії прогнутих підв'язних (Дівич Гора) тощо. Хронологічно вони охоплюють I–II ст. н. е.

ИСТОРИЯ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ

О. А. Болдецкая (Харьков)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ОБ ОБРАЗЕ «МЫ»

Харьковский регион, как и Слободская Украина в целом,— полиэтничное образование. По данным переписи населения 1989 г., здесь проживают представители более 16 национальностей. Наиболее многочисленные группы образуют украинцы — 63,1% и русские — 33,4. Анализ исторических и статистических источников (наиболее ранний из которых относится к концу XVII в.) позволяет утверждать, что на всех исторических этапах особенностью этнической структуры Харьковского региона было преобладание в ней двух наиболее многочисленных этнических групп — украинцев и русских.

Длительное совместное проживание этих двух этнических групп оказало существенное влияние на развитие духовной культуры, формирование этнического и регионального самосознания. В этом процессе важную роль играет и географический фактор. Для Харьковского региона, как территории украинско-русского пограничья, характерны взаимодействие и взаимовлияние двух культур — украинской и русской. Своеобразная этнокультурная ситуация данного региона оказывает непосредственное влияние на этнические процессы и, в первую очередь, на основные компоненты этноса — этническое самосознание и язык. В этом плане интересны материалы этнографических экспедиций, которые выявили наличие элементов украинской и русской культуры в самосознании жителей украинско-русского пограничья, что иногда приводило к затруднениям в определении ими собственной национальной принадлежности. Явления взаимовлияния двух культур зафиксированы также и в быту, традициях и обычаях. Взаимодействие между украинцами и русскими отразилось на формировании местных говоров и языковой ситуации в целом, а также на формировании определенных представлений друг о друге.

Последнее ярко подтверждается материалами проведенного автором в 1995 г. социологического исследования в Харькове и области. Изучая мнения респондентов относительно степени близости украинцев и русских, мы получили интересные результаты, которые позволили сделать вывод о том, что региональный фактор непосредственно влияет на формирование представлений живущих здесь украинцев и русских друг о друге как о «своих». Респондентам предлагалось проранжировать по критерию «большее-меньшее их отличие» от: а) украинцев и русских, проживающих в Харьковском регионе; б) украинцев, проживающих в западных областях Украины; в) русских, проживающих в Украине; г) русских, проживающих в центральной части России (цифра «1» при этом означала наименьшее отличие, а цифра «6» — наибольшее). При обработке полученных материалов вычислялся индекс, который нами был обозначен как «индекс отличия», наименьшее цифровое значение которого соответствует меньшему отличию, и, следовательно, большей близости. Так, выяснилось, что среди жителей украинско-русского пограничья украинцы считают, что: менее всего от них отличаются русские, проживающие в Украине (индекс — 1,7), более — русские центральной России (3,8), украинцы западных областей Украины (3,6) и украинцы, живущие в России (2,8); русские же испытывают большую близость с проживающими совместно с ними украинцами (1,3) и русскими Украины (1,6) и сильнее ощущают разницу между собой и украинцами западных областей Украины (4,4) и русскими, проживающими в центральной части России (2,8).

Этнокультурная ситуация, сложившаяся в украинско-русском пограничье, имеет определенные особенности, главная из которых, на наш взгляд, заключается в том, что наличие двух культур — украинской и русской — создает предпосылки для восприятия украинцами и русскими друг друга как «своего другого», то есть этническая толерантность закладывается как характерная черта ментальности.

В. І. Бутенко (Харків)

ШКОЛА НА ХАРКІВЩИНІ (20-і роки XX століття)

Розвиток школи зазначеного періоду — процес важкий і складний, зі своїми пошуками, здобутками, прорахунками. Новітня історія України вимагала становлення відповідної системи освіти, і школи зокрема. Серед основних завдань школи — охоплення навчанням дітей шкільного віку, реалізація освітянських концепцій українського суспільства.

В умовах голоду стан школи став катастрофічним. Місяцями педагоги не отримували заробітну плату, голодували, залишали роботу, шукаючи інших заробітків в державних установах, де був фіксований пайок. В Харківській губернії в 1921 р. дітей шкільного віку було близько 500 тис., а поза школою знаходилося 367 тис.

З 1921 р. уряд тимчасово зняв школи з державного бюджету і перевів їх на місцевий бюджет. Вводилися тимчасово різні повинності та податки на освіту — грошові, продовольчі, паливні. Частина шкіл і вчителів при них переводилися на утримання населення.

Шукаючи вихід із скрути, Харківський губвиконком видав постанову від 12 серпня 1922 р. про введення плати за навчання. В 1924 р. в Харківській губернії навчалося тільки 30,9% дітей, гіршим був стан тільки в Одеській (26,8%) та Подільській (26%) губерніях. Працювало 998 трудових шкіл з 126 452 учнями в них, що було значно менше, ніж в дореволюційні роки. Пояснювалося таке становище в Харківській губернії тим, що тут було багато сільського населення, де значний відсоток бідноти не мав коштів навіть на одяг і взуття.

Переведення шкіл на самоокупність мало і такі негативні наслідки, як злиття через брак коштів невеликих шкіл або їх ліквідація, закриття п'ятих, шостих, а іноді і четвертих класів, щоб таким чином зменшити витрати на освіту.

Досить незначною залишалася кількість дітей, що навчалися в старших класах, оскільки після закінчення чотирирічної школи вони йшли в школи ФЗУ, на різні курси масових професій або ж полишали навчання назавжди. В Харківській окрузі в 1929 р. лише 23,3% дітей віком 12-14 років навчалися в школі.

Окремо створювалися програми для сільської і міської школи. Для сільських шкіл — орієнтація на вивчення сільськогосподарського виробництва; для міських — програми комунально-кооперативно-індустріального характеру. Незабаром з різної орієнтації шкільних програм виділилися такі типи трудової школи:

1) для села — семирічка, агрономізована школа, школа селянської молоді;

2) для міста — семирічка, індустріалізована школа, фабрично-заводська школа.

До кращих сторін в роботі шкіл Харківщини слід віднести відсутність жорсткої регламентації, можливість вчителю вносити щось своє, нове. Але поруч мали місце велика завантаженість і вчителів, і учнів громадською роботою. Діти також постійно залучалися до праці на виробництві, особливо на селі. Через це навчальний рік в сільських школах починався не з 1 вересня, а пізніше. Так, в сільських школах Харківщини у вересні починали навчальний рік відповідно 66,5% дітей, в жовтні — 30,6%, в листопаді — 2,4%, в грудні — 0,5%. Аналогічне становище створювалося й навесні.

Українізація школи стала ще одним здобутком освітянської політики 20-х років. На початковому етапі українізації школи вдавалися до компромісів і відкривали змішані класи, де викладання велося частково російською та більше — українською мовами. Таких шкіл, наприклад на початку 1924 р., в Харківській губернії було 49,2%. На кінець 20-х років українські школи становили вже понад 80% всіх шкіл, російські — 11,6%, решта — всі інші національні школи. Це стало підсумком виваженої і цілеспрямованої національної політики в Україні. Період 20-х років став важливим рубежем в розвитку школи на Харківщині: було створено нові типи шкіл, збільшено їх кількість і чисельність дітей в них, розгорнулися пошуки нових принципів навчального процесу, відбулося становлення національної школи.

І. В. Козюра (Лубни)

РОЗВИТОК ІСТОРИКО-КРАЄЗНАВЧИХ ДОСЛІДЖЕНЬ НА ПОЛТАВЩИНІ В 20-і РОКИ XX ст.

1. На початку 20-х рр. на Полтавщині виникла мережа комітетів охорони пам'яток мистецтва і старовини (КОПМИСів), які започаткували вивчення історико-культурної спадщини, музейне та архівне будівництво, стимулювали зародження нових форм організації краєзнавчого руху:

— активну роботу розгорнули Лубенський, Лохвицький, Кобеляцький, Миргородський повітові КОПМИСи, зусиллями яких лише в 1919 р. було взято на облік 39 834 пам'ятки та перевезено до музеїв 12 605 експонатів і матеріалів;

— було врятовано від руйнування садиби Муравйових-Апостолів у Хомутці, Гоголів-Яновських — у Сорочинцях та Василівці, архітектурний ансамбль Мгарського Спасо-Преображенського монастиря під Лубнами, десятки інших історичних пам'яток;

— у складі КОПМИСів активну пам'яткоохоронну, дослідницьку та пропагандистську роботу про-

водили видатні вчені та дослідники краю В. Щербаківський, Г. Стеллецький, М. Павлов-Сільванський, М. Астряб, О. Сластіон, К. Мощенко, Я. Рудинський, В. Щепотьєв;

— на засіданнях комітетів заслуховувалися наукові доповіді і реферати з історії краю. Так, на засіданнях Лубенського КОПМИСу у 1920 р. було заслухано 18 цікавих доповідей.

2. Важливими краєзнавчими осередками стали місцеві музеї, в яких було зосереджено значні наукові сили. Вони плідно вивчали археологічні старожитності регіону, збирали фольклорно-етнографічні матеріали, займалися охороною пам'яток старовини:

— в 20-і рр. на Полтавщині діяли Полтавський, Лубенський, Хорольський, Миргородський, Роменський, Прилуцький, Чорнухинський краєзнавчі музеї, а також меморіальний музей М. Гоголя у В. Сорочинцях;

— значні наукові результати принесли археологічні розкопки, проведені співробітниками Полтавського краєзнавчого музею М. Рудинським, В. Щербаківським, І. Гавриленком, О. Тахтаєм та Я. Риженком у Поворсклі та Пооpеллі, на Лохвиччині та Лубенщині;

— краєзнавчі музеї Полтавщини в 20-і рр. славилися чудовими етнографічними колекціями, умілою організацією роботи зі збору етнографічного та фольклорного матеріалу. Понад 1000 експонатів налічувала колекція пам'яток українського народного мистецтва Полтавського краєзнавчого музею, зібрана К. Мощенком;

— успіхові розвитку музейної справи на Полтавщині в 20-і рр. сприяло тісне співробітництво полтавських краєзнавців з провідними науково-дослідними центрами України того часу. Так, спільно з Музеєм українського мистецтва, очолюваним С. А. Таранушенком, було проведено комплексні науково-дослідні експедиції до Опішні, Миргороду, Прилук, Кременчуцького та Золотоніського повітів;

— заслуговує на увагу і видавнича діяльність музеїв. Наприклад, науковцями Полтавського краєзнавчого музею було підготовлено до друку і видано в 1927-1928 рр. ряд великих за обсягом краєзнавчих збірок, серед них — «Посібник для вивчення Полтавської губернії» К. Лісовської, «Екскурсійний довідник по Полтаві і Полтавській окрузі» О. Риженка.

3. Значну роль у розвитку історичного краєзнавства відіграли архівні установи. Їх співробітники виявили, опрацювали і запровадили у науковий обіг велику кількість джерел з історії Полтавщини XVII–XX ст.;

— завдяки зусиллям архівістів було врятовано архіви В. Кочубея, М. Рєпніна, Муравйових-Апостолів, К. Скаржинської, Полтавського губернського правління, окружного суду та інших дореволюційних установ губернії;

— тільки за травень 1925 р. до обласного архіву надійшло 2074 фонди, в округах було взято на облік 1989 фондів;

— підсумки своїх досліджень провідні архівісти Полтавщини В. Пархоменко, П. Клепацький, К. Козубенко, Н. Мірза-Акваянц, В. Щепотьєв публікували у вигляді численних праць, повідомлень і статей у збірниках ВУАН.

Н. С. Мартемьянова (Харьков)

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ХАРЬКОВЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Одним из проявлений прогрессивных тенденций в развитии науки и образования в Украине в XIX — начале XX в. явилось повышение интереса общественности к наследию прошлого, коллекционированию и изучению культурных ценностей, что привело к созданию в ряде центров, в частности в Харькове, различных музейных учреждений.

Важное место в истории музейного строительства в Харькове занимает основание в 1805 г. Харьковского университета и создание при нем в 1807 г. кабинета редкостей. В нем были собраны коллекции памятников природы, истории, искусства, поступивших в результате случайных сборов, пожертвований, а также приобретенных на средства университета. В 1835 г. на основе отдельно существовавших до этого кабинетов редкостей, рисования и живописи, мюнцкабинета был организован Музей изящных искусств и древностей.

Коллекции университетских музеев использовались в основном в учебных и научных целях и были недоступны подавляющему большинству харьковчан и приезжих. Между тем, со временем возникает потребность в создании музеев нового типа — просветительского, обучающего характера, постоянно открытых и доступных для публики. Именно таким учреждением стал основанный в 1886 г. Харьковский городской художественно-промышленный музей — первый общедоступный городской музей в Украине.

Характерной особенностью практически всех дореволюционных музеев Харькова являлось то, что создавались они, как правило, по инициативе и при активном участии передовой интеллигенции, общественных и научных организаций. Финансовую помощь музеям оказывали лишь местные органы самоуправления, в то время как государство в материальном отношении их фактически не поддерживало, что, естественно, негативно сказывалось на музейной работе.

Кардинальные изменения в социально-политической обстановке, наступившие в результате событий 1917 г., стимулировали появление новых тенденций в музейном строительстве. Впервые оно становится прерогативой государства, которое приступает к раз-

работке законодательных основ музейной деятельности, формированию специальных органов государственного управления музейными учреждениями. Соответствующие управленческие структуры возникают и в Харькове, где, при активном участии различных организаций, ими была развернута многогранная деятельность по созданию новых музеев. Результатом этой работы явилось образование в городе уже в 1920 г. художественно-исторического и церковно-исторического музеев, музея детского творчества, основание в 1923 г. Музея революции УССР.

Качественно новые черты проявились в 20-е годы и в самой работе харьковских музеев: началась реэкспозиция, выставки и экспозиции стали составлять на основе принципиально новых, в частности историко-бытовых, тематических, принципов, более активно разрабатывались различные теоретические аспекты музееведения, по существу, закладывались основы теории и методики экспозиционной и экскурсионной работы. К сожалению, эти очевидные достижения в сфере музейного строительства в скором времени стали тормозиться теми негативными тенденциями, которые уже со второй половины 20-х годов начали все более отчетливо проявляться в общественно-политической и культурной жизни советского государства.

С. О. Наумов (Харків)

НЕЛЕГАЛЬНІ УКРАЇНСЬКІ ГУРТКИ В ХАРКІВСЬКОМУ УНІВЕРСИТЕТІ (1914–1917 рр.)

Конспіративна робота національно свідомих українців в університеті не припинялась і в умовах найжорстокішого переслідування українства напередодні й у роки першої світової війни.

В 1913 — на початку 1914 рр. активізувалась Українська студентська громада університету. В її діяльності поряд з легальними культурницькими формами посилилися політичні тенденції, орієнтація на цілеспрямоване виховання борців за національне визволення. О. Синявський, Д. Соловей, М. Плевако, О. Соколовський входили до складу загальноміської ради УСГ. На 25-26 лютого 1914 р., у зв'язку з роковинами Т. Г. Шевченка, студенти планували акції протесту, демонстрацію під жовто-синім прапором. Та поліція випередила їх, провівши напередодні серію обшуків і арештів. Громада змушена була згорнути свою діяльність.

Натомість з'явились інші осередки. У лютому утворилася міжвузівська група федералістів, що об'єднувала українців та євреїв. Університет у ній представляли О. Мицюк, А. Заливчий, В. Меллер та ін. Одна з відозв групи — «До жителів Слобідської (Харківської) України» (жовтень 1914 р.) — розповідала про ганебні дії російської адміністрації в окупованій Східній Галичині, закликала відмовити уряду й армії в підтримці. В кінці 1914 р. було створено міжпартійне студентське об'єднання — Український соціалістичний колектив. До його складу входили члени УСДРП й УПСР, зокрема, М. Петренко, А. Заливчий, В. Глуходід. Гурток видав листівку «З селянського життя» про селянський виступ, пов'язаний зі столипінською реформою, в Нижній Сироватці, Бобрику, Низах Сумського повіту.

У квітні 1915 р. в Харкові відбувся з'їзд юнацьких гуртків Лівобережжя, на якому були студенти університету М. Педащенко, А. Заливчий та ін. Секретарем ЦВК Спілки став А. Ковалівський. Незабаром він заснував в університеті Українське національне коло, в програмі якого проголошувалися принципи «націоналізму й шляхотності», «націонал-аристократизму» і розрив з соціалістичною течією. Практично одночасно відродилася нелегальна УСГ університету. Як легальне прикриття своєї діяльності громада використовувала товариство ім. Г. Квітки-Основ'яненка. Вона мала надпартійний характер, об'єднуючи аполітичних культурників, «коло», марксистів, есерів.

У січні 1916 р. жандармське управління провело нічні обшуки більше ніж у 20 підозрюваних у причетності до українського руху. В. Глуходід, А. Заливчий, В. Карякін були звинувачені у приналежності до «Української революційної організації» і без суду відправлені на заслання в Тургайську область.

Та вже в травні того ж року відбулася конференція українських гуртків Харківщини, які представляли переважно студенти університету: К. Коссович, А. Іващенко, О. Колосовський, Ф. Скубак та ін. Робилися спроби реанімувати «коло» і створити на його основі ширшу організацію. Восени були відмічені контакти студентства з представниками СВУ. Активізувалась очолювана О. Синявським і Х. Алчевською група, близька до УНП. Тоді ж кілька разів обговорювалася пропозиція невідомої політичної структури (ймовірно, це була УНП або міжпартійне об'єднання) щодо розгортання партизанської боротьби в тилу російських військ. Зрештою її було відхилено.

Каральні органи вдалися до чергових репресій. Буквально в останні дні царату, в лютому 1917 р., було арештовано О. Синявського, Є. Монченко, Ф. Яременко та ін. Але падіння самодержавства унеможливило розправу над ними.

У цілому український рух серед студентів університету в роки першої світової війни був явищем перманентним, впливовим, відзначався різноманітністю організаційних форм та ідейних напрямків.

О. Нестуля, С. Нестуля (Полтава)

ВНЕСОК Д. І. БАГАЛІЯ У СТАНОВЛЕННЯ ВСЕУКРАЇНСЬКОГО АРХЕОЛОГІЧНОГО КОМІТЕТУ ВУАН

Провідною інституцією наукового догляду за пам'ятками історії і культури та координації пам'яткознавчих студій в середині 20-х років в Україні був Всеукраїнський Археологічний комітет при ВУАН.

Він постав з Археологічного комітету, який існував з лютого 1922 р. при історично-філологічному (першому) відділі ВУАН у складі академіків Ф. Шміта (голова), М. Василенка, М. Біляшівського та О. Новицького (секретар) і мав статус науково-консультативного органу Академії з питань охорони і дослідження пам'яток. Враховуючи необхідність їх вирішення в межах України, академік О. Новицький в червні 1924 р. звернувся до першого відділу з пропозицією включити до складу Археологічного комітету провідних пам'яткознавців республіки й реорганізувати його у Всеукраїнський (ВУАК).

У липні 1924 р. ця пропозиція отримала підтримку першого відділу та Спільного Зібрання ВУАН, які схвалили також принципові положення проекту статуту ВУАКу. У відповідності до нього він мав конституюватися при Академії. Водночас Комітет повинен був забезпечувати підготовку проектів пам'яткоохоронних законів та втілення їх у життя, проводячи облік, фіксуючи стан пам'яток та дбаючи про його поліпшення.

Передбачалося, що ВУАК стане центром координації, організації та планування пам'яткознавчих студій в Україні. Він мав отримати не лише право проводити розкопки, а й видавати дозвіл на них, керувати справою музейного будівництва в Україні. Планувалося, що ВУАК керуватиме роботою губернських та окружних центрів охорони пам'яток.

У вересні 1924 р. президія Наукового комітету Наркомосвіти УСРР передала проект статуту ВУАКу на висновок Д. І. Багалію. Незабаром він направив до Президії свої зауваження до проекту. В них наголошувалося на необхідності узгодити проект статуту ВУАКу з проектом підготовленого НКО УСРР декрету «Про охорону культурних цінностей» та нормами діючого пам'яткоохоронного законодавства, погодити його з відомствами, в управлінні яких знаходилися пам'ятки культури й природи. Д. І. Багалій пропонував доповнити статут положеннями, які б визначали характер стосунків комітету з ними. У відповідності до окреслених проектом його статутних завдань, він запропонував назвати комітет «Комітетом охорони пам'яток археології, мистецтва і природи». Аби розширити адміністративні повноваження комітету, Д. І. Багалій пропонував зазначити в статуті, що він є органом Наркомату освіти у справах пам'яток старовини, мистецтва й природи. Таким чином, пропозиції Д. І. Багалія носили цілком конструктивний характер.

23 жовтня 1924 р. вони були схвалені президією Наукового комітету, а через 5 днів — членами Археологічного комітету. Доопрацьований з урахуванням зауважень Д. І. Багалія проект Статуту «Всеукраїнського Арехологічного комітету дослідження пам'яток старовини, мистецтва й природи» (скорочено — Всеукраїнський Археологічний комітет) 13 грудня 1924 р. затвердила велика президія Наукового комітету НКО УСРР. Щоправда, визнавши ВУАК центральним органом Наркомосвіти з питань наукового догляду за пам'ятками та організацією досліджень, вона обмежила його адміністративні права. Однак, головне, він отримав чітко визначений правовий статус і можливість для розгортання своєї діяльності, яку й реалізував у середині 1920-х рр.

В. О. Пірко (Донецьк)

ПИТАННЯ АТРИБУЦІЇ ТОПОГРАФІЧНИХ ОПИСІВ ХАРКІВСЬКОГО НАМІСНИЦТВА У ТВОРЧОСТІ Д. І. БАГАЛІЯ

До топографічних описів Харківського намісництва кінця XVIII ст. Д. І. Багалій звертався не тільки як дослідник історії Слобожанщини, але й як археограф і джерелознавець. Оскільки опис 1785 р. вважався втраченим, найбільшу увагу історик зосередив на опублікованому в 1788 р. в Москві описі, який приписували І. О. Переверзєву.

З цим висновком спочатку погоджувався і Д. І. Ба-галій. Однак при підготовці до видання названої пам'ятки у зв'язку із 100-річчям її першої публікації він не міг оминути опублікованої в «Київській старовині» (березень, 1886 р.) замітки М. Черняєва, в якій стверджувалося, що автором «Топографічного опису Харківського намісництва з історичною передмовою» необхідно вважати не І. О. Переверзєва, а капітана М.Загоровського. Підставою такого висновку з'явилася «Відомість цензора, префекта Московської слов'яно-греко-латинської академії ігумена Мойсея», опублікована П. Бартєнєвим у 1868 р. в збірнику «Осьмнадцатый век» (Кн. I, с. 441), в якій повідомлялося, що в лютому 1787 р. М. Загоровський подав на підпис цензору оригінал і видрукований екземпляр «Топографічного опису Харківського намісництва».

У передмові до видання 1888 р. Д. І. Багалій писав, що хоча формально питання авторства опису можна вважати вирішеним, залишається ще багато нез'ясованого у цій справі, що висновок М. Черняєва він сприймає з великим сумнівом.

Д. І. Багалій мав усі підстави сумніватися щодо висновку М. Черняєва, адже з 6 лютого 1786 — до кінця 1787 р. М. Загоровський представив цензору 9 різних книг. Зважившись на те, що за назвою книги у «Відомості» наявна наступного змісту приписка: «Сию книгу в оригинале и печатный экземпляр доставить цензору и не прежде выпускать, пока не получу на то письменное дозволение обязуюсь. Николай Загоровский», маємо підстави вважати, що капітан М. Загоровський був не автором усіх цих різних за тематикою та обсягом книг, а лише їхнім експедитором. Іншими словами, він відповідав за дотримання «Компанією типографій» цензурного режиму. Тому приписувати йому складення опису Харківського намісництва немає належних підстав.

На сьогодні відомо три описи Харківського намісництва: «Топографічний опис Харківського намісництва 1785 р.» (3 списки), «Топографічний опис Харківського намісництва 1787 р.» (2 списки з планами міст і картами намісництва та повітів) і «Топографічний опис Харківського намісництва з історичною передмовою» — публікація 1787 р. (вихідні дані — 1788). Останній опис у кількісних показниках населення співпадає з чорновим варіантом опису 1785 р. На нашу думку, це дає підстави стверджувати, що І. О. Переверзєв як керівник начальних закладів Харківщини міг бути призначений відповідальним за роботу з опису намісництва ще до створення відповідної анкети П. Соймоновим. На цю думку наводить складена ним передмова до опису намісництва, яка висвітлює історичне минуле краю. Однак його опис не відповідав анкеті й був відхилений. У намісницькій канцелярії було складено опис 1785 р. На підставі опису І. О. Переверзєва було складено короткий опис 1787 р.

К. В. Філіпов (Харків)

СІЛЬСЬКОГОСПОДАРСЬКА КООПЕРАЦІЯ ХАРКІВЩИНИ В 20-і РОКИ XX ст.

З розгортанням НЕПу створювалися сприятливі умови для розвитку багатогранних форм власності, у тому числі кооперації, яка стала не тільки активним елементом економічної політики Радянської держави, але й зрозумілою формою господарювання для мільйонів селянських господарств. Характерне для соціально-економічного розвитку українського села 20-х років зростання питомої ваги середняцьких дворів з їх відносною сталістю розвитку створювали справжню соціально-економічну базу сільськогосподарської кооперації.

Харківщина була одним з найбільш розвинених регіонів за рівнем кооперативного будівництва в сільському господарстві не тільки на Лівобережжі, але й у всій Україні. Це виявлялося як в чисельності мережі, так і в показниках кількості селянських дворів, охоплених кооперацією та відсотком кооперованого нею сільського населення. На середину 20-х років на Харківщині було кооперовано 51,16% сільського населення. Пересічно це значно більше, ніж в цілому в Лівобережному регіоні (37,6%), або в кожному з інших районів України (Полісся — 25,9%, Правобережжя — 17,8, Степ — 34,9). Харківщина відрізнялася найбільш інтенсивним процесом будівництва сільськогосподарської продукції. Тут була ціла низка господарсько-економічних та демографічних чинників, які визначили рівень кооперованості населення в сільськогосподарській кооперації по різних округах: в Ізюмській — 72,1%, в Куп'янській — 42, в Харківській — 39,4.

В перший період становлення і розвитку сільськогосподарська кооперація розвивалася в низовій, первинній мережі в формі універсальної кооперації (з кредитними функціями або без них), а з другої половини 20-х років почали створюватися спеціалізовані (фахові) кооперативні товариства, які кооперували не тільки збуто-постачальні, але й окремі виробничі процеси індивідуальних господарств. Це стало свідченням не лише поглиблення спеціалізації сільськогосподарського виробництва, але й адекватним відображенням цього процесу в формах його організації. На 1 жовтня 1926 р. було створено 279 універсальних товариств. З середини 20-х років зростає і кількість спеціалізованих товариств — буряківничих, молочарських, машино-тракторних, садово-городних, насінневих тощо; на 1 жовтня 1926 р. їх чисельність досягає 989.

У другій половині 20-х років зростала практично вся мережа сільськогосподарської кооперації, за виключенням універсальних товариств, які у 1928 р. майже всі перейшли на статути кредитованих. Повільними темпами зростали товариства та особливо спілки скотарсько-молочарського та птахівничого фаху. Селянство не надто поспішало вступати в спілки, де вже відчувався значний вплив радянських органів, які всіляко втручалися в господарські операції товариств і намагалися керувати ними згідно з директивами партійних інстанцій.

За соціальним складом сільськогосподарські товариства Харківщини були середняцькими, як і в усій Україні. Проте особливістю їх було те, що тут був найнижчій відсоток бідняцьких та незаможницьких верств. Ця риса була притаманною для всієї Лівобережної України і обумовлювалася історичним минулим цього краю такою ж мірою, як і тогочасними реаліями. На 1 жовтня 1927 р. відсоток незаможницьких господарств в сільськогосподарських товариствах складав: у Степовій Україні — 48,7%, на Правобережжі — 45,1, в Поліссі — 35,6, на Лівобережжі — 31,4%. Кооперване в сільськогосподарській кооперації селянство Лівобережжя, і Харківщини в тому числі, було найбільш заможним у порівнянні з іншими регіонами України.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПОХА КАМНЯ

Кулаковская Л. (*Киев*). Микокские элементы в среднем палеолите Украины 5
Мацкевий Л. Г. (*Львів*). Питання найдавнішнього заселення території міста Львова 5
Оленковський М. П. (*Херсон*). Про походження граветських елементів
в амвросіївській та нововолодимирівській культурах 6
Ситник О. С. (*Львів*). Леваллуазька культурна спільність
середньопалеолітичних пам'яток заходу України 7
Ткаченко В. І. (*Київ*). Оріньякоїдні культури Закарпаття
в системі пізнього палеоліту Центральної та Східної Європи 8

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Берестнев С. И. (*Харьков*). К проблеме соотношения культур эпохи бронзы
в Восточноукраинской лесостепи 9
Воловик С. И. (*Харьков*). Могильники и погребальный обряд
малобудковского населения 10
Дмитриев В. А. (*Харьков*). К вопросу об этнической принадлежности
древнейших подкурганных захоронений Восточной Европы 10
Кислый А. Е. (*Симферополь*). Катакомбные и каменские памятники:
проблема соотношения культур 11
Ковалева И. Ф. (*Днепропетровск*). О времени и культурной принадлежности
древнейших погребений в катакомбах Поднепровья 12
Курбан О. В. (*Київ*). Керамічне виробництво племен катакомбної культури 13
Литвиненко Р. А. (*Донецк*). Об относительной хронологической позиции
памятников покровского типа (ППТ) в бассейне Северского Донца 14
Мамонтов В. И. (*Волгоград*). К вопросу о населении правобережья Дона 14
Марина З. П. (*Днепропетровск*). Ямные погребения
Днепровского Левобережного Предстепья с металлическими украшениями 15
Отрощенко В. В. (*Київ*). До питання про класифікацію
та культурну належність клепаних казанів 16
Потоцкий А. В. (Харьков). Природно-ландшафтные условия
Восточноукраинской лесостепи в неолите — бронзовом веке 17
Пряхин А. Д. (*Воронеж*). Юго-западные пределы доно-волжской абашевской культуры 18
Рижов С. М. (*Київ*). Дослідження піздньотрипільських пам'яток
Буго-Дніпровського межиріччя 18
Ромашко В. А. (*Днепропетровск*). К вопросу о «чернолесской» керамике
Левобережной Украины 19
Татаринов С. И., Кравец Д. П. (*Артемовск*).
О Донецком горнометаллургическом центре эпохи бронзы 20
Тесленко Д. Л. (*Днепропетровск*). Особенности оформления могил
ямной культуры Поднепровья 20
Усачук А. Н. (*Донецк*). К вопросу о гребнях и орудиях прядения
в материалах срубной культуры 21
Федяев С. В., Татаринов С. И. (*Артемовск*). Уникальное погребение
катакомбной культуры с «игрушкой» 22
Цимиданов В. В. (*Донецк*). Погребения «спутников» и «жертв» в срубной культуре 23
Шумова В. О., Рижов С. М.(*Київ*). Дослідження пізньотрипільського поселення
біля с. Гордашівка на Черкащині 23

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Бабенко Л. И. (*Харьков*). Погребальный обряд Песочинского курганного могильника скифского времени ... 25
Бакуменко К. И. (*Харьков*). Доспехи скифских воинов V–IV вв. до н. э. ... 26
Бессонова С. С. (*Киев*). К вопросу о кочевниках скифского времени в Лесостепи ... 26
Бойко Ю. Н. (*Винница*). К вопросу о миграциях в Приднепровской Лесостепи VII–III вв. до н. э. ... 27
Вальчак С. Б. (*Москва*). Узда азиатского типа в предскифских памятниках Европы ... 28
Власов В. П. (*Симферополь*). О населении Булганакского городища в позднескифское время (по материалам лепной керамики) ... 29
Каряка А. В. (*Киев*). О соотношении амфорной тары различных центров в Нижнем Поднепровье ... 30
Кашуба М. Т. (*Киев*). Курган-святилище скифского времени близ с. Мокра в Среднем Поднестровье ... 30
Косиков В. А. (*Донецк*). О производстве бронзовых наконечников стрел на территории днепровского лесостепного Левобережья в раннем железном веке ... 31
Медведев А. П. (*Воронеж*). Начало раннего железного века на Среднем Дону ... 32
Мурзін В. Ю. (*Київ*). Скіфознавство: сучасний стан та основні наукові проблеми ... 33
Храпунов И. Н. (*Симферополь*). Нейзац — могильник позднеримского времени в центральном Крыму ... 34
Шепко Л. Г. (*Донецк*). Женское погребение с топором в Донбассе ... 35
Шрамко Б. А. (*Харьков*). Возникновение и развитие Бельского городища ... 36

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Болгов Н. Н. (*Белгород*). Территориально-хозяйственная структура позднего Боспора ... 37
Галченко Н. В., Федосимова Т. Н. (*Керчь*). К проблеме возврата культурно-исторического наследия ... 37
Дьячков С. В. (*Харьков*). Флавии в составе населения античных государств Северного Причерноморья ... 38
Ермолова И. Е. (*Москва*). Распад «державы» Аттилы и Северное Причерноморье ... 39
Зубарев В. Г. (*Тула*). К истории сельской территории Европейского Боспора в первые века нашей эры ... 40
Зубарь В. М. (*Киев*), **Савеля О. Я.** (*Севастополь*), **Сарновский Т.** (*Варшава*). Храм Юпитера Долихена в окрестностях Херсонеса Таврического ... 40
Кадеев В. И. (*Харьков*). Профессор Харьковского университета Е. Г. Кагаров ... 41
Коптев А. В. (*Вологда*). Начальник конницы — заместитель и наследник царя в архаическом Риме ... 42
Крупа Т. Н. (*Харьков*). Античная обувь Херсонеса Таврического ... 43
Латышева В. А. (*Харьков*). К вопросу о благоустройстве сельских поселений херсонесской хоры (по материалам пос. Маслины) ... 43
Магда А. В. (*Харьков*). История изучения и современные исследования Западного некрополя Херсонеса Таврического ... 44
Мартемьянов А. П. (*Харьков*). Социальные отношения в аграрном секторе экономики фракийских земель в первых веках н. э. ... 45
Масленников А. А. (*Москва*). Царская хора Боспора ... 46
Молев Е. А. (*Нижний Новгород*). Первые Спартокиды — кто они? ... 46
Нефедов К. Ю. (*Харьков*). Культ правителей как идеологический феномен эллинизма ... 47
Ручинская О. А. (*Харьков*). Сообщества граждан античных городов Северного и Западного Понта в I—III вв. н. э. ... 47
Сергеев И. П. (*Харьков*). Проблема экономического развития западных провинций Римской империи в период кризиса III века в новейшей историографии ... 48
Сорокина Н. П., Алексеева Е. М. (*Москва*). Стеклодельческий район II—III вв. в Горгиппии ... 49
Туровский Е. Я. (*Севастополь*). О начальной дате чеканки монеты в Херсонесе Таврическом ... 49

Шевченко А. В. (*Севастополь*). Культовые терракоты раннего Херсонеса (V– первая половина IV в. до н. э.) 50

ВИЗАНТИЯ, ХАЗАРИЯ И КОЧЕВНИКИ

Аксенов В. С. (*Харьков*). К вопросу об уровне вооруженности салтовского населения в условиях пограничья 51
Алексеенко Н. А. (*Севастополь*). Печать киевского митрополита Кирилла из Херсонеса 52
Жиронкина О. Ю. (*Харьков*). Материалы к типологии стеклянных бус Нетайловского могильника (технологический анализ) 52
Иванов А. А. (*Волгоград*). О поминальных курганах хазарского времени на Нижнем Дону 53
Иванов А. В. (*Севастополь*), **Назарова Т. А.** (*Киев*). Позднекочевнический могильник Ек-Мурун-Оба и средневековое население Херсона и Эски-Кермена (по данным антропологии) 54
Ивченко А. В. (*Донецк*). Построение социальных реконструкций на материалах погребений раннесредневековых кочевников Северного Причерноморья 54
Ковалевская В. Б. (*Москва*). Историко-культурные связи Северного Причерноморья в I тыс. н. э. (компьютерное картографирование массовых материалов) 55
Колода В. В. (*Харьков*). Жилые помещения раннесредневекового ремесленного центра в урочище Роганина 56
Крыганов А. В. (*Харьков*). О результатах исследования Верхнесалтовского и Нетайловского памятников 57
Лямин А. В. (*Екатеринбург*). К истории изучения «пещерных городов» Крыма 58
Майко В. В. (*Симферополь*). Этнокультурные связи Крыма с Поднепровьем и Подоньем в VIII—IX вв. 58
Науменко В. Е. (*Симферополь*). Общеполитическая ситуация в Северном Причерноморье в IX в. в связи с учреждением и становлением византийской фемы в Таврике 59
Полидович Ю. Б. (*Донецк*). Половецкие каменные изваяния — изображения богов? 60
Романчук А. И. (*Екатеринбург*). Особенности планировки и стратиграфии второго портового квартала Херсонесского городища 61
Рыжов С. Г. (*Севастополь*). Средневековая жилая усадьба X—XIII вв. в Северном районе Херсонеса (постоялый двор) 61
Савин А. М., Семенов А. И. (*Санкт-Петербург*). Забытые, неопознанные и незамеченные луки гунно-болгарского типа 62
Семенов А. И. (*Санкт-Петербург*). К поискам наземных признаков поминально-погребальных сооружений раннесредневековых кочевников Восточной Европы 63
Сорокин Ю. В. (*Ростов-на-Дону*). К вопросу о составе лепной керамики из курганов с квадратными ровиками хазарского времени 64
Сорочан С. Б. (*Харьков*). К вопросу о планировке и функциях улиц раннесредневековых византийских городов 65
Сташенков Д. А. (*Самара*). К вопросу о евразийской моде и ее локальных вариантах в эпоху раннего средневековья 65
Тортика А. А. (*Харьков*). Новый взгляд на маршрут перекочевок в Великой Болгарии Кубрата 66
Труфанов А. А. (*Симферополь*). К вопросу о последнем этапе культуры поздних скифов Крыма 67
Флеров В. С. (*Москва*). Салтово-маяцкая культура: проблема ограбленности погребений 69
Флерова (Нахапетян) В. Е. (*Москва*). Возможности реконструкции верований Хазарии по изобразительным источникам 69
Цитковская Ю. И. (*Харьков*). Анализ коллекции текстиля из Нетайловского могильника 70

Шаманаев А. В. (*Екатеринбург*). Использование трасологии
для технологического изучения костяных и роговых изделий
средневекового Херсона (по материалам раскопок портового квартала 2) 71

СЛАВЯНЕ И КИЕВСКАЯ РУСЬ

Войнаровський В. М. (*Львів*). Стаціонарні залишки виробництва шкіри 72
Готун І. А. (*Київ*). Типи будівель давньоруського села 73
Дегтярь А. К., Любичев М. В. (*Харьков*). Межэтнические контакты
в период раннего средневековья на Северском Донце
(по материалам поселения Нижний Бишкин 2) 74
Енуков В. В. (*Курск*). О содержании летописного термина «Посемье» 74
Енукова О. Н. (*Курск*). К вопросу об усадебной застройке южной Руси
в домонгольское время (по материалам Липинского археологического комплекса) 75
Ковалевский В. Н. (*Воронеж*). Славянские ножи с волютообразным навершием 76
Коновалова И. Г. (*Москва*). О южных пределах древнерусских княжеств
в первой половине XII в. 77
Магомедов Б. В. (*Київ*). До історії фінального етапу черняхівської культури 77
Обломский А. М. (*Москва*). Итоги этнокультурного анализа материалов
черняховского могильника Компанийцы 78
Онищук Я. І. (*Львів*). До питання взаємовідносин черняхівської
та вельбарської культур на пограниччі Західної Волині та Поділля 79
Приймак В. В., Приймак В. М. (*Суми*), **Сухарєв К. С.** (*Харків*).
З історії Дніпровського лісостепового Лівобережжя середини XIII—XVII ст. 80
Приходнюк О. М. (*Київ*). Склавіни 80
Сергєєва М. С. (*Київ*). Зооморфні мотиви в декорі давньоруських виробів з кістки 81
Скиба Л. Є. (*Київ*). Нова пам'ятка зарубинецької культури 82
Стародубцев Г. Ю. (*Курск*). Янтарь: древние пути проникновения в Курское Посеймье 83
Терпиловський Р. В. (*Київ*). Про характер пам'яток колочинської культури
Чернігівського Подесення 84
Тихомиров Н. А. (*Курск*). Исследования Суджанского раннеславянского микрорегиона 84
Циндровська Л. О. (*Київ*). Пізньозарубинецькі поховання на Середньому Подніпров'ї 85

ИСТОРИЯ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ

Болдецкая О. А. (*Харьков*). Региональная специфика и ее влияние
на формирование представлений этнических групп об образе «мы» 86
Бутенко В. І. (*Харків*). Школа на Харківщині (20-і роки XX століття) 87
Козюра І. В. (*Лубни*). Розвиток історико-краєзнавчих досліджень
на Полтавщині в 20-і роки XX ст. 87
Мартемьянова Н. С. (*Харьков*). Из истории музейного строительства
в Харькове в XIX– начале XX в. 88
Наумов С. О. (*Харків*). Нелегальні українські гуртки
в Харківському університеті (1914—1917 рр.) 89
Нестуля О., Нестуля С. (*Полтава*). Внесок Д. І. Багалія у становлення
всеукраїнського археологічного комітету ВУАН 90
Пірко В. О. (*Донецьк*). Питання атрибуції топографічних описів
Харківського намісництва у творчості Д. І. Багалія 90
Філіпов К. В. (*Харків*). Сільськогосподарська кооперація Харківщини
в 20-і роки XX ст. 91

[illegible]

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УКРАИНЫ

К 140-летию со дня рождения
академика Дмитрия Ивановича Багалея

Тезисы докладов научной конференции
(Харьков, 16-18 апреля 1997 года)

Подготовка сригинал-макета и печать АО «Бизнес Информ»
Тираж 200 экз. Заказ № 120. Бесплатно.

310002 Харьков, ул. Маршала Бажанова, 28, к. 319
Тел.: (0572) 14-03-89, 14-03-90, 47-72-54